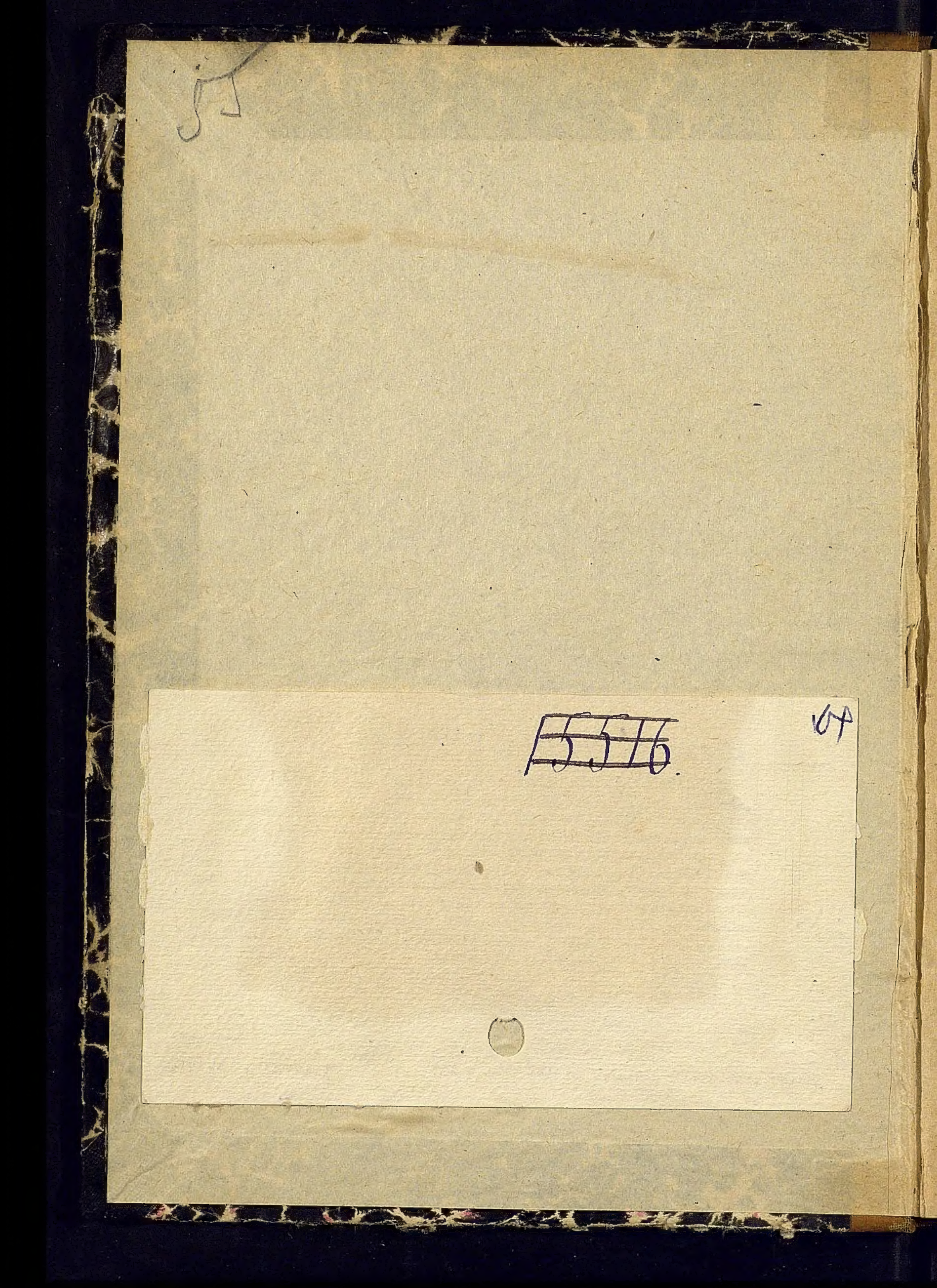
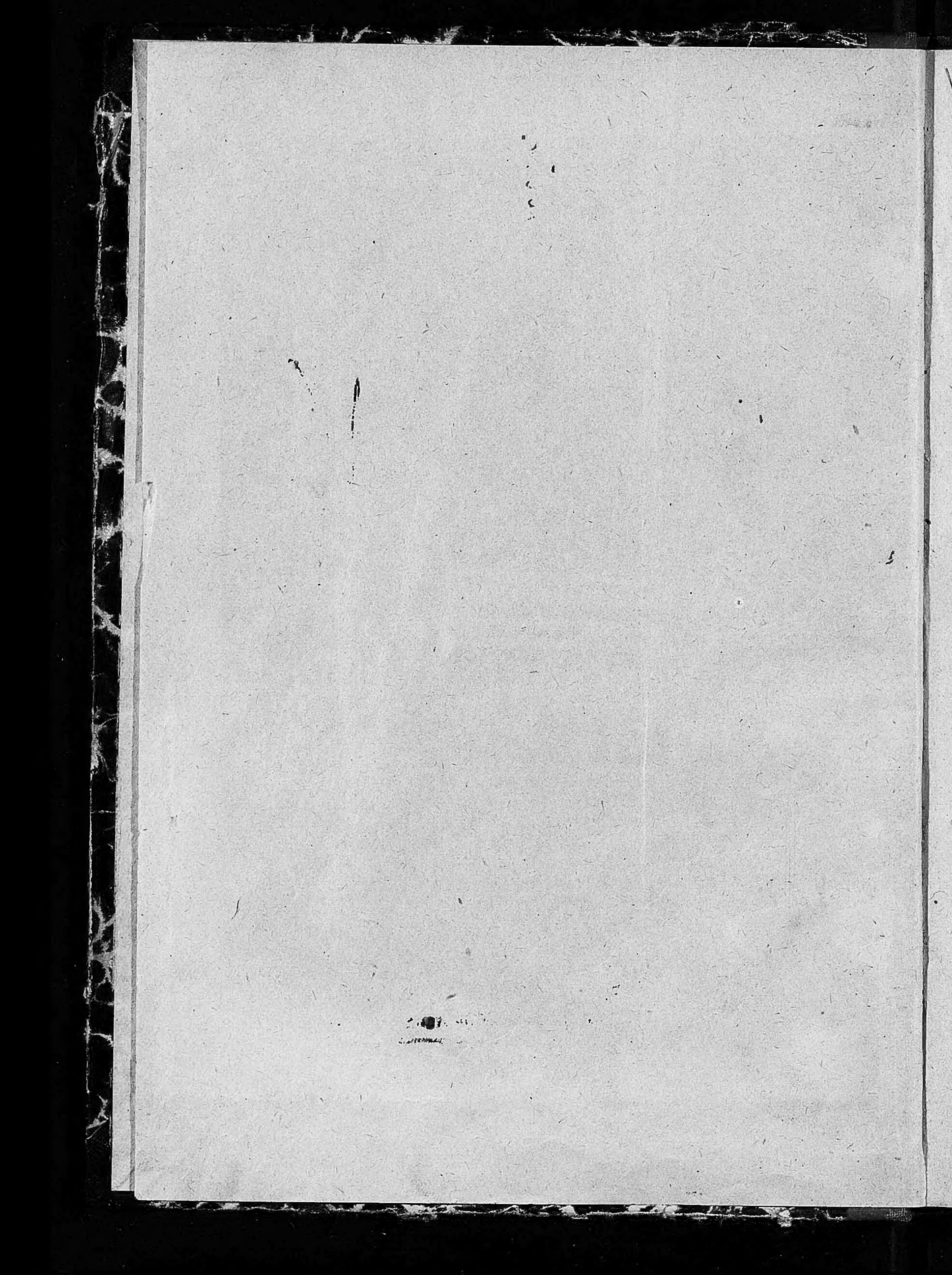

5516
04

ИЗЪ ИСТОРІИ РОДНОЙ ЗЕМЛИ.

ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ

ДЛЯ ШКОЛЪ И НАРОДА

СЪ РИСУНКАМИ И КАРТАМИ ВЪ ТЕКСТѢ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ДРЕВНЯЯ РОССІЯ.

СОСТАВИЛЪ
Д. И. Тихомировъ.

Изданіе девятое, печатано съ восьмого изданія, исправленнаго по указанію Особаго Отдѣла Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Допущена Уч. Комитетомъ М. Н. Пр. въ библіотеки начальныхъ училищъ, въ безплатныя народныя библіотеки и читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній.

Допущена Военно-Ученымъ Комитетомъ Главнаго Штаба—для обращенія въ войскахъ; Ученымъ Отдѣломъ Главнаго Морского Штаба—для библіотекъ нижнихъ чиновъ Морского Вѣдомства.

Цѣна 40 коп.

МОСКВА.
Типографія К. Л. Меньшова, Арбатъ, Никольскій пер., д. № 31.
1910

Для учителя.

Исторія родной земли, въ ряду другихъ предметовъ первоначальнаго образованія, *можетъ имѣть* высокое *педагогическое* значеніе.

Выводя изъ тѣснаго и замкнутаго круга понятій и интересовъ обиходной личной жизни въ область понятій и интересовъ жизни общенародной, — историческое чтеніе постепенно формируетъ въ сознаніи новыя — высшія понятія и мысли, пробуждаетъ и воспитываетъ новые высшіе интересы и тѣмъ самымъ приводитъ къ разумѣнію современныхъ формъ и явленій жизни общенародной, подготовляетъ къ посильно-разумному участію въ этой современной жизни.

Изображая дѣятельность отдѣльнаго лица или цѣлой группы лицъ среди всего народа, историческое чтеніе наглядно и осязательно научаетъ различать, что добро и что зло и для отдѣльнаго лица, и для цѣлаго народа, направляетъ волю къ добру, отвращаетъ отъ зла.

Рисуя высокіе образы безкорыстнаго служенія на общую пользу, самоотверженнаго и благороднаго исполненія своего долга, историческое чтеніе воспитываетъ высокое уваженіе къ лучшимъ людямъ родной земли и направляетъ волю на посильное имъ подражаніе.

Знакомя съ минувшею судьбой родной земли, историческое чтеніе дастъ возможность пережить вмѣстѣ съ народомъ, въ его историческомъ прошломъ, и тяготы вѣкового труда на общую пользу, и годины невзгодъ, и свѣтлые дни благополучія и славы, и тѣмъ самымъ сильнѣе укрѣпить

чувства привязанности и любви къ родному народу, осмыслить и освѣтить это естественное чувство.

Читателю изъ народа историческое чтеніе разъяснитъ все то, что онъ безсознательно почитаетъ, во что слѣпо вѣритъ, какъ въ незыблемыя основы и прошлой, и современной жизни.

Показавъ весь неисчислимый трудъ и великія жертвы, что вынесъ на себѣ народъ въ теченіе вѣковъ, на благо своихъ современниковъ и потомства, историческое чтеніе предскажетъ чувство благодарности къ предкамъ, чувство долга по отношенію къ настоящему и будущему.

Таково *можетъ быть* образовательное и воспитательное значеніе историческаго чтенія — *во всемъ его объемѣ*. Понятно, что значеніе это находится въ полной зависимости и отъ выбора историческаго матеріала, и отъ возраста, и мѣры развитія читателя. Но и на первой, самой низшей ступени развитія желательно сдѣлать въ указанномъ направленіи, что возможно, и тѣмъ положить въ читателѣ хотя бы начало для дальнѣйшаго развитія исторической мысли, для дальнѣйшаго воспитанія историческаго чувства.

Знакомя съ одною внѣшнею стороной исторіи, передавая анекдотическіе разсказы объ историческихъ лицахъ и событіяхъ, сообщая только исторію войнъ и завоеваній,— нельзя достигнуть намѣченныхъ выше цѣлей. Не дастъ желанныхъ результатовъ и знаніе отдѣльныхъ историческихъ фактовъ изъ внутренней жизни и быта народа, если только факты эти не освѣщены мыслью, не согрѣты чувствомъ. Къ тому же, и при надлежащемъ разъясненіи и освѣщеніи, многое изъ исторіи матеріальной и духовной жизни народа должно быть признано недоступнымъ для читателя неподготовленнаго; многое иное не найдетъ мѣста въ предназначаемой для школъ и народа книгѣ и по другимъ причинамъ.

Яркія и живыя характеристики избранныхъ историческихъ лицъ и событій (отвѣчающихъ намѣченнымъ выше педагогическимъ цѣлямъ), доступное объясненіе *значенія* дѣятельности лицъ и *смысла* описываемыхъ событій, сообщеніе и толкованіе доступныхъ фактовъ и явленій мате-

ріальной и духовной жизни народа — въ непосредственной связи съ описанными лицами и событіями,—вотъ что должно составить, на нашъ взглядъ, содержаніе очерковъ и разсказовъ изъ исторіи родной земли, предназначаемыхъ для первой ступени историческаго чтенія.

Избранное содержаніе мы старались передать въ самой доступной для неподготовленнаго читателя формѣ. Мы избрали лишь выдающееся и болѣе крупное, избѣгали уснащать и заслонять главное мелкими фактами, старались всесторонне освѣщать избранное, чтобы оно легче было воспринято и сильнѣе запечатлѣлось въ сознаніи.

Все избранное содержаніе мы раздробляли на мелкіе очерки, разсказы, характеристики, разсужденія, и каждая статейка въ книгѣ, состоя въ тѣсной связи съ предшествующими и послѣдующими, представляетъ собою въ то же время и самостоятельное законченное цѣлое, въ чемъ бы могъ разобраться и малоразвитой читатель. Учитель поможетъ ученикамъ связать эти отдѣльныя статейки и приведетъ юныхъ читателей къ посильному разумѣнію ихъ общаго содержанія.

Чтобы содержаніе сильнѣе запечатлѣлось въ воображеніи и чувствѣ читателя, мы дали мѣсто въ нашей книгѣ художественно - литературнымъ произведеніямъ. Замѣчено, что дѣти съ особеннымъ удовольствіемъ читаютъ и заучиваютъ историческія стихотворенія, рисующія знакомыя имъ лица и событія. — Для той же цѣли мы иллюстрировали, какъ могли, историческій текстъ картинками, портретами, изображеніями памятниковъ и географическими картами. (Часть рисунковъ любезно предоставлена намъ въ распоряженіе редакціей журнала „Читальня народной школы“, гдѣ предварительно напечатана была вся первая часть книги и начало второй части; нѣкоторые другіе рисунки мы заимствовали изъ почтеннаго труда г. Сиповскаго — „Родная старина“; географическія карты составлены нарочито для настоящаго изданія).

Предварительное печатаніе настоящихъ разсказовъ въ названномъ выше журналѣ дало намъ возможность провѣ-

рить свой трудъ на практикѣ — въ школѣ, и сверхъ того, заручиться совѣтами, указаніями, замѣчаніями какъ преподавателей, такъ и другихъ близко стоящихъ къ школѣ и народу лицъ. Пользуясь всѣми этими указаніями, мы значительно переработали и дополнили свою книгу. (Приносимъ искреннюю благодарность всѣмъ лицамъ, сочувственно отнесшимся къ нашей работѣ, особенно же В. П. Острогорскому — за многіе полезные совѣты и указанія).

При составленіи предлагаемаго пособія мы пользовались русскими лѣтописями и другими сказаніями, и трудами гг. Андреева, Брикнера, Голубинскаго, Гуревича, Забѣлина, Ключевскаго, Костомарова, митроп. Макарія, Петрушевскаго, Погодина, Полевого, Сиповскаго, Соловьева, Устрялова, Щебальскаго и многихъ другихъ.

Какъ пособіе *для учителя*, мы рекомендуемъ прекрасный трудъ г. Сиповскаго—„Родная старина".—Какъ пособіе *для класса*, укажемъ на историческія картины г. Рождественскаго (самое лучшее, что есть въ этомъ родѣ) и картины Сизова, а какъ самыя дешевыя—картины г. Зенгбуша.

Второе изданіе тщательно исправлено, главнымъ образомъ, со стороны изложенія.

Въ четвертомъ изданіи сдѣланы сокращенія и исправленія согласно указаніямъ Особаго Отдѣла Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Д. И. Тихомировъ.

Жизнь русскихъ Славянъ.

Откуда пришли древніе Славяне.

Первые люди жили въ Азіи. Размножились люди, и стало имъ тѣсно; пошли они на западъ—искать новыхъ мѣстъ для поселенія. Въ незапамятныя еще времена вышли изъ Азіи всѣ европейскіе народы; позже другихъ пришли въ Европу Славяне, наши предки.

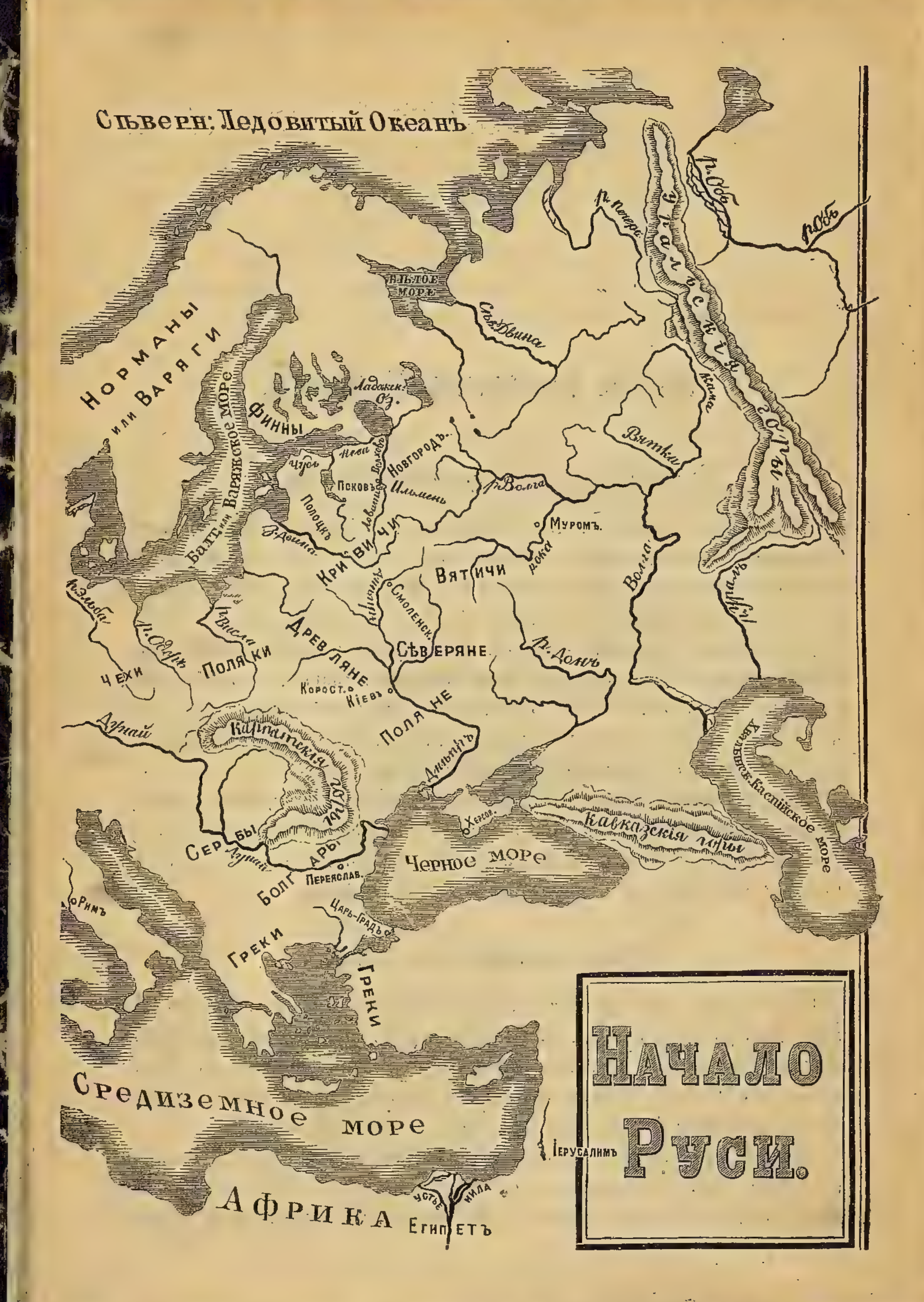
Древнѣйшія поселенія Славянъ въ Европѣ были на Дунаѣ. Привольно жилось здѣсь мирному славянину-земледѣльцу: страна теплая, плодородная, растительность богатая. Не ушли бы Славяне съ Дуная по доброй волѣ, да стали тѣснить ихъ сильные сосѣди, и пришлось имъ двинуться съ Дуная въ разныя стороны.

Часть Славянъ осталась на Дунаѣ (нынѣшніе *Болгары* и *Сербы*). Другая часть двинулась на сѣверо-западъ (нынѣшніе *Чехи* и *Поляки*). Третья часть Славянъ направилась на сѣверо-востокъ и вверхъ по Днѣпру: отъ нихъ-то и произошелъ Русскій народъ.

Рѣка—дорога переселенцу.

Отъ Чернаго моря до Сѣвернаго океана, отъ Карпатъ и Балтійскаго моря до Уральскихъ горъ, на тысячи верстъ во всѣ стороны, раскинулась необъятная равнина. Нѣтъ внутри этой равнины ни морей, ни высокихъ горъ. Только въ срединѣ незамѣтно поднимается плоская возвышенность (*Алаунская* или *Урало-Балтійская*).

Съ этой срединной возвышенности текутъ во всѣ стороны большія и малыя рѣки со множествомъ притоковъ. Какъ сѣть раскинулись рѣки по необъятной равнинѣ. Не будь этой водной сѣти, трудно

Сѣверн: Ледовитый Океанъ
Норманы или Варяги
Балт. или Варяжское море
Финны
Ладожск. Оз.
Бѣлое море
С. Двина
Новгородъ
Псковъ
Ильмень
р. Волга
Муромъ
Вятка
Кривичи
Смоленскъ
Вятичи
Сѣверяне
р. Донъ
Волга
Древляне
Поляки
Чехи
Висла
Корост.
Кіевъ
Поляне
Дунай
Карпатскія горы
Днѣпръ
Сербы
Болгары
Переяслав.
Херсон.
Черное море
Кавказскія горы
Хвалынск. Каспійское море
Римъ
Царь-градъ
Греки
Греки
Средиземное море
Іерусалимъ
Африка
Египетъ
Устье Нила
Уральскія горы
р. Обь
Кама
Начало Руси.

было бы первымъ поселенцамъ проникнуть внутрь почти безлюдной, дикой страны: легко заблудиться въ лѣсныхъ непролазныхъ трущобахъ, переполненныхъ дикими звѣрями; трудно пробраться по топкимъ болотамъ. Рѣка—дорога ровная и сама указываетъ путь поселенцу. Большія и малыя рѣки близко подходятъ другъ къ другу: перетащатъ поселенцы изъ одной рѣки въ другую свои легкія лодочки и плывутъ дальше, открываютъ новыя мѣста.

По берегамъ рѣкъ и ютились первыя поселенія русскихъ Славянъ. Рѣки же мало-по-малу и разнесли поселенцевъ во всѣ стороны необъятной нашей равнины.

Великій водный путь.

Проѣзжихъ дорогъ прежде почти не было, изъ одной земли въ другую переправлялись по рѣкамъ. Съ сѣвера на югъ, отъ Балтійскаго моря къ Черному, по рѣкамъ и озерамъ лежалъ *«Великій водный путь»*.

Изъ Балтійскаго моря, черезъ Финскій заливъ, входили въ Неву и въ Ладожское озеро. Изъ Ладожскаго озера поднимались по Волхову въ озеро Ильмень и плыли вверхъ по рѣкѣ Ловати, до ея истока. Отсюда,—гдѣ по малымъ рѣчкамъ, гдѣ волокомъ, доходили до истока Днѣпра и спускались въ Черное море. По Черному морю можно было доплыть и до Дуная, и до богатаго Царь-града.

По Великому водному пути пріѣзжали къ Славянамъ иноземные купцы съ заморскими товарами; тѣмъ же путемъ отвозили и Славяне свои товары къ иноземцамъ. Приводилъ къ Славянамъ Великій водный путь и дружины удалыхъ заморскихъ разбойниковъ (Варяговъ). Ѣздили и сами Славяне по этому пути грабить черноморскія земли.

Мѣста первыхъ поселеній.

На южной окраинѣ русской равнины разстилается широкая, неоглядная степь. Далеко на востокъ стелется степь,—сливается съ безпредѣльными азіатскими степями. Тепло въ степи грѣетъ солнышко. Земля во многихъ мѣстахъ—тучная, плодородная. Хорошо бы здѣсь основаться, но опасно: бѣдой грозилъ мирному пахарю свирѣпый азіатъ-кочевникъ.

На крайнемъ сѣверѣ, на многія тысячи верстъ, раскинулся неиз-

вѣданный и грозный Ледовитый океанъ; своимъ ледянымъ дыханіемъ превратилъ онъ все сѣверное побережье въ мертвую пустыню.—И много простора въ глухой пустынѣ, да нельзя здѣсь жить пахарю.—

Средняя полоса русской равнины и теперь еще богата и хвойными и лиственными лѣсами, а прежде непроходимые лѣса тянулись сплошь на многія сотни верстъ. Лѣса перемежались лишь озерами да топями. Привольно было въ лѣсной глуши плодиться всякому звѣрю; раздолье и всякой лѣсной птицѣ. А въ лѣсахъ, поюжнѣе, въ изобиліи родились и дикія пчелы. Въ полноводныхъ рѣкахъ и озерахъ много всякой рыбы. И земля въ средней полосѣ хоть и не вездѣ плодородна, но при усердномъ трудѣ прокормитъ человѣка. Зима хоть и холодна здѣсь бываетъ, да перенести стужу все же можно; а лѣсъ съ избыткомъ доставляетъ человѣку все, что нужно для защиты отъ холода: есть изъ чего построить и протопить избу, не трудно въ лѣсу и теплый мѣхъ добыть. Къ тому же и коренные обитатели средней полосы—финскія племена—были народъ смирный, малосильный и уступчивый.

Въ средней полосѣ (по Днѣпру и Западной Двинѣ, по верховьямъ Оки и Волги, по Ильменю и Волхову) и основались наши предки—Славяне. Безпощадно вырубали и выжигали они лѣсныя чащи, распахивали землю, строили гати, прокладывали дороги—и все дальше и дальше отъ рѣкъ уходили. Не покладая рукъ, терпѣливо и упорно вели наши предки постоянную войну и съ лѣсомъ дремучимъ, и съ звѣремъ хищнымъ; потомъ и кровью обращали они глухія дебри въ населенныя мѣста.

Раздѣленіе русскихъ Славянъ на племена.

Свободно разошлись русскіе Славяне по Днѣпру и другимъ рѣкамъ средней полосы, разсѣлись на просторѣ, разбились на особыя племена.

Поселились Славяне по среднему теченію Днѣпра, на поляхъ, и стали называться *Полянами*.

На западъ отъ Полянъ (на рѣкѣ Припети) сѣли въ лѣсахъ *Древляне*.

По верховьямъ Днѣпра и Западной Двины поселилось большое племя *Кривичей*.

Славяне, жившіе по озеру Ильменю и по рѣкамъ, впадающимъ въ него, назывались общимъ именемъ—*Словены*.

По верховьямъ Оки жили *Вятичи*.

Каждое племя жило особо и еще дробилось на мелкія общины. Одно племя съ другимъ часто враждовало. Но всѣ славянскія племена говорили на одномъ языкѣ и держались однихъ обычаевъ.

Чѣмъ занимались Славяне.

Разселившись на широкомъ просторѣ по полямъ и лѣсамъ, Славяне добывали себѣ пропитаніе, гдѣ какъ удобнѣе.

По среднему теченію Днѣпра—земли плодородныя: Поляне жили здѣсь большими селеніями и занимались земледѣліемъ. Древляне ютились въ лѣсахъ и больше промышляли охотою на птицу и звѣря. Такъ и всѣ другія племена кормились, кто чѣмъ могъ, глядя по мѣсту.

Но издавна всего больше любили Славяне хлѣбопашество: сѣяли рожь, просо, гречиху. Не только на югѣ, на плодородной почвѣ, но и на сѣверѣ, среди дремучихъ лѣсовъ, на скудной почвѣ, вырубитъ и выжжетъ славянинъ среди лѣса площадку и бороздитъ сохой глинистую почву.—Издавна нашъ народъ любилъ мирный трудъ пахаря и почиталъ землю, свою «мать-кормилицу».

Какъ жили Славяне.

Предки наши были народъ рослый, крѣпкій, лицомъ румяны, волосомъ русы. Къ зною, холоду и голоду—выносливы. Пищу ѣли самую простую и грубую, по нуждѣ питались сырымъ мясомъ и сырою рыбой.—Не будь наши предки такъ крѣпки и выносливы, не обжиться бы имъ въ суровыхъ странахъ сѣверныхъ.

Въ домашнемъ и семейномъ быту много было у Славянъ и добраго и грубаго. Будни работаетъ славянинъ безъ устали, а въ праздники любитъ повеселиться до упада: сходились на игрища, пѣли, играли, плясали. Любили Славяне, когда приведется, пить вино, и пили иной разъ не въ мѣру. Въ одеждѣ, въ домашней обстановкѣ были неряшливы, нечистоплотны.

Въ семьѣ, между собою, Славяне были добродушны и почтительны къ старшимъ. Полнымъ хозяиномъ и повелителемъ въ семьѣ былъ отецъ. Нѣсколько семействъ, происшедшихъ отъ одной семьи, составляли родъ. Если живъ былъ дѣдъ, онъ почитался главою всего рода: всѣ родичи слушались его безпрекословно. Умиралъ дѣдъ, тогда братъ

или старшій сынъ становился главою. Родичи жили по близости другъ отъ друга и полевое хозяйство вели сообща.

И къ гостямъ были привѣтливы и радушны наши предки. Гостя, кто бы онъ ни былъ,—свой или чужой,—принимали ласково и угощали всѣмъ, чѣмъ только могли. Не считалось грѣхомъ, если бѣдный и украдетъ что для гостя у богатаго сосѣда.

Семья промежъ собой жила мирно и согласно; но родъ съ родомъ, племя съ племенемъ часто враждовали: никто не хотѣлъ ни уступить, ни повиноваться другому. Постоянная племенная вражда была главнымъ несчастіемъ Славянъ.

На войнѣ Славяне были хитры и отважны. Умѣли устраивать засады въ лѣсу; умѣли отъ врага скрываться и въ травѣ, и въ водѣ; умѣли притворнымъ бѣгствомъ заманить непріятеля въ лѣсную глушь, и тамъ изъ-за деревьевъ поражали недруговъ копьями и стрѣлами. О числѣ враговъ не спрашивали и часто нападали на сильнѣйшаго непріятеля врасплохъ и одолѣвали. На войнѣ Славяне не давали врагу пощады, но были они милостивы къ плѣннымъ, обходились съ ними дружелюбно, назначали срокъ для отпуска на волю.

Иноземцы говорили:—«Славяне—могущественный и страшный народъ: если бы они не дѣлились на племена и роды и не враждовали между собою, то ни одинъ народъ въ мірѣ не помѣрялся бы съ ними силою».

Родовая месть.

Въ семьѣ судъ и расправу производилъ глава семьи—отецъ; а между родичами — родоначальникъ. Но некому было разобрать дѣло и наказать виноватаго, когда обидчикъ былъ изъ одного рода, а обиженный—изъ другого: не было судьи, которому бы всѣ роды повиновались. Обиженный самъ, самосудомъ долженъ былъ наказать обидчика.

Считалось тогда похвальнымъ дѣломъ жестоко мстить за обиду, почиталось позоромъ прощать врагу обиду. И чѣмъ страшнѣе была месть, чѣмъ больше проливалось крови, тѣмъ больше было чести мстителю.

Если обиженный не могъ самъ отомстить за себя, тогда мстили за него родственники,—мстили и обидчику, и всему его роду. Кровавыя расправы совершались безпрестанно. Родъ возставалъ на

родъ. Люди жили въ вѣчной враждѣ и безжалостно проливали неповинную кровь.

Какая была вѣра у Славянъ?

Наши предки были язычники. Какъ малыя дѣти, они совсѣмъ не понимали, что творится вокругъ нихъ на землѣ и на небѣ. Вездѣ чудилась имъ живая сила, какъ бы человѣческая, только болѣе могучая,—сила добрая и злая. Доброе солнышко, страшный громъ, могучій вѣтеръ и другія силы природы Славяне и почитали за боговъ.

Главнымъ богомъ-благодѣтелемъ, источникомъ жизни, считалось солнце *(Дажбогъ)*: оно своимъ свѣтомъ прогоняетъ ночную тьму, своимъ тепломъ согрѣваетъ землю, даетъ ей плодородіе. Славяне думали, что солнце вѣчно воюетъ съ холодомъ и тьмою. Зимою одолѣваетъ холодъ: земля костенѣетъ, и все замираетъ, снѣжной пеленой покрывается помертвѣлая земля. Но вотъ весна приходитъ, и солнышко понемногу пересиливаетъ холодъ. Снѣгъ таетъ и ручьями стекаетъ въ рѣки. Входитъ въ силу и мать «сыра-земля»: зеленѣетъ трава, опушаются деревья. Радуются Славяне, что жизнь побѣдила смерть, веселыми пѣснями встрѣчаютъ теплое солнышко, приносятъ ему благодарныя жертвы.

Кромѣ мороза, есть и еще страшный врагъ у солнышка—это темныя тучи. Злыми чудовищами онѣ кажутся славянину. Страшно станетъ, когда надвигается темная, грозовая туча, тихо ползетъ по небу и все ближе и ближе подбирается къ солнышку и вдругъ охватитъ его. Грозной мглою окутаетъ туча и землю.—Но вдругъ огненная стрѣла прорѣзываетъ темную тучу, страшный громъ раскатывается по небу: это — богъ-громовикъ *(Перунъ)* разитъ тучу-чудовище огненными стрѣлами, бьетъ ее громовыми ударами. Ослабѣла туча, пролила дождь на землю: это—живая вода, которую темное чудовище хотѣло скрыть въ себѣ отъ людей. Разбита туча. Вѣтеръ *(Стрибогъ)* своимъ могучимъ дыханіемъ разноситъ послѣдніе клочки. Радуются люди, приносятъ благодарныя жертвы и солнышку, и громувоителю, и могучему вѣтру.

Но и добрые боги не всегда милостивы къ человѣку. Солнце иногда такъ жжетъ землю, что выгораютъ травы на лугахъ, хлѣбъ—на ни-

вахъ. Вѣтеръ порою подуетъ съ такою яростію, что выворачиваетъ изъ земли вѣковыя деревья, разнесетъ-размечетъ и хижины людей. Но страшнѣе всѣхъ Перунъ-громовикъ; вѣковой дубъ разлетается въ мелкія щепки отъ огненныхъ стрѣлъ; разятъ эти страшныя стрѣлы и животныхъ, и человѣка. Ужасны боги въ гнѣвѣ своемъ! Въ страхѣ падаетъ на землю славянинъ, молитъ грозныхъ боговъ о пощадѣ.

Чтобъ умилостивить своихъ боговъ, славянинъ дѣлалъ идоловъ (въ видѣ человѣка) изъ дерева и камня, и вѣрилъ, что боги входятъ въ этихъ идоловъ, живутъ въ нихъ. Славяне поклонялись этимъ идоламъ, приносили имъ жертвы.

Главные боги,—думали Славяне,—живутъ на небѣ; кромѣ нихъ, много еще и на землѣ всякихъ духовъ—и добрыхъ, и злыхъ: въ лѣсу—лѣшій, въ водѣ—водяной и русалки, въ домѣ—дѣдушка домовой (иначе *щуръ*, *чуръ*).

Вѣрили по-своему Славяне и въ загробную жизнь: они думали, что покойники на томъ свѣтѣ живутъ такъ же, какъ и живые,—пьютъ, ѣдятъ, а иногда и покидаютъ могилы, по землѣ бродятъ. Когда покойника зарывали въ могилу, съ нимъ клали его пожитки, утварь, пищу; воину клали оружіе, рѣзали на могилѣ его коня. Послѣ погребенія совершали на могилахъ пиры (*тризны*): ѣли, пили вино и медъ, устраивали игрища.

Вѣрили Славяне, что боги открываютъ человѣку будущее разными предзнаменованіями: затменіемъ солнца, появленіемъ кометы, воемъ собаки, карканьемъ ворона, кукованьемъ кукушки.

Вѣрили Славяне, что боги даютъ силы своимъ любимцамъ—кудесникамъ, колдунамъ, знахарямъ. Темные люди думали, что эти любимцы боговъ могутъ отгадывать тайны, насылать на людей бѣды, избавлять отъ несчастія. Кудесниковъ почитали, боялись, надѣляли ихъ всякимъ добромъ.

Такъ-то и жилъ славянинъ во тьмѣ да въ страхѣ предъ невѣдомыми ему силами природы: поклонялся не истинному Богу, а творенію Божію, поклонялся и приносилъ жертвы дѣлу рукъ своихъ. И не могли эти неразумные боги ни просвѣтить темнаго человѣка, ни добру научить.

Остатки языческой вѣры.

Девятьсотъ лѣтъ прошло, какъ народъ нашъ принялъ христіанскую вѣру, а много еще осталось у насъ разныхъ повѣрій, обрядовъ и праздниковъ отъ языческой старины.

Главные праздники у язычниковъ-Славянъ были въ честь *бога-солнца*; и нашъ народъ, самъ того не зная, и теперь еще усердно справляетъ эти языческіе праздники.

Въ концѣ декабря дни начинаютъ прибывать, и солнце поворачиваетъ на лѣто: язычники радовались, что солнышко возвращается къ нимъ, — молились ему, приносили жертвы. Во многихъ деревняхъ и теперь, наканунѣ Рождества, молодые люди и дѣти ходятъ подъ окнами, поютъ пѣсни, величаютъ *коляду (солнце)*, а на святкахъ гадаютъ, ряжеными ходятъ, веселятся.

Когда солнце замѣтно начинаетъ входить въ силу, наши предки-язычники встрѣчали весну радостными пѣснями и празднествами. И у насъ веселятся *на масленицѣ*, а въ иныхъ деревняхъ съ пляской и пѣснями сожигаютъ въ послѣдній день масленицы соломенное чучело—зиму. Весну закликаютъ и пѣснями «веснянками». Вотъ одна изъ такихъ пѣсенъ: *„Весна, весна красная! Приди, весна, съ радостью, съ великою милостью, со льномъ высокимъ, съ корнемъ глубокимъ, съ хлѣбомъ обильнымъ“!*—Если весною набѣжитъ тучка и закроетъ солнышко, дѣти тогда поютъ:—*„Солнышко, ведрышко, выглянь въ окошечко! Твои дѣтки плачутъ. Солнышко, покажись, красное, снарядись!“*.

Наступленіе лѣта празднуютъ на *„Красной горкѣ“*,—поютъ пѣсни, водятъ хороводы, пляшутъ. *„Семикъ и Купала“*—тоже языческіе праздники въ честь солнца. Подъ праздникъ Купалы зажигаютъ костры, прыгаютъ черезъ огонь, купаются въ рѣкѣ, а старухи-лѣкарки собираютъ цѣлебныя травы.

Много и другихъ языческихъ обычаевъ живетъ до сихъ поръ по глухимъ деревнямъ. Много слѣдовъ язычества уцѣлѣло въ старинныхъ пѣсняхъ, въ сказкахъ, въ разныхъ повѣрьяхъ. Смыслъ этихъ обычаевъ и повѣрій ужъ непонятенъ народу, и всѣ держатся старины только по привычкѣ.

Поселки и города.

Славяне строили свои поселенія по высокимъ берегамъ рѣкъ и озеръ, чтобы не затопило въ половодье.

Хаты сплетали изъ хвороста, обмазывали плетень глиной, покрывали соломой. Потомъ выучились Славяне строить избы и изъ бревенъ. Печей и дымовыхъ трубъ прежде совсѣмъ не умѣли дѣлать: разводили огонь среди жилища, а для дыма дѣлали отдушину въ стѣнѣ или на крышѣ.

Въ своей жалкой лачугѣ славянинъ былъ беззащитенъ отъ врага. А враговъ у славянъ было тогда не мало.

Южные поселенцы много бѣдъ и горя терпѣли отъ дикихъ степняковъ. Вихремъ налетятъ хищники на поселокъ, разграбятъ, выжгутъ, перехватаютъ людей и уведутъ съ собой въ неволю. Не успѣютъ опомниться поселенцы, а ужъ отъ лихихъ наѣздниковъ и слѣдъ простылъ, и не сыщешь ихъ, какъ вѣтра въ полѣ.

Сѣвернымъ поселенцамъ не давали покоя морскіе удальцы (*Варяги**), рыскавшіе на легкихъ ладьяхъ по озерамъ и рѣкамъ.

Откупались ежегодно поселенцы отъ насильниковъ добровольной данью, но и дань не помогала: сегодня одни грабители пришли и взяли дань; завтра придутъ другіе—и послѣднее отнимутъ.

Много горя терпѣли Славяне и отъ взаимной вражды.

Нужда заставила Славянъ строить себѣ укрѣпленія, городить *города*. Огородятъ высокое мѣстечко тыномъ изъ толстыхъ бревенъ, насыплютъ земляной валъ,—и крѣпость (городъ) готова. Заслышатъ врага,—и бѣжитъ народъ со всѣхъ окрестныхъ поселковъ со всѣми пожитками въ городъ. Если врагъ не особенно силенъ, даютъ ему отпоръ въ бою открытомъ, а не то—завалятъ бревнами да камнями всѣ входы въ городъ и обороняются изъ-за ограды.

Больше и больше городовъ городили Славяне: все ближе и ближе къ ихъ оградамъ ютились поселенцы. Прежде каждый родъ жилъ особнякомъ, но опасность заставила Славянъ сблизиться другъ съ другомъ: сообща, міромъ, легче и крѣпкій городъ срубить, легче и отъ врага оборониться.—Для защиты отъ враговъ города побогаче призывали къ себѣ на службу дружины варяговъ.

---

*) Варяги жили за Балтійскимъ моремъ, часто промышляя грабежомъ.

Мірская сходка. (*Вѣче*).

Нужда и выгода заставили Славянъ тѣснѣе ютиться другъ къ другу. Вокругъ города скучивалось много чужихъ между собой семей и родовъ.

Живя вмѣстѣ, нельзя постоянно ссориться и враждовать. Въ мірѣ жить,—надо мирно жить. Враждовавшіе прежде роды стали полюбовно сходиться, мирно совѣтоваться о дѣлѣ общемъ.

Чтобы разобрать и обсудить общее дѣло, родоначальники собирались на мірскую сходку (*вѣче*) и рѣшали дѣло по общему согласію.

Вражды стало меньше, жить всѣмъ стало легче и покойнѣе.

Торговля.

Когда вражда поулеглась, тогда удобнѣе стало заниматься и мирными промыслами. Раньше каждый для своей семьи все дѣлалъ самъ, какъ умѣлъ. Теперь стали люди мѣняться трудами рукъ своихъ,— мѣняли товаръ на товаръ. Появились въ городахъ и разные искусные мастера, которые только тѣмъ и жили, что на другихъ работали, а за работу мѣха получали (денегъ тогда не было). На мѣха, какъ теперь на деньги, можно было вымѣнять что угодно. Появились и купцы, которые скупали да продавали чужіе товары. На проѣзжихъ путяхъ, въ людныхъ городахъ открывались по временамъ торжища, куда свозили изъ поселковъ добытое сырье на продажу.

Купцы перепродавали товаръ горожанамъ, снаряжали торговые караваны и въ чужія земли (въ Грецію, къ придунайскимъ Славянамъ),— свои товары вымѣнивали тамъ на заморскіе.

Вели торговлю Славяне и съ сосѣдними финскими племенами. Пріѣзжали къ Славянамъ и иноземные купцы—*гости*, какъ ихъ въ старину называли.

Славяне продавали звѣриныя шкуры, хлѣбъ, воскъ, медъ, рыбу, а покупали у иноземцевъ оружіе, ткани, ожерелья, серьги, кольца, металлическія украшенія для одежды и для конской сбруи.

Вотъ какъ велась торговля въ стародавнее время, по разсказамъ

иноземцевъ. Пріѣдутъ иноземные купцы, разложатъ на землѣ свои товары и уйдутъ. Являются обыватели, осматриваютъ вещи и кладутъ свой товаръ рядомъ съ иноземнымъ, который они облюбуютъ. Приходятъ тогда купцы, и если видятъ, что мѣна выгодна для нихъ, берутъ чужое, оставляютъ свое и уходятъ. Въ противномъ случаѣ и не дотронутся до чужихъ вещей: это значитъ, что купцы желаютъ прибавки. Такъ уходятъ купцы нѣсколько разъ, пока не получатъ, сколько имъ требуется. Такую торговлю называли *нѣмою*.

Отъ торговли стали усиливаться промыслы и ремесла, разростались и богатѣли торговые города. Черезъ торговлю Славяне сходились и знакомились съ чужеземными народами, стали понемногу учиться у нихъ, перенимать хорошее.

Начало русскаго государства.

Призваніе князей. *(Преданіе. 862 г.).*

За Балтійскимъ (Варяжскимъ) моремъ лежала земля Варяговъ. Климатъ здѣсь суровый, земля не плодородна. Съ дѣтства варяги себя закаляли, съ юныхъ лѣтъ привыкли искать на сторонѣ добычи: ѣздили удальцы по рѣкамъ и по морямъ, пускались и въ океанъ открытый, грабили торговыя суда, разоряли прибережныя поселенья; цѣлыми дружинами нанимались они нести военную службу.

Варяги наложили постоянную дань на Ильменскихъ Славянъ, на Кривичей и на сосѣднія финскія племена, основались въ ихъ городахъ и властвовали въ нихъ, какъ хотѣли. Не захотѣли Славяне покоряться чужеземцамъ, сговорились они между собою, прогнали Варяговъ и стали опять сами собой управляться.

Но безъ Варяговъ пошли большіе безпорядки: всякъ думалъ только о себѣ, радѣлъ своимъ родичамъ, никто никому не хотѣлъ уступать и покоряться. Мірскія сходки оканчивались часто побоищами. Не стало правды между людьми: кто былъ сильнѣе, тотъ и оставался правѣе. Родъ возставалъ на родъ, племя на племя. Начались кровавыя усобицы.

Не въ мочь тогда стало жить людямъ. Собрались сѣверные Славяне, и сосѣди Финны на общую сходку и порѣшили:—«Поищемъ себѣ князя, чтобы онъ владѣлъ нами и судилъ по правдѣ».—Выбрали пословъ и отправили ихъ за море, къ Варягамъ.

Пришли славянскіе послы къ варяжскому племени *Русь* и сказали:—«Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ: идите княжить и владѣть нами».

Рюрикъ съ двумя своими братьями согласились быть князьями у Славянъ; собрали вѣрную дружину, пришли къ Славянамъ и стали властвовать надъ ними. Рюрикъ поселился въ Новгородѣ, а братья его сѣли въ другихъ городахъ. Стали князья рубить по мѣстамъ новые города для обороны отъ враговъ и сажали по городамъ своихъ намѣстниковъ. Князья и намѣстники творили судъ и расправу, установляли въ землѣ порядки.

Такъ началось, слишкомъ тысячу лѣтъ тому назадъ, Русское государство *): разрозненныя славянскія и финскія племена начинаютъ соединяться въ одинъ народъ, стали понемногу укрѣпляться въ народѣ порядки и правда. Князю незачѣмъ мирволить однимъ и обижать другихъ: передъ нимъ всѣ подвластные равны. А не слушаться князя опасно: у него сильная дружина; кто не хочетъ покориться по доброй волѣ, того князь заставитъ слушаться поневолѣ.

Аскольдъ и Диръ въ Кіевѣ. (*Преданіе*).

Были у Рюрика два отважныхъ дружинника,—Аскольдъ и Диръ. Не далъ имъ Рюрикъ городовъ въ управленіе. Собрали Аскольдъ и Диръ свою дружину, снарядили лодки и отправились искать себѣ счастья.

Плывутъ Аскольдъ и Диръ съ дружиною по Днѣпру и видятъ,—на крутомъ берегу, на красивой горѣ городокъ стоитъ. Пристали дружинники къ берегу и спрашиваютъ:—«Чей городокъ?»

Въ отвѣтъ имъ сказали:—«Жили давно три брата—Кій, Щекъ и Хоривъ, они и построили этотъ городокъ. Зовется онъ по имени старшаго брата Кіевомъ. А мы теперь платимъ дань Казарамъ **)».

*) Названіе—*Русь, русскій,* взялось отъ названія племени князей.

**) Казары—степняки, полукочевой народъ; жили близъ устья Волги.

Полюбилось это мѣсто Аскольду и Диру, и говорятъ они кіевлянамъ:—«Не платите дань Казарамъ, а платите намъ: мы останемся у васъ жить, станемъ оборонять васъ отъ всякихъ враговъ».—Остались Аскольдъ и Диръ съ дружиною въ Кіевѣ и стали властвовать въ землѣ Полянъ.

Изъ Новгорода и Кіева мало-по-малу и распространилась власть русскихъ князей и на другія славянскія племена.

Олегъ. (*Преданіе*).

Умеръ Рюрикъ, а сынъ его, Игорь, еще былъ младенецъ, и сталъ княжить въ Новгородѣ Олегъ (родственникъ Рюрика).

Мало показалось Олегу владѣть новгородскими и сосѣдними съ Новгородомъ землями. Задумалъ Олегъ большое дѣло—завладѣть всѣмъ теченіемъ Днѣпра.

Привольно и выгодно жить при большой дорогѣ; еще того выгоднѣе держать большую дорогу въ своей власти. Рѣшилъ Олегъ забрать въ свои руки весь великій водный путь, а для этого нужно было покорить всѣхъ Славянъ, жившихъ по этому пути.

Снарядилъ Олегъ свою дружину и двинулся по рѣкамъ на югъ. Покорялъ онъ городъ за городомъ, завладѣлъ всѣмъ верхнимъ и среднимъ теченіемъ Днѣпра, завладѣлъ и Кіевомъ. Полюбился Кіевъ Олегу, остался онъ жить въ этомъ городѣ и назвалъ его *матерью* русскихъ городовъ.

Но и въ Кіевѣ не сидѣлось покойно Олегу. Каждую весну, какъ только вскроется Днѣпръ, снаряжаетъ отважный князь свою храбрую дружину, спускаетъ на рѣку быстрыя ладьи и ѣдетъ воевать новыя земли. Такъ изъѣздилъ Олегъ всѣ рѣки, впадающія въ Днѣпръ съ правой и съ лѣвой стороны, и покорилъ своей власти всѣ славянскія племена, какія жили по этимъ рѣкамъ.

Олегъ строилъ въ покоренныхъ земляхъ новые города, сажалъ вездѣ своихъ намѣстниковъ съ дружиною. Намѣстники держали порядки, творили судъ и расправу. Самъ князь съ дружиною разъ въ годъ объѣзжалъ свои земли и собиралъ съ народа дань.

Расширилась и усилилась Русь при Олегѣ; почти всѣ славянскія племена (русскія) покорились Кіевскому князю.

Видитъ свою силу Олегъ,—и задумалъ большой походъ на богатый Царьградъ *). Собралъ Олегъ несмѣтное войско и нежданно-негаданно является подъ царьградскими стѣнами. Заперлись Греки въ городѣ, загородили входъ въ гавань: нѣтъ у нихъ силы дать отпоръ сильному врагу.—Запылали пригороды и села въ окрестностяхъ столицы; дома и христіанскія беззащитныя церкви предавались разграбленію. Не знаетъ жалости побѣдитель,—горе побѣжденнымъ! Плѣнниковъ рубили мечами, разстрѣливали стрѣлами, топили въ морѣ. Ужасъ напалъ на Грековъ; стали они молить грознаго князя о пощадѣ. Прибилъ Олегъ свой щитъ къ царьградскимъ воротамъ въ знакъ побѣды и взялъ съ Грековъ небывалую дань—много золота, серебра и дорогихъ тканей. Взялъ князь дань и на каждаго воина, что были съ нимъ, и на тѣхъ дружинниковъ, что остались на Руси по городамъ. Кромѣ того, выговорилъ Олегъ большія льготы русскимъ купцамъ, которые пріѣзжали въ Царьградъ по дѣламъ торговымъ.

Вернулся въ Кіевъ Олегъ съ несмѣтнымъ богатствомъ. Дивился русскій народъ и уму, и храбрости, и удачѣ Олега и прозвалъ его Вѣщимъ (чародѣемъ).

Такъ, при Вѣщемъ Олегѣ соединились разрозненныя русскія племена, сталъ русскимъ весь Великій водный путь, укрѣпилась торговля съ богатою Греціей.

Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ. *(Стих. Пушкина).*

Какъ нынѣ сбирается Вѣщій Олегъ
Отмстить неразумнымъ Хазарамъ:
Ихъ села и нивы за буйный набѣгъ,
Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
Съ дружиной своей, въ цареградской бронѣ,
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.

Изъ темнаго лѣса, навстрѣчу ему,
Идетъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному,
Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,

---

*) Царьградъ (Константинополь) — столица сильнаго тогда и богатаго Греческаго царства (Византіи). Греки были народъ образованный и православные христіане.

Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведшій свой вѣкъ.
И къ мудрому старцу подъѣхалъ Олегъ.
— „Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
Что сбудется въ жизни со мною?
И скоро ль, на радость сосѣдей-враговъ,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мнѣ всю правду, не бойся меня:
Въ награду любого возьмешь ты коня".
— „Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,
А княжескій даръ имъ не нуженъ;
Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ
И съ волей небесною друженъ.
Грядущіе годы таятся во мглѣ,
Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.
Запомни же нынѣ ты слово мое:
Воителю слава—отрада;
Побѣдой прославлено имя твое,
Твой щитъ—на вратахъ Цареграда;
И волны, и суша покорны тебѣ;
Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.
И синяго моря обманчивый валъ
Въ часы роковой непогоды,
И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ
Щадятъ побѣдителя—годы...
Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ:
Незримый хранитель могучему данъ.
Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;
Онъ, чуя господскую волю,
То смирный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
То мчится по бранному полю;
И холодъ, и сѣча ему ничего:
Но примешь ты смерть отъ коня своего".
Олегъ усмѣхнулся; однако, чело
И взоръ омрачилися думой.
Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмый
И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладитъ, и треплетъ по шеѣ крутой.
— „Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга!
Разстаться настало намъ время;
Теперь отдыхай: ужъ не ступитъ нога
Въ твое позлащенное стремя.
Прощай, утѣшайся да помни меня.
Вы, отроки-други, возьмите коня!

Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ,
Въ мой лугъ подъ уздцы отведите;
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
Водой ключевою поите".

И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
А князю другого коня подвели.

Пируетъ съ дружиною Вѣщій Олегъ
При звонѣ веселомъ стакана.
И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ
Надъ славной главою кургана...

Они вспоминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

— „А гдѣ мой товарищъ?—промолвилъ Олегъ:
Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
Здоровъ ли? Все такъ же ль легокъ его бѣгъ?
Все тотъ же ль онъ бурный, игривый?

И внемлетъ отвѣту:—На холмѣ крутомъ
Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ.

Могучій Олегъ головою поникъ
И думаетъ: „Что же гаданье?
Кудесникъ, ты—лживый, безумный старикъ!
Презрѣть бы твое предсказанье!—

Мой конь и донынѣ носилъ бы меня".
И хочетъ увидѣть онъ кости коня.

Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора;
Съ нимъ—Игорь и старые гости,
И видятъ:—на холмѣ, у брега Днѣпра,
Лежатъ благородныя кости;

Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,
И вѣтеръ надъ ними волнуетъ ковыль.

Князь тихо на черепъ коня наступилъ
И молвилъ:—„Спи, другъ одинокій!
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ.
На тризнѣ, уже недалекой,

Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прахъ напоишь...

Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя:
Мнѣ смертію кость угрожала!"
Изъ мертвой главы гробовая змѣя,
Шипя, между тѣмъ выползала;

Какъ черная лента, вокругъ ногъ обвилась,—
И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые, запѣнясь, шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ;
Дружина пируетъ у брега;
Бойцы вспоминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

Великая княгиня Ольга правительница. (*Преданіе*).

Возмутились Древляне противъ князя Игоря, что много онъ дани съ нихъ беретъ, и убили его. Сынъ Игоря, Святославъ, былъ еще ребенкомъ; стала править Русскою землею жена Игоря, княгиня Ольга.

Опасное пришло время для Кіевскаго князя. По примѣру Древлянъ могли подняться и другія племена. А сосѣди-кочевники только и ждали случая пограбить Русскую землю. Но мудрая Ольга сумѣла справиться съ бѣдою. Прежде всего нужно было наказать Древлянъ и обезсилить ихъ землю.

А у Древлянъ — свои мысли. Убивши Игоря, говорятъ они между собою:—«Вотъ мы убили князя русскаго: возьмемъ теперь жену его за нашего князя Мала, а съ младенцемъ Святославомъ сдѣлаемъ, что хотимъ: тогда нашъ будетъ верхъ надъ Полянами».

Послали Древляне двадцать лучшихъ мужей своихъ къ Ольгѣ. Пришли послы въ Кіевъ и говорятъ княгинѣ: — «Выйди замужъ за нашего князя Мала: у насъ князья добрые, — они, какъ хорошіе пастухи, берегутъ свою землю».

— «Люба мнѣ ваша рѣчь,—отвѣчаетъ посламъ Ольга,—мужа своего мнѣ уже не воскресить. Хочу оказать вамъ завтра почетъ предъ людьми моими. Идите теперь въ ладьи свои; завтра пришлю за вами, а вы скажите: не хотимъ-де ни на коняхъ ѣхать, ни пѣшкомъ идти, несите насъ въ лодкахъ.»

На другой день приходятъ къ посламъ кіевляне и говорятъ: — «Зоветъ васъ Ольга на великую честь».

Разлеглись въ лодкахъ древлянскіе послы, сказали, какъ Ольга ихъ научила:

— «Намъ неволя,—сказали кіевляне,—князь нашъ убитъ, а княгиня хочетъ выходить за вашего князя!» — И понесли древлянъ въ лодкахъ къ городу.

Сидятъ въ лодкахъ послы, величаются. Принесли ихъ во дворъ княжескій и бросили въ яму, которую наканунѣ велѣла выкопать Ольга.

Наклонилась княгиня къ ямѣ и говоритъ:—«Хороша ли вамъ честь?»—«Честь эта хуже Игоревой смерти—отвѣчали несчастные.— Ольга приказала засыпать ихъ живыхъ землею.

Посылаетъ теперь Ольга своихъ пословъ въ Древлянскую землю, сказать:—«Если вправду зовете меня, то пришлите за мною побольше самыхъ лучшихъ людей, чтобы съ великою честью я пришла къ вамъ, а то не пустятъ меня кіевляне».

Пришли отъ Древлянъ новые послы, самые лучшіе въ ихъ землѣ люди. Ольга, по тогдашнему обычаю, велѣла приготовить для гостей баню. Когда послы вошли въ баню, слуги заперли ихъ и зажгли баню...

Опять посылаетъ Ольга сказать Древлянамъ:—«Вотъ ужъ я иду къ вамъ; приготовьте побольше меду, хочу поплакать на могилѣ мужа и справить по немъ тризну (поминки)».

Пришла Ольга съ небольшою дружиною на могилу Игоря, много плакала по мужѣ и приказала своимъ людямъ насыпать высокій могильный холмъ. Стали править тризну. Отроки (младшіе дружинники) Ольгины услуживали Древлянамъ, усердно угощали ихъ. Когда Древляне совсѣмъ опьянѣли, княгиня велѣла своей дружинѣ рубить ихъ мечами...

Поспѣшно воротилась Ольга въ Кіевъ, собрала большое войско и пошла на Древлянъ войною. Древляне были побиты и затворились въ своихъ городахъ. Пошла Ольга на главный ихъ городъ Коростенъ. Цѣлое лѣто простояла кіевская дружина подъ Коростеномъ. Отчаянно оборонялись Древляне: знали они, что ждетъ ихъ смерть, если сдадутся.

Посылаетъ княгиня сказать коростенцамъ:—«Чего вы не сдаетесь? Всѣ города ваши покорились мнѣ, платятъ дань и спокойно воздѣлываютъ свои нивы; а вы, видно, хотите досидѣться до голодной смерти»!

Древляне отвѣчаютъ:—«Рады бы и мы дать тебѣ дань и медомъ, и мѣхами, да ты будешь мстить намъ за своего мужа».

Говоритъ имъ Ольга:—«Вы знаете, что я уже отомстила за мужа и разъ, и два, и три; не хочу больше мстить, и дани большой мнѣ

не надо: гдѣ вамъ взять? Давайте мнѣ по три голубя и по три воробья съ каждаго дома».

Обрадовались Древляне и съ поклономъ послали Ольгѣ по три голубя и по три воробья съ каждаго дома.

— «Вотъ теперь вы покорились мнѣ и моему сыну,—сказала Ольга:—идите же въ свой городъ, а завтра и я домой къ себѣ уйду».

Ольга велѣла своимъ воинамъ привязать къ ногамъ птицъ кусочки трута и, когда смеркнется, зажечь трутъ и пустить птицъ на волю. Такъ и сдѣлали. Воробьи полетѣли въ свои гнѣзда, подъ крыши, а голуби—въ голубятни. Запылалъ городъ разомъ со всѣхъ концовъ. Въ ужасѣ бѣгутъ изъ пылающаго города люди. Воины Ольги всѣхъ перехватали: старшихъ брали въ плѣнъ, простыхъ людей избивали. Много плѣнныхъ принесла Ольга въ жертву богамъ и велѣла похоронить ихъ вокругъ Игоревой могилы. На всю Древлянскую землю наложила княгиня тяжелую дань.

Жестоко отомстила Ольга за смерть своего мужа, но того требовалъ тогда обычай.

Видѣла Ольга, что мало еще порядка и устроенія въ землѣ Русской. Усмиривъ Древлянъ, княгиня съ сыномъ и дружиною обошла всѣ свои земли изъ края въ край и вездѣ установляла порядки: дѣлила земли на участки и разбирала всякіе споры; указывала вездѣ, сколько дани и оброка должны платить ей, чтобы начальники не брали съ народа, сколько вздумается; поставила по урочнымъ мѣстамъ судей, чтобы правда жила въ людяхъ. Любилъ народъ мудрую княгиню. Многіе годы сохранялась въ людской памяти добрая слава объ ея праведномъ судѣ и мудрыхъ распорядкахъ.

Великая княгиня Ольга—христіанка.

Съ давнихъ временъ пріѣзжали на Русь греки-христіане, ѣздили и русскіе къ Грекамъ и понемногу узнавали греческую вѣру. Стали русскіе одинъ по одному переходить въ христіанство. При Игорѣ была ужъ въ Кіевѣ и церковь во имя Иліи пророка: стало быть, не мало

тогда христіанъ въ Кіевѣ было. Христіане были и среди дружины и въ самомъ княжескомъ домѣ.

Узнала и Ольга законъ христіанскій, видѣла и добродѣтельную жизнь христіанъ. Уразумѣла мудрая княгиня, что нѣтъ правды и добра въ языческой вѣрѣ, и рѣшила принять христіанскую вѣру.

Въ 957 году поѣхала Княгиня Ольга въ Царьградъ. Увидѣла тамъ Ольга храмы Божіи красоты дивной, а церковная служба шла съ торжествомъ неописаннымъ. Принявъ наставленіе въ православной вѣрѣ, Ольга крестилась. Совершалъ крещеніе самъ патріархъ *). Императоръ греческій былъ отцомъ крестнымъ. (Въ святомъ крещаніи Ольга наречена Еленою). Послѣ крещенія патріархъ сказалъ Ольгѣ:—«Благословенна ты въ женахъ русскихъ, потому что оставила тьму и возлюбила свѣтъ: благословятъ тебя люди русскіе до послѣдняго рода».

Св. Царица Ольга.

Возвратившись въ Кіевъ, Ольга уговаривала креститься и сына своего, Святослава: — «Вотъ я познала истиннаго Бога и радуюсь; крестись, — познаешь и ты Бога, будетъ и въ твоей душѣ радость».

Но Святославъ съ малыхъ лѣтъ возлюбилъ военную жизнь, только и веселья ему было, что на

*) Патріархъ—высшее духовное лицо у православныхъ христіанъ.

войнѣ. Христіанское ученіе о кротости и миролюбіи не по душѣ было храброму воителю.

Когда Ольга умерла, плакали по ней и сынъ, и внуки, и всѣ люди плачемъ великимъ. Похоронилъ княгиню православный священникъ, и тризны по ней не совершали: такъ она сама завѣщала.

На вѣки вѣчные прославила себя Великая Княгиня Ольга тѣмъ, что первая изъ княжеской семьи приняла православную вѣру и показала этимъ добрый примѣръ всему русскому народу.

Православная церковь нарекла Ольгу *Святою* (память 11-го іюля), а Русскій народъ прозвалъ ее *Мудрою*.

Начало на Руси христіанства и просвѣщенія.

Св. Равноапостольные Кириллъ и Меѳодій—первоучители Славянъ.

Въ греческомъ городѣ Солуни жилъ богатый и знатный вельможа, по имени Левъ, у него была жена Марія. Богъ далъ имъ двухъ сыновей—*Меѳодія* и *Константина*.

Старшій братъ, Меѳодій, былъ обученъ въ родномъ домѣ наукамъ, а потомъ поступилъ въ военную службу. Съ малыхъ лѣтъ Меѳодія всѣ любили и всѣ его хвалили. А служилъ Меѳодій такъ хорошо, что греческій императоръ скоро наградилъ его высокимъ званіемъ: сдѣлалъ его начальникомъ надъ цѣлою страной (Македонія, гдѣ много славянъ жило).

И младшій братъ, Константинъ, сначала обучался въ родительскомъ домѣ. Онъ такъ любилъ науки, что почиталъ ихъ дороже всѣхъ богатствъ на свѣтѣ. На пятнадцатомъ году Константина взяли къ царскому двору. Здѣсь онъ воспитывался и учился вмѣстѣ съ малолѣтнимъ царемъ Михаиломъ.

Обоихъ братьевъ ожидали въ жизни и богатство, и почести, и слава; но братья не плѣнялись славою мірскою, не искали и мірского счастья: они отдали всю свою жизнь на просвѣщеніе Славянъ, на распространеніе между ними вѣры Христовой.

Славяне тогда не знали еще истиннаго Бога и поклонялись идоламъ. Святые братья любили Славянъ, жалѣли, что они не знаютъ

Христовой вѣры; и возгорѣлось въ нихъ желаніе просвѣтить язычниковъ свѣтомъ христіанскаго ученія.

Святые братья ходили въ разныя земли славянскія и проповѣдывали Слово Божіе на роднемъ для Славянъ языкѣ. Славяне охотно слушали ученіе и съ радостью крестились. Такъ крестились Болгары, Моравы, Чехи, Поляки.

Чтобъ утвердить между Славянами христіанское ученіе, Константинъ рѣшилъ перевести Священное Писаніе и богослужебныя книги съ греческаго языка на славянскій. Константинъ составилъ особую для славянъ азбуку и вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Меѳодіемъ, перевелъ на славянскій языкъ избранныя мѣста изъ Св. Писанія и Божественную Литургію *).

Черезъ сто лѣтъ послѣ смерти Меѳодія, при Великомъ Князѣ Владимірѣ, и Русскіе приняли христіанскую вѣру, а вмѣстѣ съ этимъ получили и славянскую азбуку, и священныя книги на родственномъ славянскомъ языкѣ.

По книгамъ, которыя перевели на славянскій языкъ св. Кириллъ и Меѳодій, молились наши предки; по этимъ же книгамъ молимся и понынѣ всѣ мы. Изъ буквъ, изобрѣтенныхъ св. Кирилломъ, составлена потомъ и наша русская азбука. По этой азбукѣ мы учимся читать и писать. Святые Кириллъ и Меѳодій—наши первые учители и просвѣтители.

Православная церковь назвала Кирилла и Меѳодія Равноапостольными. Память ихъ празднуется одиннадцатаго мая.

Великій Князь Владиміръ—язычникъ.

Владиміръ былъ младшій сынъ Святослава и внукъ св. Ольги.

Гнѣвенъ и немилостивъ былъ князь Владиміръ въ первую пору своей жизни. Вотъ что онъ сдѣлалъ съ семьею князя Полоцкаго. У этого князя была красавица дочь (Рогнѣда). Старшій братъ Владиміра, *Ярополкъ*, посватался за Рогнѣду, и та согласилась выйти за него замужъ. Посватался за Рогнѣду и Владиміръ; но Рогнѣда ему отказала. Оскорбился Владиміръ и задумалъ отомстить жестоко. Со-

*) Св. Константинъ постригся передъ смертію въ схиму и принялъ имя *Кирилла*.

бралъ онъ большое войско и нежданно-негаданно приходитъ въ Полоцкъ: убилъ и старика князя, и братьевъ Рогнѣды, а ее самое силою взялъ къ себѣ въ жены.

А вотъ какъ поступилъ Владиміръ со своимъ старшимъ братомъ. Поссорился Ярополкъ съ среднимъ братомъ, Олегомъ, и пошелъ на него войною. Погибъ на войнѣ Олегъ, и Ярополкъ долго плакалъ о братѣ: не искалъ онъ его смерти. А Владиміръ подумалъ, какъ бы и его не убилъ старшій братъ. Поспѣшно ушелъ онъ къ Варягамъ, набралъ тамъ большое войско и пошелъ войною на старшаго брата. У Ярополка войска было немного, и онъ посылаетъ сказать брату, что противиться ему не хочетъ, а отдается на его братнину милость. Владиміръ зоветъ къ себѣ въ шатеръ брата своего на мировую. Какъ только вошелъ Ярополкъ, два варяга подняли Великаго Князя подъ пазухи мечами. И сталъ Владиміръ одинъ княжить надъ всею Русскою землею.

Отваженъ былъ князь Владиміръ и на войнѣ удачливъ. Воевалъ онъ съ Поляками и другими сосѣдями, отнялъ у нихъ много земель, бралъ богатыя дани. Усмирялъ онъ не разъ и подвластныя племена, когда тѣ хотѣли освободиться отъ дани.

Любилъ Владиміръ веселье и часто устраивалъ шумные пиры для своихъ удалыхъ дружинниковъ и богатырей могучихъ. Раздавались на пирахъ разгульныя пѣсни, музыка гудѣла. Крѣпкіе меды, заморскія вина лилися рѣкою. Обильны были пиры Владиміра и яствами, и питіями, и хмельнымъ весельемъ.

Въ первую пору своей жизни Владиміръ былъ усерднымъ язычникомъ. Поставилъ онъ много идоловъ и въ Кіевѣ, и въ другихъ городахъ. Поставилъ идоловъ и солнцу, и вѣтру, и грому. У идола Перуна-громовержца голова была серебряная, а усы — золотые; самъ же идолъ былъ деревянный. Этимъ идоламъ кіевляне съ княземъ молились, приносили жертвы. Приносили иногда и кровавыя человѣческія жертвы.

Мученики-христіане въ Кіевѣ.

Послѣ одного славнаго похода держитъ совѣтъ князь Владиміръ со старцами и боярами: какъ бы лучше отблагодарить боговъ за

удачу. И надумали старцы и бояре: — «Бросимъ жребій на юношей и дѣвицъ: на кого падетъ, того и принесемъ богамъ въ жертву».

Бросили жребій, и палъ онъ на одного варяга-христіанина. Послали людей взять отрока богамъ на жертву.

Вступился отецъ за отрока-сына, сталъ на крыльцѣ, громко позоритъ языческихъ боговъ и прославляетъ Единаго Истиннаго Бога,— «Ваши боги—дерево»,—говоритъ старикъ,—«сегодня стоятъ, а завтра сгніютъ; вы сами ихъ сдѣлали своими руками, такъ какіе же они боги? Богъ истинный Одинъ, Котораго почитаютъ Греки. Онъ сотворилъ небо и землю, солнце и звѣзды; Онъ сотворилъ и человѣка. А ваши боги что сотворили? Не дамъ бѣсамъ своего сына!»

Разсвирѣпѣла толпа отъ такихъ рѣчей старца, разметала заборъ, обступила крыльцо, грозно требуетъ у старика, чтобы отдалъ сына.

Стоитъ на крыльцѣ старикъ, заслонилъ собою сына, говоритъ народу громко и безъ боязни:—«Пусть ваши деревянные боги сами придутъ и возьмутъ моего сына, тогда мы всѣ увидимъ, что и вправду они боги».

Съ дикимъ крикомъ бросился народъ къ сѣнямъ, подрубилъ подставы. Рухнули сѣни и похоронили подъ собою и старика-отца, и отрока-сына.

То были первые и послѣдніе въ Кіевѣ мученики-христіане. А звали святыхъ мучениковъ Ѳеодоромъ и Іоанномъ.

Испытаніе вѣры.

Слышалъ Владиміръ, какъ варягъ-христіанинъ языческихъ боговъ позорилъ и принялъ смерть за вѣру въ истиннаго Бога. Припомнилъ Владиміръ, что и мудрая бабка его, св. Ольга, была христіанка, припомнилъ изъ своего дѣтства ея кроткія наставленія,—и усомнился Владиміръ въ своихъ богахъ, сталъ онъ искать истинной вѣры.

Заслышали про то сосѣдніе народы и засылаютъ пословъ къ кіевскому князю: каждому хотѣлось склонить русскихъ въ свою вѣру. Но не понравилась Владиміру ни магометанская, ни еврейская вѣра; не хотѣлъ онъ принимать христіанскаго закона и отъ нѣмцевъ.

Пришелъ напослѣдокъ къ Владиміру и греческій монахъ-проповѣдникъ. Ласково принялъ его Владиміръ и внимательно слушалъ раз-

сказы о христіанскомъ законѣ. Показалъ, наконецъ, грекъ картину Страшнаго Суда, гдѣ праведники идутъ въ вѣчное блаженство, а грѣшники—на лютыя мученія.

Вздохнулъ Владиміръ и промолвилъ:—«Добро этимъ, что на правой сторонѣ, и горе тѣмъ,—что на лѣвой».

— Крестись,—сказалъ грекъ,—и будешь съ праведными въ царствѣ небесномъ.

Задумался Владиміръ.—«Подожду еще немного»,—промолвилъ онъ. Щедро одарилъ князь грековъ и съ великими почестями отпустилъ ихъ.

Созвалъ послѣ этого Владиміръ бояръ и городскихъ старцевъ на совѣтъ, разсказалъ имъ, что слышалъ о разныхъ вѣрахъ, и какъ каждый народъ хвалитъ свою вѣру.

Старцы сказали:—«Самъ знаешь, князь: всякій свое хвалитъ. У тебя есть мудрые мужи: пошли ихъ развѣдать, какъ служатъ Богу разные народы».

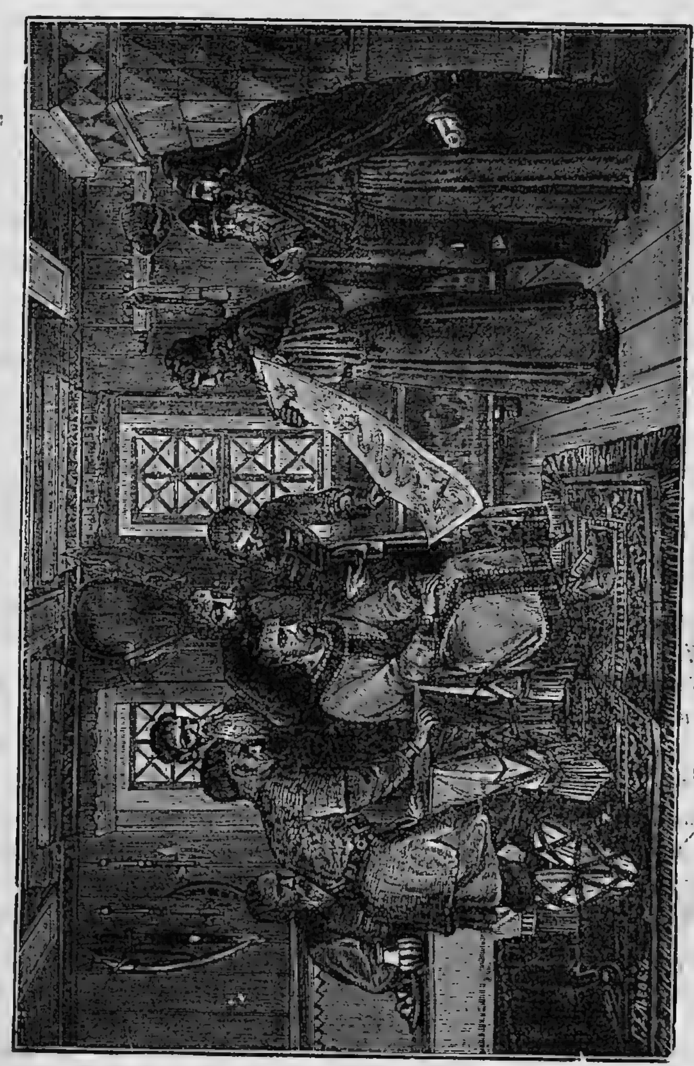
Понравился Владиміру совѣтъ старцевъ. Выбралъ онъ десять мужей мудрыхъ и въ путь ихъ отправилъ.

Послы вездѣ побывали. Пришли, наконецъ, въ Царьградъ, къ грекамъ. Приняли ихъ греки съ великою честью. Повели пословъ въ соборную церковь. Въ храмѣ въ это время архіерей совершалъ торжественную службу,—«да видятъ язычники славу истиннаго Бога». Храмъ сіялъ огнями; блистали на иконахъ золотыя ризы и драгоцѣнные камни; раздавалось стройное пѣніе пѣвчихъ; благовонія въ кадильницахъ курились. Пословъ поставили на удобномъ мѣстѣ, чтобы имъ лучше видѣть и службу, и все великолѣпіе храма. Поражены были русскіе люди: ничего такого они нигдѣ не видали. На прощанье пословъ богато одарили и проводили ихъ съ великою честью.

Возвратились послы въ Кіевъ. Владиміръ снова зоветъ къ себѣ бояръ и старцевъ:—«Вотъ пришли наши мужи: послушаемъ, что они скажутъ».

Разсказали послы, что видѣли они у магометанъ и у нѣмцевъ: нѣтъ красоты въ ихъ служеніи, не хорошъ законъ ихъ. «Когда же мы пришли въ храмъ къ Грекамъ, то не знали,—на землѣ мы или на небѣ. Нѣтъ на землѣ такой красоты, и разсказать о ней мы не умѣемъ. Знаемъ только, что тамъ Богъ съ людьми пребываетъ. Всякій человѣкъ, вкусившій сладкаго, не захочетъ больше горькаго,—такъ и мы не хотимъ другой вѣры, кромѣ греческой».

А старцы и бояре и свое слово прибавили князю:—«Если бы худъ былъ законъ греческій, то не приняла бы его бабка твоя, Ольга, мудрѣйшая изъ всѣхъ людей».

Греческіе монахи у князя Владиміра.

— Гдѣ же мы примемъ крещеніе?—спросилъ Владиміръ.
— Гдѣ тебѣ будетъ угодно!—отвѣтили бояре.

Крещеніе Владиміра и кіевлянъ (988 г.).

Не хотѣлъ гордый князь Владиміръ поклониться грекамъ и просить у нихъ крещенія. Пошелъ онъ на нихъ войною, осадилъ богатый городъ Корсунь *). Корсунцы затворились и храбро отбивались. Долго бы пришлось Владиміру простоять подъ крѣпкимъ Корсунемъ, да нашелся въ городѣ доброхотъ русскимъ. Онъ пустилъ въ русскій станъ стрѣлу съ письмомъ. «На востокъ отъ васъ колодцы: изъ нихъ по трубѣ идетъ вода въ городъ: перекопайте трубу и переймите воду». Владиміръ такъ и сдѣлалъ, и корсунцы вскорѣ принуждены были сдаться.

Занялъ Владиміръ Корсунь и посылаетъ въ Царьградъ объявить царямъ (царствовали тогда два брата):—«Взялъ я вашъ славный Корсунь-городъ, и съ Царьградомъ сдѣлаю то же, если не отдадите за меня сестры вашей Анны».

Опечалились цари, посылаютъ сказать русскому князю, что нѣтъ у нихъ такого закона, чтобы христіанка выходила за язычника замужъ.

Владиміръ отвѣчалъ на это царскимъ посланцамъ:—«Я уже раньше испыталъ законъ вашъ, люба мнѣ ваша вѣра; присылайте священниковъ и царевну: хочу креститься».

Съ горькими слезами поѣхала въ Корсунь царевна Анна:—«Иду точно въ полонъ, лучше бы мнѣ умереть здѣсь».

Съ великою честью встрѣтили царевну въ Корсунѣ и Русскіе, и Греки. А къ тому времени у Владиміра глаза разболѣлись, не могъ онъ ничего видѣть и сильно былъ тѣмъ опечаленъ.—«Если хочешь исцѣлиться, то крестись скорѣе»,—сказала князю царевна Анна.

Епископъ корсунскій съ цареградскими священниками совершилъ надъ Владиміромъ святое крещеніе. Когда епископъ возложилъ на князя руки, князь прозрѣлъ. Удивился Владиміръ и воскликнулъ:—«Теперь только узналъ я истиннаго Бога!»—Крестились тутъ и мно-

*) Корсунь (или *Херсонесъ*) находится въ Крыму, а Крымъ принадлежалъ тогда Грекамъ; теперь отъ Корсуня остались однѣ развалины. На мѣстѣ стараго города теперь—православный монастырь построенъ. Близъ древняго Корсуня стоитъ нашъ Севастополь.

гіе изъ дружины князя. Послѣ того повѣнчали русскаго князя съ греческой царевной *).

Взялъ Владиміръ священниковъ, мощи святыхъ, церковные сосуды, кресты, иконы и вернулся въ Кіевъ. Радостно встрѣтили Владиміра кіевскіе христіане, а язычники со страхомъ ожидали, что-то будетъ?

Крестилъ Владиміръ дѣтей своихъ и людей къ себѣ близкихъ. Приказалъ потомъ изрубить и сжечь всѣхъ идоловъ—боговъ старыхъ. Перуна велѣлъ привязать къ конскому хвосту, стащить съ горы и бросить въ воду. Горько плакали язычники о своемъ богѣ. Плыветъ идолъ по водѣ, а народъ бѣжитъ по берегу и громко взываетъ:—«Выдыбай (выплывай), Перуне! выдыбай, боже»!

Ѣдутъ по Кіеву вѣстовщики отъ князя и велятъ всѣмъ приходить завтра къ рѣкѣ креститься: —«Кто не придетъ къ рѣкѣ—богатый или бѣдный, знатный или убогій,—тотъ будетъ противникомъ князю».

Св. князь Владиміръ.

Утѣшали себя въ горѣ язычники-кіевляне:—«Если бы худъ былъ законъ христіанскій, не принялъ бы его князь и бояре».

На другой день пришли къ рѣкѣ князь Владиміръ съ митрополитомъ и всѣмъ священнымъ со-

*) На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ крестился Владиміръ, теперь великолѣпный соборъ построенъ.

боромъ, съ хоругвями и крестами. Сошлось къ рѣкѣ множество народа. Крещеные стояли на берегу вокругъ духовенства и въ радости молились, а некрещеные вошли въ воду. Одни стояли по грудь,

Крещеніе кіевлянъ.

другіе по шею; взрослые держали на рукахъ младенцевъ. Священники торжественно читали молитвы, святое крещеніе совершали.

Радовались прежніе христіане, радовался и князь Владиміръ. Под-

нялъ князь глаза къ нему и громко воскликнулъ:—«Призри, Боже, на новыя люди сія, и подаждь имъ, Господи, увѣдѣти Тебя истиннаго Бога, якоже увѣдѣша страны христіанскія; утверди вѣру въ нихъ праву и несовратну».

Владиміръ-христіанинъ.

Совсѣмъ переродился послѣ крещенія, какъ-будто сдѣлался другимъ человѣкомъ, князь Владиміръ.

Изъ усерднаго язычника Владиміръ обратился въ ревностнаго христіанина. По всѣмъ областямъ разсылалъ онъ проповѣдниковъ учить русскій народъ вѣрѣ христіанской; разрушалъ вездѣ идоловъ и на мѣсто ихъ воздвигалъ церкви, по образцу греческихъ храмовъ. Поставилъ Владиміръ церковь и на томъ мѣстѣ, гдѣ пролита была кровь мучениковъ-христіанъ, и назначилъ въ эту церковь десятую долю со всѣхъ своихъ доходовъ (*Десятинная церковь*).

Съ христіанскою вѣрой насаждалъ Владиміръ на Руси и книжное ученье: велѣлъ онъ учить грамотѣ своихъ дѣтей, бралъ дѣтей у лучшихъ людей и отдавалъ ихъ священникамъ и причетникамъ—учиться чтенію и пѣнію церковному. А матери плакали по дѣтямъ, какъ по мертвымъ: не понимали еще онѣ, что ученье—свѣтъ.

Изъ человѣка гнѣвнаго и жестокаго Владиміръ сдѣлался милостивымъ и кроткимъ. Онъ не хотѣлъ, было, казнить даже и разбойниковъ; но епископы сказали ему, что это для порядка въ землѣ необходимо.

И теперь часто тѣшилъ князь веселыми пирами своихъ богатырей и дружинниковъ; но ужъ не было на пирахъ прежняго разгула: воздерженъ сталъ въ пищѣ и въ питьѣ князь-христіанинъ.

И не однихъ только знатныхъ людей одѣлялъ князь своими милостями и лаской: онъ всегда помнилъ, по заповѣди Христа, и о меньшей братіи—нищихъ и убитыхъ. Всѣ, кто нуждался, приходили на княжій дворъ и получали пищу, и одежду, и деньги.—«Дряхлые и больные не могутъ дойти до двора моего»,—подумалъ Владиміръ и велѣлъ возами развозить хлѣбъ и мясо, рыбу и овощи, медъ и квасъ въ бочкахъ. Княжьи люди ѣздили по городу, останавливались у каждаго двора и спрашивали:—«гдѣ тутъ больные и калѣки, что ходить не могутъ?»

Любилъ народъ милостиваго князя Владиміра и прозвалъ его «*ласковымъ княземъ*», «*краснымъ солнышкомъ*».

На сосѣднія земли, ради славы и корысти, ужъ не ходилъ больше Владиміръ войною, а жилъ онъ со всѣми въ любви и мирѣ. Воевалъ поневолѣ князь только съ дикими степняками (печенѣгами), чтобы защитить Русь отъ разоренья. Для защиты отъ лютыхъ хищниковъ Владиміръ строилъ города (крѣпости) по степной границѣ, заселялъ безлюдныя окраины поселенцами.

Во всемъ не похожъ былъ Владиміръ-христіанинъ на Владиміра-язычника: изъ человѣка гнѣвнаго, жестокосердаго, невоздержнаго сталъ онъ кроткимъ, воздержнымъ, милостивымъ.—Такъ черезъ христіанскую вѣру стали понемногу перемѣняться въ своей жизни русскіе люди.

За великое дѣло распространенія на Руси христіанской вѣры, православная церковь назвала князя Владиміра *святымъ* и *равноапостольнымъ*. (Память св. Владиміра празднуется 15 іюля).

Свв. Борисъ и Глѣбъ.

У Владиміра было двѣнадцать сыновей. Еще при жизни далъ Владиміръ каждому сыну по удѣлу. Такой былъ тогда обычай: князья считали землю своею вотчиной и, какъ и всякое другое добро, дѣлили ее между сыновьями.—Много зла потерпѣла Русь отъ такого порядка.

Больше другихъ любилъ Владиміръ младшихъ сыновей—Бориса и Глѣба, рожденныхъ въ христіанствѣ, особенно же—Бориса. И дружина, и кіевляне думали, что Борису укажетъ Владиміръ быть Великимъ Княземъ послѣ своей смерти, и всѣ этому были рады, потому что любили кроткаго и добраго Бориса.

Но вотъ напали на Русь дикіе степняки, и Владиміръ послалъ Бориса прогнать ихъ. Разболѣлся въ это время престарѣлый Владиміръ и скоро померъ—безъ любимаго своего сына (1015 г.). Приближенные стараго князя хотѣли на время скрыть его смерть, чтобы поспѣшно призвать Бориса въ Кіевъ.

А Борисъ, ничего не вѣдая, возвращался съ войскомъ изъ похода и остановился на берегу рѣки Альты. Летитъ изъ Кіева гонецъ къ

Борису и несетъ недобрую вѣсть. — «Отецъ умеръ». — Горько, неутѣшно плачетъ Борисъ, что не привелъ ему Богъ закрыть отцу очи.

Летитъ другой гонецъ и объявляетъ Борису:—«Святополкъ (старшій братъ) овладѣлъ Кіевскимъ престоломъ и задариваетъ кіевлянъ, а кіевляне всѣ за тебя, князь: поспѣшай въ Кіевъ».

И дружина говоритъ Борису: — «Съ тобой — отцовская дружина и войско: иди скорѣе въ Кіевъ и сядь на столъ отцовскій».

А Борисъ всѣмъ отвѣчаетъ: — «Не подниму руки на старшаго брата: отецъ умеръ, такъ старшій братъ мнѣ вмѣсто отца будетъ». Отпустилъ Борисъ дружину и войско и остался лишь съ нѣсколькими отроками для услуги.

А Святополкъ въ это время замышлялъ,—какъ бы убить брата Посылаетъ онъ гонца къ Борису съ предательскимъ словомъ:—«Хочу жить съ тобою въ любви и мирѣ, — и къ отцовской твоей вотчинѣ еще земель тебѣ прибавлю». А самъ призвалъ къ себѣ наемныхъ злодѣевъ и даетъ имъ приказанье: — «Ступайте тайно и убейте скорѣе Бориса».

Св. князь Борисъ.

Пришли убійцы ночью къ рѣкѣ Альтѣ, видятъ станъ Бориса, подходятъ къ его палаткѣ. А Борисъ ужъ зналъ, что погибели

его ищутъ; стоялъ онъ въ то время на молитвѣ. Поетъ князь псалмы и молитвы, а злодѣи, какъ лютые звѣри, окружили палатку.

Св. кн. Глѣбъ.

Отроки сказали князю объ этомъ. Князь не прерываетъ молитвы, а, помолившись, въ постель ложится.

Пробили злодѣи копьями полотно палатки и закололи благовѣрнаго князя Бориса. Вѣрный отрокъ Георгій палъ на князя, хотѣлъ заслонить его своимъ тѣломъ, но и того закололи злодѣи... Убійцы завернули Бориса въ полотно шатерное (а Борисъ еще дышалъ) и помчали къ Святополку. Привозятъ. Узнаетъ Святополкъ Окаянный, что Борисъ еще дышитъ, и послалъ двухъ варяговъ совсѣмъ его прикончить.

Преданные Борису люди взяли тѣло князя и тайно похоронили его въ церкви св. Василія въ Вышгородѣ (любимое загородное село Владиміра).

И думаетъ Святополкъ Окаянный:—«Вотъ убилъ я Бориса; какъ бы убить мнѣ и Глѣба?» — Посылаетъ Святополкъ гонца въ Муромъ и велитъ сказать Глѣбу: — «Отецъ опасно боленъ и хочетъ тебя передъ смертью видѣть: пріѣзжай скорѣе».

Крѣпко любилъ отца Глѣбъ, поспѣшно онъ собрался и съ малою

дружиною поскакалъ въ Кіевъ. Дорогой конь подъ княземъ споткнулся, Глѣбъ упалъ и повредилъ себѣ ногу. На Днѣпрѣ, за Смоленскомъ, остановился князь, чтобы пересѣсть въ лодку.

Прискакалъ тогда гонецъ изъ Новгорода, отъ брата Ярослава, и говоритъ Глѣбу:—«Не ходи въ Кіевъ: отецъ умеръ, Святополкъ убилъ Бориса, и тебя убьетъ». Залился Глѣбъ горькими слезами объ отцѣ и о братѣ (любилъ онъ брата и жилъ съ нимъ въ великой дружбѣ):— «лучше бы мнѣ умереть съ тобою, милый мой, чѣмъ одному оставаться на этомъ свѣтѣ!»

Только что Глѣбъ сѣлъ въ лодку, пришли посланные Святополкомъ убійцы, схватили и обезоружили князя, связали его и зарѣзали, какъ ягненка. Тѣло благовѣрнаго князя бросили убійцы на берегу между двухъ колодъ. Вѣрные слуги взяли тѣло Глѣба и съ честью похоронили вмѣстѣ съ тѣломъ Бориса.

Рожденные и воспитанные въ христіанствѣ,—Борисъ и Глѣбъ были кротки, добры и благочестивы. Христіанскую вѣру приняли и исполняли они всѣмъ сердцемъ, всею душою.

Погибель Святополка Окаяннаго.

Убилъ Святополкъ Окаянный Бориса и Глѣба и думаетъ: «Перебью всѣхъ братьевъ и буду одинъ владѣть всей Русской землею». И убилъ онъ еще третьяго брата. Но противъ братоубійцы всталъ Ярославъ, князь новгородскій.

Собралъ Ярославъ большое войско и пошелъ на Святополка. Долго они боролись. Ярославъ призывалъ на помощь Варяговъ, а Святополкъ—Поляковъ и дикихъ степняковъ (Печенѣговъ). Наконецъ, взяло верхъ правое дѣло: Ярославъ одолѣлъ Святополка и сѣлъ княжить въ Кіевѣ.

Святополкъ бѣжалъ въ чужую землю и впалъ на пути въ тяжкую болѣзнь: ослабѣлъ до того, что даже и на конѣ сидѣть не можетъ, и несли его на носилкахъ. Совѣсть ни на минуту не давала покоя братоубійцѣ: ему, будто на яву, представлялись кровавые образы убитыхъ братьевъ, и былъ онъ въ постоянномъ страхѣ.—«Бѣжимъ, бѣжимъ скорѣе!»—постоянно кричалъ несчастный:—«слышите, гонятся за нами».—И умеръ братоубійца въ страшныхъ мученіяхъ.

Ярославъ Мудрый.

Не любилъ Ярославъ войны, а больше всего заботился о просвѣщеніи и устроеніи порядковъ въ землѣ Русской, и была тишина на Руси въ его княженіе.

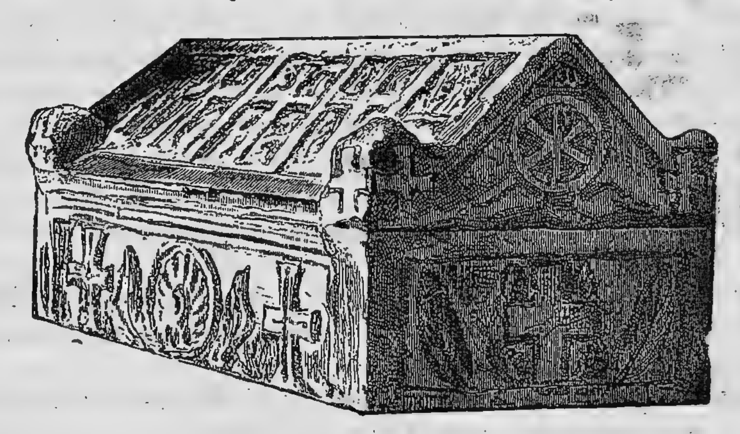
При Ярославѣ не мало уже было священниковъ изъ русскихъ; они успѣшнѣе грековъ распространяли въ народѣ христіанскую вѣру. А Ярославъ не жалѣлъ денегъ на устройство повсюду церквей и монастырей. Князь выписывалъ изъ Греціи искусныхъ мастеровъ-строителей, живописцевъ; выписывалъ изъ Царьграда и пѣвчихъ. Отъ грековъ и русскіе понемногу перенимали разныя хитрыя искусства.

Любилъ князь книжное ученіе и много позаботился о насажденіи его на Руси. Самъ онъ читалъ Писаніе и днемъ, и ночью. Собралъ около себя много искусныхъ писцовъ, чтобы умножились чрезъ нихъ книги. (Печатать книги тогда еще не умѣли). Переписывали книги и монахи въ монастыряхъ. А чтобы увеличить на Руси число грамотныхъ, чтобы было изъ кого ставить и священниковъ,—Ярославъ заводилъ училища. Такъ, въ Новгородѣ было устроено большое училище для 300 отроковъ. Что началъ Владиміръ, то продолжалъ Ярославъ: Владиміръ вспахалъ и умягчилъ землю святымъ крещеніемъ, а Ярославъ насѣялъ книжными словесами сердца людей крещеныхъ.

Ярославъ написалъ и первые на Руси законы и назвалъ ихъ *«Русской Правдой»*. До этого каждый своимъ судомъ съ обидчикомъ расправлялся; въ спорныхъ дѣлахъ начальники судили по обычаямъ, изстари заведеннымъ. Много зла и неправды жило отъ этого въ лю-

дяхъ; безъ твердыхъ законовъ нѣтъ суда праведнаго. Въ «Русской Правдѣ» и было написано: какъ наказывать за убійство, за увѣчье, за побои, за воровство; какъ дѣлить наслѣдство; кому именно и за что мстить дозволяется. Судъ правилъ самъ князь на княжьемъ дворѣ, а по другимъ мѣстамъ—намѣстники, и за ними строго смотрѣлъ князь.—Такъ съ Ярослава стало понемногу нарождаться на Руси и правосудіе. Ярослава прозвали «*Мирнымъ*» и «*Правосудомъ*».

Умножилось при Ярославѣ на Руси христіанство, умножилось книжное ученіе, умножилась правда,—умножились на Руси и богатства. Въ безмятежной тишинѣ занимался и преуспѣвалъ каждый въ своемъ трудѣ—въ земледѣліи, въ промыслахъ, въ хитрыхъ искусствахъ. Процвѣтала тогда и торговля. Въ Кіевъ со всѣхъ сторонъ иноземные

Гробница Ярослава.

и русскіе купцы съѣзжались,—на Днѣпрѣ всегда стояло множество судовъ торговыхъ.

Не любилъ Ярославъ Мудрый войны, но и не давалъ онъ Русь въ обиду сосѣдямъ. Степняки его боялись, иностранные государи почитали, и онъ съ нѣкоторыми изъ нихъ даже и породнился. Для постоянной отъ враговъ защиты Ярославъ построилъ по окраинамъ много городовъ укрѣпленныхъ.

Дожилъ Ярославъ Мудрый до глубокой старости. Передъ смертью призвалъ онъ сыновей своихъ и сказалъ имъ:—«Дѣти мои! Вотъ я отхожу отъ этого свѣта. Любите другъ друга,—вѣдь, вы—родные братья. Если будете жить въ любви между собою, то и Богъ будетъ

съ вами и покоритъ вамъ всѣхъ враговъ. А если станете ссориться, то и сами погибнете, погубите и землю отцовъ и дѣдовъ вашихъ; а землю эту пріобрѣли они трудомъ великимъ. Кіевскій престолъ оставлю старшему сыну моему и брату вашему, Изяславу; его слушайтесь, какъ отца. А если кто хочетъ обидѣть брата своего, то ты, Изяславъ, помогай правому».

Кіево-Печерскій монастырь.

I. Ярославъ Мудрый часто наѣзжалъ въ любимое свое село Берестово (близъ Кіева). Въ этомъ селѣ жилъ священникъ Илларіонъ, человѣкъ добродѣтельный, книжникъ и постникъ. Около Кіева, на высокомъ и красивомъ берегу Днѣпра, въ густомъ лѣсу и выкопалъ Илларіонъ небольшую пещеру. Часто онъ приходилъ сюда и тайно молился. Ярославъ любилъ и почиталъ Илларіона и поставилъ его митрополитомъ въ Кіевѣ. А пещерка такъ и осталась.

Около того же времени пошелъ изъ города Любеча *) человѣкъ на Святую гору Аѳонъ (въ Грецію) и постригся тамъ въ монахи. Нарекли его Антоніемъ. Поселился Антоній въ уединенной пещерѣ и велъ строгую жизнь.

Видя подвиги Антонія, игуменъ сказалъ ему:—«Иди снова на Русь, и да будетъ съ тобою благословеніе Святой горы: отъ тебя произойдетъ на Руси множество черноризцевъ».

Пришелъ Антоній въ Кіевъ и думаетъ: — «Гдѣ мнѣ жить?» Обошелъ всѣ монастыри, сталъ ходить по лѣсамъ и горамъ, — все искалъ мѣста, гдѣ бы ему основаться. На берегу Днѣпра нашелъ Антоній пещерку Илларіона,—возлюбилъ онъ мѣсто это и поселился здѣсь.

Дни и ночи проводилъ Антоній въ молитвѣ. Ѣлъ одинъ сухой хлѣбъ, и то черезъ день, пилъ воду умѣренно. Не давалъ онъ себѣ покоя ни днемъ, ни ночью, и все трудился, раскапывая пещеру.

Узнали люди про подвиги святого мужа, приходили къ нему за благословеніемъ, приносили ему пищу. И прошла слава объ Антоніи по всей Русской землѣ. Самъ Великій Князь Изяславъ съ дружиною своею приходилъ къ Антонію за благословеніемъ.

---

*) Городъ Любечъ—близъ Кіева, на Днѣпрѣ.

Начала собираться къ Антонію братія, и онъ постригалъ ихъ въ монахи. Выкопали они большую пещеру и устроили въ ней келью и малую церковь.

Поставилъ Антоній игуменомъ Варлаама и сказалъ братіи:—«Да будетъ надъ вами благословеніе отъ Бога и святой горы! Живите въ мирѣ, а я пойду поискать новаго мѣста: привыкъ я жить въ уединеніи». — Выкопалъ Антоній новую пещеру и сталъ въ ней жить.

II. Умножилась братія въ старой пещерѣ; пошли они къ Антонію и говорятъ:—«Отче! Не можемъ вмѣститься въ пещерѣ; благослови поставить церковь и монастырь внѣ пещеры». Радъ былъ этому Антоній; посылаетъ онъ сказать Великому Князю:—«Вотъ Богъ умножаетъ братію, а мѣста мало: далъ бы ты намъ гору, что надъ пещерою». Князь Изяславъ съ радостью отдалъ инокамъ всю гору.

Братія заложила большую церковь во имя Успенія Богородицы, поставила много келій, обнесла монастырь стѣною. И назвался монастырь *Печерскимъ*, потому что иноки жили прежде въ пещерѣ.

А Великій Князь Изяславъ построилъ новый монастырь (св. Димитрія) и ввелъ въ него Варлаама изъ монастыря Печерскаго на игуменство: хотѣлъ князь богатствомъ своимъ возвысить новый монастырь надъ всѣми другими. Но монастыри возвышаются не богатствомъ, а добродѣтельною жизнію иноковъ и неустанными трудами.

Вмѣсто Варлаама поставилъ Антоній игуменомъ въ Печерскомъ монастырѣ Ѳеодосія: великъ былъ Ѳеодосій между всѣми иноками послушаніемъ, кротостію, смиреніемъ и строгими подвигами.

Принялъ Ѳеодосій монастырь, и жили печерскіе монахи въ великомъ воздержаніи, въ постоянной молитвѣ, въ слезахъ и трудахъ неустанныхъ. Умножилась братія, и было ихъ числомъ сто.

Ввелъ Ѳеодосій въ Печерскомъ монастырѣ уставъ греческаго (Студійскаго) монастыря и далъ правила, какъ служить церковныя службы, какъ держать поклоны, и что въ какіе дни ѣсть. Уставъ воспрещалъ инокамъ не только имѣть, но и называть что-либо своимъ (не «мое», а «наше»): все у нихъ было общее—и трудъ, и пища

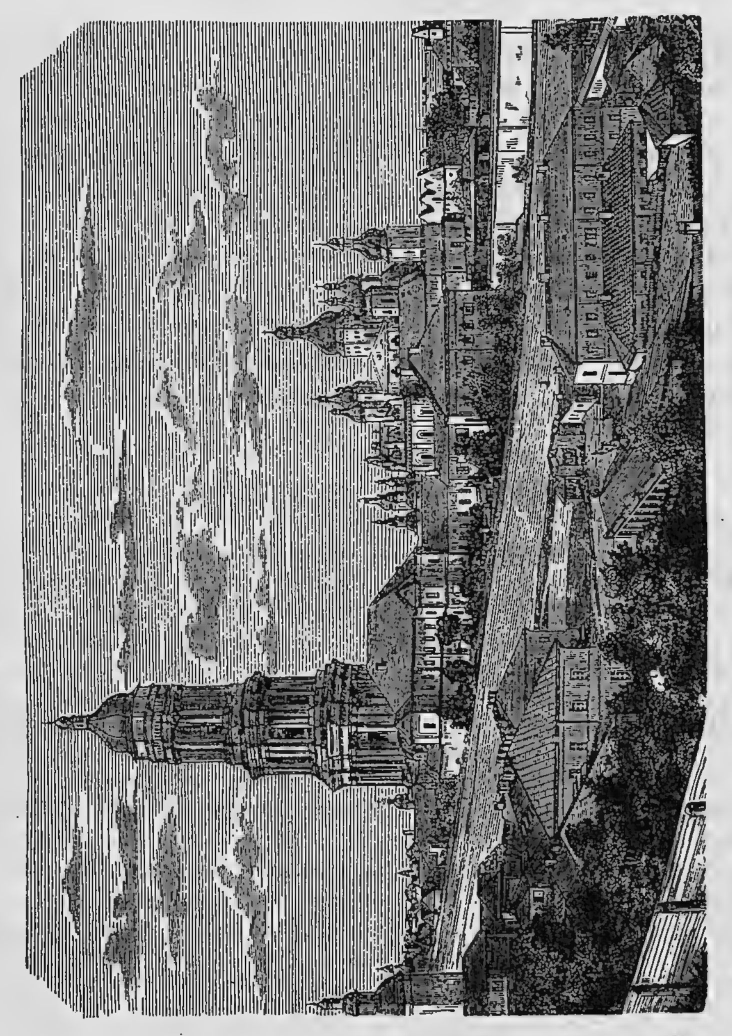
(а этого въ другихъ монастыряхъ не было). Уставъ требовалъ строгаго послушанія: все въ монастырѣ начиналось и оканчивалось по благословенію игумена. Отъ Печерскаго монастыря уставъ приняли и всѣ другіе монастыри. Тѣмъ и старѣе, и выше другихъ монастырей монастырь Печерскій.

III. Возвысился Печерскій монастырь великими подвигами святыхъ Антонія и Θеодосія и многихъ другихъ угодниковъ Божіихъ. Θеодосій, игуменъ печерскій, во всемъ служилъ для всѣхъ примѣромъ. Не гнушался онъ никакимъ трудомъ и никогда не былъ празднымъ: мѣсилъ тѣсто, пекъ хлѣбы, кололъ дрова, носилъ воду. За трапезой онъ былъ строго воздерженъ: ѣлъ сухой хлѣбъ да вареную зелень безъ масла, пилъ одну воду. Одежду носилъ ветхую, въ заплатахъ, а подъ ней — колючую власяницу. Спать онъ не ложился, а послѣ повечерія засыпалъ сидя. Часто проводилъ онъ и всю ночь въ молитвѣ. Кроткій и смиренный, Θеодосій былъ суровъ и твердъ, когда нужно было изобличить неправду. Заступался Θеодосій передъ княземъ и боярами за слабыхъ и беззащитныхъ, безъ боязни обличалъ въ неправыхъ дѣлахъ и самого Великаго Князя.

Князья, бояре и весь народъ почитали иноковъ печерскихъ; сотни и тысячи богомольцевъ стекались въ монастырь за молитвами и благословеніемъ святыхъ угодниковъ. Много дивныхъ разсказовъ о Печерскомъ монастырѣ разносили по Руси богомольцы; разсказывали объ отреченіи отъ мірскихъ благъ и о воздержаніи, о взаимной братской любви и милосердіи, о трудолюбіи, о смиреніи и терпѣніи, о непрестанной борьбѣ съ искушеніями, о чудесахъ. Знали до этого на Руси богатырей, славныхъ удалью да силою тѣлесною; а теперь увидѣли въ инокахъ печерскихъ богатырей духовныхъ, славныхъ дѣлами Божіими. Иноки показывали примѣръ, какъ надо не для тѣла своего только жить, а для души, для Бога.—И возвысился Печерскій монастырь тѣмъ, что исходилъ отъ него на всю Русь свѣтъ жизни духовной.

Возвысился Печерскій монастырь и дѣлами милосердія. Много вкладовъ приносили въ монастырь князья и бояре, богатые и бѣдные люди. Но не для себя принимали иноки эти богатства. Украшали они храмы для прославленія имени Божія; давали пріютъ странни-

камъ, больнымъ, нищимъ, убогимъ; кормили голодныхъ, одѣвали нагихъ, помогали всѣмъ, кто нуждался. Для Бога дѣлали вклады имущіе, — для Бога же раздавали иноки богатства монастырскія неимущимъ.

Кіево - Печерская Лавра (въ нынѣшнее время).

Отъ Печерскаго монастыря распространялось на Руси и просвѣщеніе: много потрудились иноки надъ составленіемъ и переписываніемъ книгъ духовныхъ. Изъ монастыря расходились по всей Руси— Священное Писаніе, житія святыхъ, поученія, назидательные сбор-

ники. Изъ Печерскаго монастыря вышло много великихъ епископовъ и игуменовъ. Отсюда же шли на окраины Русской земли и проповѣдники слова Божія язычникамъ.

И до сихъ дней славенъ монастырь Печерскій своею святынею, дѣлами милосердія и духовнаго просвѣщенія. И донынѣ тысячи богомольцевъ стекаются въ Кіевъ со всѣхъ концовъ Россіи. Встрѣтишь среди богомольцевъ знатныхъ и богатыхъ, убогихъ и бѣдныхъ; услышишь здѣсь разные говоры, увидишь разныя одѣянія,—но всѣ сливаются здѣсь воедино, — и въ теплой молитвѣ, и въ добромъ братскомъ чувствѣ. Всѣмъ безъ различія даетъ монастырь пріютъ и пищу. А при вратахъ церковныхъ и при входѣ въ пещеры сидятъ съ деревянными чашками въ рукахъ убогіе и нищіе и заунывнымъ голосомъ поютъ духовные стихи. И кладетъ православный людъ свои трудовые гроши въ чашки меньшей братіи—нищимъ и убогимъ.

Кіевъ. (*Стих. Хомякова*).

Высоко передо мною —
Старый Кіевъ надъ Днѣпромъ;
Днѣпръ сверкаетъ подъ горою
Переливнымъ серебромъ...
Слава, Кіевъ многовѣчный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днѣпръ нашъ быстротечный,
Руси чистая купель!
Громко пѣсни раздалися,
Въ небѣ тихъ вечерній звонъ...
Вы откуда собралися,
Богомольцы, на поклонъ?
— „Я — оттуда, гдѣ струится
Тихій Донъ, краса степей“.
— „Я — оттуда, гдѣ клубится
„Безпредѣльный Енисей.“
— „Я — отъ Ладоги холодной“.
— „Я—отъ синихъ волнъ Невы“.
— „Я— отъ Камы многоводной“.
— „Я — отъ матушки Москвы“.
Слава, Днѣпръ, сѣдыя волны!
Слава, Кіевъ, чудный градъ!
Мракъ пещеръ твоихъ безмолвный —
Краше царственныхъ палатъ!..
Знаемъ мы: въ вѣка былые,
Въ древню ночь и мракъ глубокъ
Надъ тобой блеснулъ Россіи
Солнца вѣчнаго востокъ!..

Южная и сѣверная Русь.

Усобицы южно-русскихъ князей.

Ярославъ Мудрый завѣщалъ своимъ сыновьямъ жить въ мирѣ; но недолго прожили братья въ согласіи,—скоро начались между ними усобицы. Съ тѣхъ поръ и пошла на Руси неурядица на многіе годы. Размножилась семья князей, размножились и удѣлы: дробилась и ослабѣвала Русская земля. Всякому князю хотѣлось имѣть удѣлъ больше, да побогаче, и князья нерѣдко силой отнимали другъ у друга и земли. Рѣшать споры было некому: младшіе князья не слушались старшаго (Великаго Князя), и часто съ нимъ самимъ спорили за великокняжескій столъ, который долженъ былъ переходить къ старшему въ родѣ. Отъ постоянныхъ усобицъ народъ приходилъ въ разореніе.

Княжескими распрями пользовались дикіе степняки—Половцы *). Степные хищники часто нападали на Русь, грабили и жгли села и города, избивали и уводили въ неволю народъ беззащитный. Города и села пустѣли; поля заростали травой, земля засѣвалась костями, поливалась кровью; небо, то и дѣло, разгоралось заревомъ пожарнымъ. Часто и сами князья въ борьбѣ другъ съ другомъ приводили на Русь половцевъ на конечную погибель и разореніе Русскаго народа.

Ослѣпленіе Василька.

Рѣшились, наконецъ, русскіе князья уладить свои распри миромъ и собрались на съѣздъ въ г. Любечъ. Тутъ были: Святополкъ—Великій Князь Кіевскій, Владиміръ Мономахъ, Давидъ Игоревичъ, Василько Ростиславичъ; были и другіе князья. Раздѣлили они полюбовно русскія области и цѣловали другъ другу крестъ на томъ, чтобы жить имъ мирно, а кто первый подниметъ ссору, на того всѣмъ идти.

Но тутъ же одинъ изъ князей—Давидъ Игоревичъ, недовольный своимъ удѣломъ, задумалъ отнять города и земли у своего сосѣда, Василька Ростиславича. Пріѣхавъ со съѣзда въ Кіевъ, Давидъ напугалъ Великаго Князя Святополка, что будто бы Василько съ Владиміромъ Мономахомъ думаютъ отнять у него Кіевскую область.

---

*) *Половцы* заняли южныя степи, гдѣ прежде кочевали Печенѣги.

Василько въ это время возвращался изъ Любеча со своею дружиною и остановился подъ Кіевомъ ночевать. Поутру Святополкъ присылаетъ къ нему сказать:—«не уходи отъ именинъ моихъ». Василько отвѣчалъ, что спѣшитъ домой. — «Видишь ли», — сказалъ тогда Давидъ Святополку:—«Василько не хочетъ слушать тебя, старѣйшаго брата; увидишь, что когда онъ придетъ домой, то станетъ отнимать у тебя твои города, вспомнишь тогда слова мои, да поздно будетъ. Схвати-ка лучше его и отдай мнѣ». Святополкъ послушалъ Давида и послалъ сказать Васильку:—«Если не хочешь дожидаться именинъ моихъ, то приди хоть проститься и побесѣдовать со мною и Давидомъ». Василько сѣлъ на коня и поѣхалъ въ Кіевъ. На дорогѣ встрѣчаетъ его отрокъ и говоритъ:—«Не ходи, князь, въ Кіевъ; хотятъ тебя схватить». Но Василько подумалъ:—«какъ же это можетъ быть, когда всѣ мы цѣловали крестъ, чтобы намъ жить мирно. Да будетъ воля Господня!» Перекрестился и поѣхалъ.

Когда Василько въѣхалъ на княжескій дворъ, Святополкъ встрѣтилъ его и повелъ въ горницу, гдѣ Давидъ сидѣлъ молча, будто нѣмой. — «Останься съ нами на праздникъ»,—сказалъ Святополкъ Васильку. Но тотъ отвѣчалъ:—«Не могу остаться, братъ, я ужъ и обозъ впередъ отправилъ». — «Такъ позавтракай хоть съ нами», — сказалъ Святополкъ;—«вотъ я пойду, распоряжусь сейчасъ». И Святополкъ вышелъ.

Оставшись съ Давидомъ, Василько началъ, было, заговаривать съ нимъ, но Давидъ не отвѣчалъ ни слова и, посидѣвъ немного, всталъ и тоже вышелъ.

Тогда вошли воины, заковали Василька въ оковы, заперли въ горницѣ и приставили на ночь стражу.

Поутру Святополкъ созвалъ на совѣтъ кіевлянъ, разсказалъ имъ все, что говорилъ ему Давидъ о Василькѣ, и спрашиваетъ, что дѣлать.—«Тебѣ слѣдуетъ самому беречь свою голову»,—отвѣтили кіевляне:—«если Давидъ сказалъ правду, то Василька слѣдуетъ казнить; если же нѣтъ,—то Богъ отомститъ Давиду». Святополкъ хотѣлъ пустить Василька, но Давидъ сказалъ:—«Если пустишь,—то ни тебѣ не княжить, ни мнѣ».

Въ ту же ночь отвезли скованнаго Василька въ Бѣлгородъ (небольшой городъ, верстахъ въ 10 отъ Кіева) и засадили его въ тѣсную горницу. Спустя немного, входитъ человѣкъ и сталъ точить ножъ.

Съѣздъ князей въ Любечѣ (въ 1097 г.).

Василько догадался, что его хотятъ ослѣпить, и горько заплакалъ. Еще вошли два конюха и бросились на Василька, но не могли его повалить. Тогда пришли еще люди, повалили князя, наложили на грудь доски, такъ что кости захрустѣли. Тутъ Василька ослѣпили.

Князь лежалъ безъ чувствъ, какъ мертвый: его завернули въ коверъ, положили въ телѣгу и повезли къ Давиду. На дорогѣ провожатые князя остановились въ одномъ селѣ обѣдать; сняли съ него окровавленную рубашку и отдали попадьѣ вымыть. Попадья одѣла князя въ чистую рубашку и, сидя надъ нимъ, плакала, какъ надъ мертвымъ. Князь очнулся и спросилъ:—«Гдѣ я?» Ему сказали. Тогда онъ попросилъ напиться. Напился и пришелъ въ себя; ощупалъ рубашку и говоритъ: — «Зачѣмъ меня переодѣли? Пусть бы я въ той кровавой сорочкѣ умеръ и сталъ на судъ передъ Богомъ». Отобѣдавши, провожатые повезли князя дальше, по тряской дорогѣ: тогда была осень, и грязь на дорогахъ комьями лежала. На шестой день привезли Василька къ Давиду и засадили въ темницу.

Когда Владиміръ (прозванный Мономахомъ) обо всемъ этомъ услышалъ, то горько заплакалъ и сказалъ:—«Такого зла не было еще въ Русской землѣ ни при дѣдахъ, ни при отцахъ нашихъ». Посылаетъ онъ сказать другимъ князьямъ: — «Братья! исправимъ скорѣе это дѣло! Если мы начнемъ другъ съ другомъ расправляться ножами, то погибнемъ всѣ, а Половцы придутъ и возьмутъ Русскую землю».

Нѣкоторые князья пристали къ Владиміру, и онъ послалъ отъ себя и отъ нихъ сказать Святополку:—«Что ты это сдѣлалъ? зачѣмъ ослѣпилъ своего брата? Если онъ былъ виноватъ, то ты могъ бы обличить его передъ нами». Святополкъ сваливалъ всю вину на Давида:—«Онъ ослѣпилъ Василька, онъ же и увелъ его къ себѣ».—«Это не оправданіе»,—отвѣчали послы:—«не въ Давидовомъ городѣ взятъ и ослѣпленъ Василько, а въ твоемъ».

На другой день утромъ войско Владиміра и его братьевъ стало переправляться черезъ Днѣпръ. Святополкъ испугался и хотѣлъ, было, бѣжать изъ Кіева; но кіевляне не пустили его и послали къ Владиміру сказать: — «Умоляемъ тебя, князь, и братьевъ твоихъ, не губите вы земли Русской: если вы будете воевать между собою, то Половцы возрадуются и возьмутъ нашу землю. Отцы и дѣды ваши сражались за Русскую землю, а вы хотите погубить ее». Услышавъ это, Владиміръ заплакалъ.—«Поистинѣ такъ»,—сказалъ онъ,—«отцы

и дѣды наши соблюдали Русскую землю, а мы ее губимъ!» Владиміръ согласился на миръ, но съ тѣмъ, чтобы Святополкъ самъ шелъ на Давида.

Услышавъ о близкой бѣдѣ, Давидъ Игоревичъ ночью послалъ за однимъ монахомъ, Василіемъ, котораго Василько зналъ и любилъ.— «Я слышалъ»,—сказалъ Давидъ Игоревичъ монаху,—«что Василько согласенъ уговорить Владиміра воротиться. Пойди же ты къ своему тезкѣ и скажи ему, что если онъ это сдѣлаетъ, я дамъ ему любой городъ». Давидъ перечислилъ при этомъ нѣсколько городовъ, которые онъ у Василька отнялъ.

Монахъ пошелъ въ темницу къ Васильку и передалъ ему слова Давида.—«Не обѣщалъ я посылать къ Владиміру»,—отвѣчалъ Василько,—«но пожалуй пошлю, чтобы изъ-за меня не проливалась кровь. Удивляюсь только, какъ это Давидъ даетъ мнѣ мои же города».

Однако же, Давидъ не выпустилъ Василька изъ тюрьмы до тѣхъ поръ, пока братъ Василька (Володарь) не принудилъ его къ тому силой.

Выпущенный на волю, Василько, хотя и слѣпой, тотчасъ же принялся мстить Давиду и принудилъ его выдать сообщниковъ. Василько повѣсилъ этихъ людей. Много перебилъ онъ и невинныхъ, мстя Давиду за свое ослѣпленіе.

Владиміръ Мономахъ *).

Только и вздохнула Русь при внукѣ Ярослава—Владимірѣ Мономахѣ. Не давалъ Мономахъ разгораться княжескимъ усобицамъ; отвадилъ онъ и Половцевъ дѣлать набѣги на Русскую землю.

Посовѣтовалъ Мономахъ Великому Князю созвать на съѣздъ всѣхъ князей, чтобы полюбовно разрѣшить всѣ споры, по согласію подѣлить города и земли. Два раза съѣзжались князья, установили порядокъ, цѣловали крестъ, чтобы жить между собою въ мирѣ. Усобицы понемногу стихли.

Сталъ тогда Владиміръ Мономахъ замышлять грозу и на Полов-

*) Мономахъ—слово греческое, значитъ единоборецъ. Князь Владиміръ получилъ такое прозваніе по имени дѣда своего по матери, греческаго императора Константина Мономаха.

цевъ. Пріѣзжаетъ онъ къ Великому Князю и говоритъ, что надо собрать всѣхъ князей и общими силами ударить на Половцевъ.

А Великому Князю и его дружинѣ не хотѣлось идти на войну, и говорятъ они Владиміру:— «Теперь весна,—жаль отнимать отъ пахоты пахаря».

Владиміръ Мономахъ.

Владиміръ сказалъ: — «Вотъ вы пахаря жалѣете, а того не размыслите, что станетъ крестьянинъ пахать, налетитъ половчинъ, убьетъ пахаря стрѣлою, возьметъ его лошадь, заберетъ жену и дѣтей, и все имѣнье, а гумно выжжетъ».

Ничего на это не могла сказать дружина, а Великій Князь только промолвилъ:—«Я готовъ идти».

— «Великое добро сдѣлаешь ты, братъ, Русской землѣ»,—сказалъ Владиміръ.

Собралось много русскихъ князей, и пошли въ степи. Собрались въ несмѣтномъ числѣ и Половцы: было ихъ, какъ въ лѣсу деревьевъ. Но русскіе такъ стремительно ударили, что Половцы не выдержали и побѣжали. Наши погнались за ними и порубили ихъ безсчетное число; двадцать хановъ (князьковъ) половецкихъ сложили въ бою свои головы. Вернулись князья домой съ побѣдою и славою и съ полономъ великимъ. Послѣ этого погрома, Владиміръ еще собралъ князей на Половцевъ и нагналъ на нихъ такого страху, что хищники присмирѣли: долго потомъ не смѣли они показываться даже и на рубежѣ земли Русской.

Любилъ народъ Владиміра Мономаха, и всѣ князья его почитали. Когда умеръ Великій Князь, кіевляне сошлись на вѣче и рѣшили: быть Владиміру Мономаху Великимъ Княземъ. Владиміръ Мономахъ отъ великокняжескаго стола отказался: были князья старше

его, и не хотѣлъ онъ сѣять на Руси смуты *). Кіевляне послали тогда сказать Владиміру:—«Если ты не придешь въ Кіевъ, много зла сдѣлаешь Русской землѣ и дашь за то отвѣтъ Богу».—Покорился Мономахъ и сталъ Великимъ Княземъ, и никто изъ князей не посмѣлъ тому противиться.

Владиміру было тогда шестьдесятъ лѣтъ, но бодръ былъ еще Князь и тѣломъ, и душою и поспѣвалъ во всякомъ дѣлѣ: и въ дѣлахъ княжескихъ, и въ церковныхъ, и въ домашнихъ.

Былъ усерденъ Владиміръ и ко храму Божію, начиналъ онъ и оканчивалъ день церковною молитвой. Много построилъ онъ па Руси церквей и монастырей. Былъ онъ и великій книголюбецъ и много книгъ разсылалъ по Божьимъ храмамъ.

Къ народу Владиміръ Мономахъ былъ милостивъ и правосуденъ. Щедро одѣлялъ Князь нищихъ, убогихъ и всѣхъ, кто нуждался. Не давалъ онъ бѣдныхъ и слабыхъ въ обиду; строго смотрѣлъ за намѣстниками и судьями по городамъ, чтобы не было неправды.

Съ князьями Владиміръ жилъ въ любви и добромъ согласіи; держалъ всегда сторону праваго, мирилъ соперниковъ, а къ безпокойнымъ и упорнымъ былъ строгъ: случалось,—отнималъ у такихъ и удѣлы. Былъ Владиміръ для младшихъ князей отцомъ—любящимъ, но строгимъ.

Владиміра Мономаха называли «нищелюбцемъ, братолюбцемъ и добрымъ страдальцемъ за Русскую землю».

Умеръ Владиміръ Мономахъ въ преклонной старости (74 лѣтъ, въ 1125 году). Народъ плакалъ по немъ, какъ дѣти по отцѣ плачутъ. И долго послѣ его смерти родъ Мономаховичей былъ въ почетѣ и любви у всего Русскаго народа **).

Суздальская область.

При дѣтяхъ и внукахъ Мономаха сильнѣе прежняго разгорѣлись княжескія усобицы. Власть старшаго въ родѣ все больше и больше

---

*) Великокняжескій столъ переходилъ, по обычаю, къ старшему въ родѣ: отъ брата старшаго—къ среднему и младшему, отъ послѣдняго брата—къ дѣтямъ старшаго брата, потомъ—къ дѣтямъ средняго и т. д.

**) Въ Москвѣ, въ Оружейной палатѣ, хранится «шапка Мономаха» (корона). Шапку эту Мономахъ получилъ въ даръ отъ греческаго императора. Московскіе цари возлагали на себя шапку Мономаха въ день вѣнчанія на царство.

слабѣла: младшіе князья ни въ чемъ не слушались Великаго Князя, спорили изъ-за наслѣдственныхъ вотчинъ (*отчизна*—наслѣдіе отцовъ), спорили и за великокняжескій престолъ. Кіевъ безпрестанно переходилъ изъ однѣхъ рукъ въ другія. А Половцы, тѣмъ временемъ, дѣлали на Русь частые набѣги и въ конецъ ее разоряли.

Тяжело тогда жилось на южной Руси мирному, рабочему люду: валится изъ рукъ работа, когда не знаешь, что будетъ завтра. Того и гляди, нагрянутъ дикіе степняки, селенія разграбятъ и выжгутъ, а людей погонятъ въ степи—въ горькую неволю. А то и русскій князь, враждуя съ сосѣдомъ, наѣдетъ съ дружиной—и нивы потопчетъ, и запасы заберетъ, и людей къ себѣ на землю уведетъ; а вольные удалые дружинники и въ конецъ разорятъ: лошадь возьмутъ, скотину со двора сведутъ. Страдалъ народъ и отъ другихъ бѣдъ: пошли неурожаи, повальная болѣзнь, голодъ. Бѣднѣла южная Русь. Прежде рабами у русскихъ были только плѣнники-иноземцы, а теперь и сами русскіе стали продавать себя и съ дѣтьми въ холопство.

И пошелъ народъ искать новыхъ мѣстъ для спокойнаго труда: уходили на западъ, въ польскія земли, переселялись и на сѣверъ—въ *Суздальскую область* *). Годъ отъ года приходили въ запустѣніе южно-русскіе города и земли, а Суздальская область все гуще заселялась народомъ.

Земля въ Суздальской области не такъ плодородна, какъ въ южной Руси, и земледѣльцу много надо потрудиться, чтобы прокормить себя съ семьею. Зато здѣсь свободной земли много, и легче живется: не добраться сюда степняку-грабителю, да и княжескихъ усобицъ здѣсь меньше. А къ народу князья суздальскіе добры и милостивы, какъ домовитые хозяева, заботливы они о порядкахъ и добромъ устроеніи.

Суздальская область много усилилась при князѣ Юріи Долгорукомъ, младшемъ сынѣ Владиміра Мономаха (Юрій Долгоруковъ основалъ Москву). Но больше всего возвысилось Суздальское княжество при князѣ Андреѣ Боголюбскомъ.

Андрей Боголюбскій жилъ во Владимірѣ (на рѣкѣ Клязьмѣ). Захотѣлъ Андрей возвысить свой Владиміръ надъ другими городами рус-

*) Теперь губерніи: Владимірская, Московская, Нижегородская, Ярославская, Костромская, Тверская.

скими: построилъ онъ здѣсь Успенскій соборъ изъ бѣлаго камня съ позолоченнымъ куполомъ и перенесъ сюда чудотворную икону Пр. Богородицы (взятую имъ изъ Кіева); соорудилъ много церквей, построилъ монастыри. Украсился городъ Владиміръ и сталъ подобенъ Кіеву.

Андрей Боголюбскій былъ князь сильный, властный; онъ хотѣлъ завести на Руси новые порядки. Не пожелалъ жить Андрей ни въ Суздалѣ, ни въ Ростовѣ, потому что въ этихъ старыхъ городахъ народъ привыкъ къ волѣ, держался старинныхъ вѣчевыхъ порядковъ. Не давалъ Андрей воли и боярамъ, держалъ ихъ строго, казнилъ за ослушанье и ни въ чемъ не спрашивалъ у нихъ совѣта. И князья сѣверные были у Андрея въ строгомъ повиновеніи, какъ его подручники. Желалъ Андрей Боголюбскій, чтобы всѣ—и народъ, и бояре, и князья одного его во всемъ слушались, чтобы вся Русь была подъ его единою властью.

Хотѣлось Андрею, чтобы и южные князья были ему послушны, чтобъ распоряжаться ему и въ сѣверной, и въ южной Руси единовластно. Собралъ онъ огромное союзное войско и послалъ на Кіевъ *). Союзное войско осадило Кіевъ и взяло его приступомъ. Древняя столица русская, мать русскихъ городовъ—Кіевъ былъ разоренъ и отданъ на разграбленіе войску. Суздальцы два дня грабили богатый городъ и много жителей перебили.

Андрей Боголюбскій сталъ послѣ этого называться Великимъ Княземъ, но жить въ Кіевъ не поѣхалъ, а поставилъ править Кіевскимъ княжествомъ подручнаго себѣ князя (своего младшаго брата).

Съ того времени суздальская область возвысилась надъ всѣми русскими областями. Владиміръ на Клязьмѣ сдѣлался главнымъ городомъ Русской земли, а разоренный и униженный Кіевъ сталъ рядовымъ городомъ.

Древній Новгородъ.

Обширны были владѣнія Новгорода, съ его городами и пригородами, селами и поселками **). Но малоплодородна здѣсь болотистая

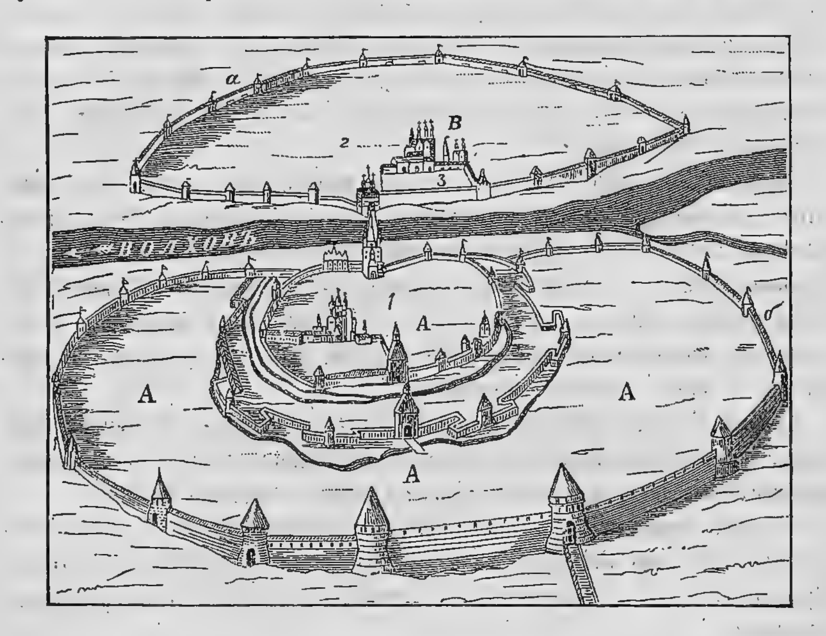
*) Великокняжескій престолъ въ Кіевѣ занялъ тогда племянникъ Андрея (Мстиславъ). Андрей считалъ себя старше его и хотѣлъ самъ владѣть великокняжескимъ престоломъ.

**) На западъ эти владѣнія доходили до Финскаго залива и Чудскаго озера; на сѣверъ и востокъ шли къ Бѣлому морю и Уральскимъ горамъ.

и глинистая земля, по мѣстамъ сплошь заросшая непроходимыми лѣсами.

Зато безъ числа водилось въ этихъ лѣсахъ всякаго пушного звѣря.—Охотой на звѣря, торговлей дорогими пушными мѣхами и занимались больше всего новгородцы.

Легко чужеземцу пріѣхать въ Новгородъ изъ-за моря; не трудно и новгородцамъ пробраться по рѣкамъ въ новую русскую область. Новгородцы и вели обширную торговлю и съ иноземцами, и со всею Русью. Нѣмцы привозили въ Новгородъ заморскіе товары—ткани,

Планъ древняго Новгорода.

А.—Софійская; 1) *А.*—кремль и соборъ Св. Софіи; *В.*—2) торговые ряды; 3) дворъ Ярослава.

вино, золотыя и серебряныя вещи, а покупали у новгородцевъ разное русское сырье—ленъ, пеньку, сало, кожи, а всего больше — дорогіе пушные мѣха. Развозили новгородцы иноземные товары по всей Русской землѣ, скупали вездѣ и русскіе товары. Годъ отъ года разрасталась торговля, и богатѣлъ славный Новгородъ. Много жило въ немъ именитыхъ бояръ, и всякаго званія людей богатыхъ.

Вмѣстѣ съ богатствомъ росла и сила, и вольность новгородская. Не князь здѣсь распоряжался общественными дѣлами, а сами горожане (*вѣче*), какъ это въ старину повсюду на Руси водилось. Князю поручалъ народъ только начальство надъ дружиной и войскомъ, а общественными дѣлами заправляли выборные посадники—именитые и богатые новгородскіе люди. И князь, и посадники распоряжались дѣлами по рѣшенію вѣча. По звону вѣчевого колокола сходились новгородцы—богатые и бѣдные, знатные и простые, чтобы рѣшить дѣло по общему совѣту. Но согласія у новгородцевъ было мало: богатые и властные люди хотѣли вершить дѣла по-своему, и сходки часто кончались кровавою расправой.

Много было въ вольномъ Новгородѣ людей недовольныхъ, много голытьбы бездомной и всякой буйной молодежи. Кликнетъ кличъ удалый, добрый молодецъ изъ боярскихъ или купеческихъ дѣтей и соберетъ храбрую дружину «повольниковъ» (или *ушкуйниковъ*»). Садятся удалые повольники въ лодки *(ушкуи)* и ѣдутъ искать себѣ удачи и счастія на чужой сторонѣ, искать простора силѣ молодецкой. Разгуливаютъ повольники по рѣкамъ и озерамъ и рады, когда имъ придется помѣряться съ кѣмъ-нибудь силой, потѣшиться удалью.

До Бѣлаго моря и до Уральскихъ горъ доходили удалыя дружины, строили на новыхъ земляхъ города и поселки, брали дань пушными мѣхами съ полудикихъ инородцевъ. За повольниками шли промысловые люди, укрѣплялись на новыхъ мѣстахъ, утверждали въ дальнихъ краяхъ новгородскую власть и вѣчевые порядки.

Ушкуйники. *(Стих. Немировича-Данченко).*

Что за дикія пустыни,
Что за темные лѣса!
Опрокинулись надъ нами
Голубыя небеса.
Глушь... безлюдье... бездорожье...
Оглушаютъ эту дичь
Только громы Божьей бури,
И залетной птицы кличъ.
Да медвѣдь бродитъ по лѣсу,
И реветъ онъ, и ворчитъ,
Словно царь свои владѣнья
Отъ кого-то сторожитъ.
Дальше—тундры вѣковыя
Неподвижно залегли...
Глушь... безлюдье... бездорожье...
Царство смерти... край земли!

———

Широка среди пустыни
Свѣтловодная Двина;
Катитъ пѣнистыя волны

Въ море Бѣлое она.
На привольѣ зеленѣютъ
Заливные острова...
Какъ нѣжна на этихъ гладяхъ
Луговая мурава!
Чайки бѣлыя мелькаютъ,
Будто искры надъ рѣкой;
Журавли, чернѣя высью,
Словно плачутся порой.
Малой точкой въ синемъ небѣ
Кречетъ взвился и виситъ.
Вся украйна, яркимъ солнцемъ
Озаренная, горитъ.
По заводьямъ стонутъ утки;
Гулъ рѣчной и гулъ лѣсной
Низью стелются повсюду
Надъ красавицей Двиной.
Глушь... безлюдье... бездорожье...
Говоръ волнъ и птичій кличъ.
И далеко залетаетъ
Неизвѣданная дичь...

———

То не говоръ ли потока?
То не вѣтеръ ли шумитъ?
Нѣтъ! Какъ-будто издалека
Пѣсня звонкая гремитъ.
Пѣсня звонкая, лихая,
Вся-то—удаль, сила, гнѣвъ...
И далеко, не смолкая,
Чьи-то груди надрывая,
Вольный носится напѣвъ.
Ближе... Лодки надъ волнами
Остроносыя скользятъ,
Весла искрятся на солнцѣ,
Флаги бѣлые блестятъ.
Ближе... Громче... Кто отважный
Въ глушь пустынную проникъ?
Чей надъ этими лѣсами
Далеко несется крикъ?
Дѣти ль Чуди бѣлоглазой,
Иль Варяговъ злая рать
Мчатся дикія кочевья
Грабить, бить и истреблять?
Нѣтъ,—то Руси вольной слово,
Нѣтъ,—то пѣснь ея сыновъ,
Точно вьется надъ пустыней
Стая дикая орловъ.
Это—Новгорода дѣти,
Дѣти славы вѣчевой
Ищутъ воли и простора,
Ищутъ битвы роковой.
Въ пѣснѣ ихъ—орлиный клекотъ
Вольный кличъ лихихъ, бойцовъ
Точно слышится отзвучье
Вѣчевыхъ колоколовъ.
Оживляются пустыни,
Встрепенулся темный боръ.
Гдѣ бродилъ одинъ сохатый *),
Тамъ съ утра звенитъ топоръ.
Глушь, безлюдье, бездорожье,
Царство смерти, край земли
Этимъ сѣятелямъ жизни
Новью тучною легли.
И бродитъ ушкуйникъ смѣлый
По трущобамъ вѣковымъ,
Какъ грибы, растутъ поселки,
Вѣче слышится за нимъ...
Ой! Сбирайтеся, дружины...
Воля кличетъ, бой зоветъ...
И съ конца въ конецъ далеко
Громкій колоколъ гудитъ,
И отъ края, и до края
Надъ пустынею глухой
Все звучитъ, не умолкая,
Выше, выше залетая,
Пѣсня Руси молодой.

———

*) Сохатый—лось.

Татарская неволя.

Татары.

Далеко на востокъ отъ русскаго рубежа, внутри средне-азіатскихъ степей, издавна кочевали *Татары*.

Татаринъ ростомъ невеликъ, широкоплечъ, коренастъ. Голова большая, бритая, лицо — широкое, скуластое, уши — большія, а глаза — маленькіе, узкіе.

Пашни татары не пахали, а разводили много разнаго скота — верблюдовъ, быковъ, особенно же овецъ и лошадей. Большимъ стадамъ нельзя долго оставаться на одномъ мѣстѣ, и татары безпрестанно перекочевывали съ пастбища на пастбище, отъ водопоя къ водопою. Избъ татары не строили, а для жилья ставили круглые шатры изъ тонкихъ жердей, покрытыхъ войлокомъ *(кибитки)*.

Въ шатрахъ жили жены татарина съ дѣтьми, а самъ татаринъ почти всегда былъ на конѣ — на волѣ: на конѣ татаринъ и ѣлъ, и спалъ, и о дѣлахъ съ сосѣдями разсуждалъ. Круглый годъ проводилъ татаринъ въ полѣ, — либо при стадѣ, либо на охотѣ. Любилъ онъ тѣшиться верховою ѣздой и стрѣльбой изъ лука. Съ малыхъ лѣтъ ужъ пріучался татаринъ ѣздить верхомъ и пускать въ цѣль стрѣлы, привыкалъ сносить голодъ и жажду, стужу и палящій зной.

Межъ собою татары были обходительны и честны, и въ нуждѣ другъ другу всегда помогали. Но къ чужимъ татары были звѣрски жестоки: убить человѣка — имъ было ни по чемъ, непріятельскую землю они до тла разоряли. Про татаръ говорили, что у нихъ — львиное мужество, собачье терпѣнье, хитрость лисицы и хищность волка.

Татары дробились на мелкія племена *(орды)*. Каждая орда жила особо, у каждой орды былъ свой князекъ *(ханъ)*. Ханы постоянно ссорились между собою, часто воевали другъ съ другомъ. Постоянныя усобицы ослабляли татаръ, и они были страшны только для близкихъ своихъ сосѣдей.

Но вотъ между татарскими ханами является необыкновенный человѣкъ — *Темучинъ*. Онъ былъ огромнаго роста, съ широкимъ лбомъ и длинной бородой, отчаянно отваженъ, безпощадно жестокъ. Когда,

послѣ смерти отца, возстали противъ него подвластные князьки, Темучинъ разбилъ ихъ, перехваталъ главныхъ зачинщиковъ и велѣлъ сварить ихъ въ котлахъ. Семьдесятъ огромныхъ котловъ наполнили живыми людьми — и несчастныхъ въ кипяткѣ сварили. Послѣ этого Темучинъ въ короткое время покорилъ подъ свою власть всѣхъ татарскихъ хановъ, и стали татары сильнымъ и страшнымъ для всѣхъ народомъ.

Темучинъ далъ для войны такіе законы: «Кто побѣжитъ съ поля битвы, того товарищи должны сейчасъ же убить. Кто не храбро бьется съ врагами, и того убить. Кто не помогаетъ въ битвѣ товарищу, не выручаетъ его изъ плѣна, и того убить. Имѣнье врага жечь и зорить; побѣжденнаго врага нещадно избивать». — Понятно, что татары отчаянно бились на войнѣ и истребляли всѣхъ и все безъ пощады.

Разгромилъ и покорилъ Темучинъ всѣхъ сосѣднихъ народовъ въ Азіи и сталъ называться «Владыкою міра» *(Чингизъ-ханъ).* «Какъ на небѣ одно солнце, такъ и на землѣ долженъ быть одинъ властелинъ», говорилъ Темучинъ. И послалъ онъ страшныя полчища свои покорить всѣ земли, какія лежали на западъ отъ Азіи за Уральскими горами.

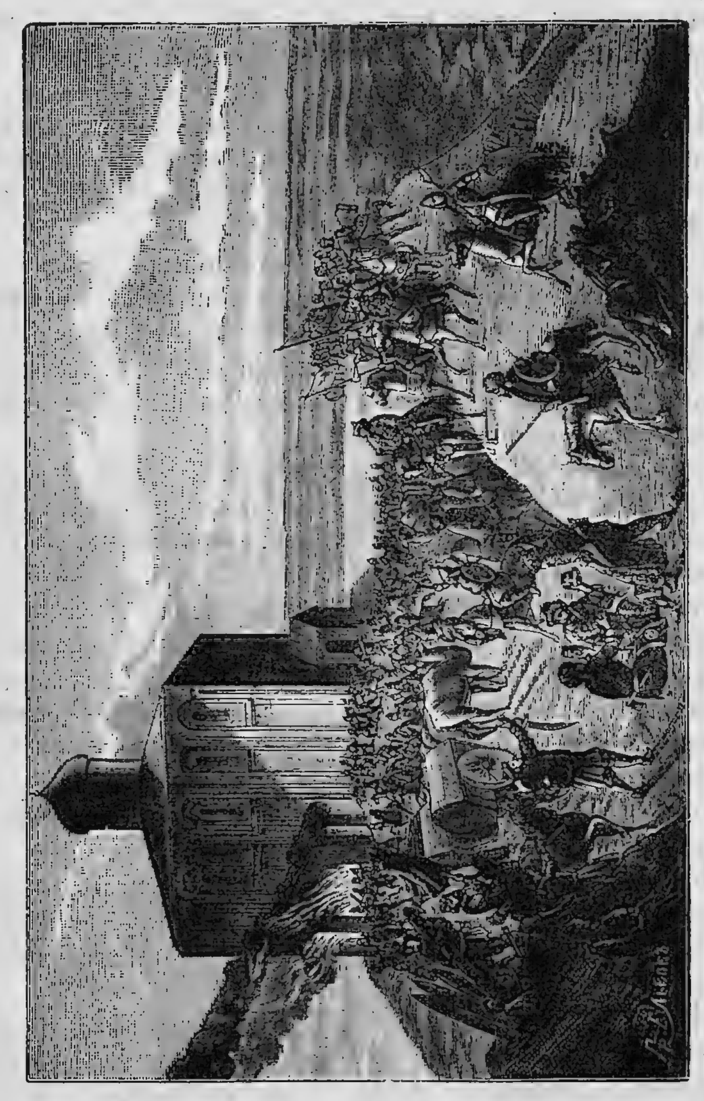
Не знали русскіе люди, какая страшная гроза на нихъ ополчается: по-прежнему шли на Руси смуты и усобицы, дробилась земля, истощалась напрасно русская сила.

Татарскій погромъ (1237 г.).

Огромная татарская орда, силой въ триста тысячъ, появилась въ Рязанской области. Начальствовалъ надъ татарами *Батый,* наслѣдникъ Темучина.

Являются къ рязанскимъ князьямъ послы отъ Батыя и требуютъ ото всѣхъ поголовно десятую часть всякаго имущества. Князья отвѣтили татарамъ: — «Когда насъ не станетъ, все тогда будетъ ваше». А ратной силы у рязанцевъ было мало: по одному ратнику на сотню татаръ приходилось. Рязанскіе князья спѣшно посылаютъ гонцовъ во Владиміръ, просятъ подмоги у великаго князя. Великій князь (Юрій) не помогъ князьямъ рязанскимъ: былъ онъ съ ними въ ссорѣ и думалъ одинъ управиться съ врагами.

Какъ саранча, обступили Рязань татары, устроили вокругъ города тынъ, чтобы скрываться за нимъ отъ стрѣлъ русскихъ. Пять дней

храбро отбивались рязанцы, на шестой — не устояли: день и ночь безсмѣнно стояли они на стражѣ, а татарскіе отряды безпрестанно смѣнялись свѣжими войсками. Стѣнобитными машинами разбили та-

тары городскія стѣны и зажгли крѣпость: сквозь огонь и дымъ ворвались въ городъ.

Никому не далъ пощады врагъ лютый: князя съ княгиней, бояръ, простой народъ, — всѣхъ перебили. Дикіе варвары распинали плѣнниковъ, рубили ихъ топорами, разстрѣливали стрѣлами, живыхъ бросали въ огонь, грабили и жгли дома, оскверняли церкви. Нѣсколько дней продолжалась безпощадная бойня въ Рязани и въ окрестныхъ селахъ. Въ городѣ не осталось ни одного живого человѣка: некому было и плакать по убитымъ

Отъ Рязани татарская сила повалила во Владиміръ, огнемъ и мечемъ все опустошая. Пришелъ въ ужасъ Великій Князь, когда узналъ о силѣ и лютости татаръ. Оставилъ онъ на защиту Владиміра своихъ двухъ сыновей, а самъ, съ небольшой дружиной, пошелъ въ Ярославскую область, остановился станомъ на рѣкѣ Сити и началъ поспѣшно собирать отовсюду войско.

Подступили татары къ стѣнамъ Владиміра, окружили городъ тыномъ и стали громить крѣпость стѣнобитными машинами. Мужественно защищались владимірцы, и всѣ заранѣе приготовились къ смерти.

Епископъ Митрофанъ со всей княжеской семьею, со множествомъ стариковъ, женщинъ и дѣтей заперлись въ соборѣ. Сокрушили татары городскія стѣны, ворвались въ городъ,—и полились потоки крови. Выломали татары двери въ соборѣ, разграбили церковныя сокровища, натаскали потомъ въ храмъ хворосту и лѣсу и зажгли. Всѣ, кто были въ соборѣ, погибли;—одни сгорѣли, другіе задохлись отъ дыма. Князья сложили свои головы въ бою. Всѣ жители Владиміра отъ малаго до стараго были перебиты.

Разоривъ Владиміръ, татары разгромили и всю Суздальскую область и ударили потомъ на рать великаго князя. Отчаянно бились русскіе, но не могли дать татарамъ отпора. Великій Князь сложилъ въ битвѣ свою голову; перебито и все русское войско.

Прошла орда татарская дальше, все на пути истребляя. Взяли татары Тверь, взяли Торжокъ. Всѣ русскіе защищались храбро, но всѣ были перебиты поодиночкѣ. Пошли татары къ Новгороду, «кося людей, какъ траву». Только сто верстъ ужъ пройти остается. Готовятся и новгородцы умереть въ бою честной смертью, но татары неожиданно назадъ поворотили: въ Новгородской землѣ много рѣкъ,

озеръ и болотъ, — побоялись татары весенняго половодья. Такъ и уцѣлѣлъ случайно вольный Новгородъ отъ татарскаго погрома.

И на возвратномъ пути татары все жгли и рубили, хоть русскіе вездѣ отчаянно боролись. Особенно долго пришлось татарамъ простоять подъ Козельскомъ. Княземъ здѣсь былъ тогда младенецъ, и некому было вести войско на битву; но козельцы рѣшили всѣ до единаго погибнуть, но не сдаваться:—«умремъ и примемъ вѣнцы на небѣ». Цѣлыхъ семь недѣль отбивались козельцы; наконецъ, видятъ,—силъ не хватаетъ; отворили городскія ворота, бросились на враговъ, перебили ихъ до четырехъ тысячъ, и сами всѣ до единаго погибли. Перерѣзали татары женъ, дѣтей. Младенецъ-князь, говорятъ, утонулъ въ крови.—За такую отчаянную защиту прозвали татары Козельскъ *„злымъ городомъ“*.

Разоривъ сѣверную Русь, татары черезъ годъ выжгли и залили кровью и Русь южную. И здѣсь никто не молилъ врага о пощадѣ: князья и народъ отчаянно защищались, но не могли дать отпора, потому что дрались въ одиночку. Выжгли татары Черниговъ; исчезъ подъ грудами камня и пепла древній Кіевъ, и вся южная Русь пришла въ конечное запустѣнье,—народъ разбѣжался.

Двинулся Батый съ ордой дальше на западъ,—въ ужасъ пришли нѣмцы и другіе западные народы. Но Батый скоро повернулъ назадъ, такъ какъ рѣшилъ начать войну съ венграми, но тутъ онъ потерпѣлъ неудачу и ушелъ со своею ордою въ приволжскія степи. При устьѣ Волги Батый построилъ городъ *Сарай,* и два съ половиною вѣка властвовали отсюда татары надъ Русскою землею.

Евпатій Коловратъ.

Жилъ въ Рязани бояринъ, по имени Евпатій, по прозванью Коловратъ. Не случилось ему быть въ родномъ городѣ во время татарскаго разгрома. Узнавъ о бѣдѣ великой, спѣшитъ на родину Коловратъ, чтобъ сложить и свою голову въ бою честномъ. Только пепелище и трупы нашелъ Евпатій на мѣстѣ Рязани. Собралъ онъ удальцовъ около двухъ тысячъ и ударился вслѣдъ за врагами. Догоняетъ татарскія полчища бояринъ, кинулся на задніе ряды и смялъ ихъ. Переполохъ поднялся въ татарскомъ войскѣ. «Побитые рязанцы возстали изъ мертвыхъ»,—кричатъ татары.

— «Кто вы такіе?»—спрашиваетъ Батый захваченныхъ плѣнниковъ.

— «Мы слуги рязанскаго князя»,—отвѣчали удальцы,—«а полку боярина Коловрата. Мы пожелали съ честью проводить тебя изъ Рязани».

Долго не могли татары управиться съ полкомъ Коловрата. Самъ бояринъ былъ великанъ ростомъ и силы непомѣрной. Тяжелымъ мечемъ онъ рубилъ направо и налѣво; кого пополамъ перерубитъ, кого вдоль—до самаго сѣдла распластаетъ. Кончилось побоище тогда только, когда ни единаго удальца въ живыхъ не осталось.

Батый не мало дивился такой отвагѣ и велѣлъ освободить тѣхъ, кто былъ въ плѣнъ захваченъ.

Послѣ погрома.

Какъ лютый пожаръ, какъ моровая язва, прошли татары по Русской землѣ изъ края въ край. Тихо и печально было вездѣ, какъ на кладбищѣ. Поля вытоптаны, выжжены. Не слыхать въ полѣ пахаря,—только вороны каркали, слетаясь на трупы. На мѣстѣ деревень торчатъ обгорѣлыя печи, валяются головешки. На мѣстѣ городовъ лежатъ груды камня, углей и пепла. Звѣрь лѣсной рыщетъ тамъ, гдѣ передъ этимъ жили мирныя семьи. Запустѣла земля Русская. Много храбрыхъ князей сложили въ битвѣ свои головы. Сотни тысячъ народа перебиты и уведены въ неволю, а кто остался живъ, тѣ завидуютъ мертвымъ.

Шлетъ грозный Батый гонцовъ къ князьямъ Русскимъ, чтобы ѣхали къ нему, Батыю, на поклонъ, везли бы ему вмѣстѣ съ покорностію и богатые дары. Поѣхали князья въ Орду *),—страшно было и подумать противиться грозному хану.

Въ Ордѣ пришлось князьямъ выносить униженія, терпѣть оскорбленія: татары заставляли князей переходить черезъ огонь, принуждали становиться на колѣни передъ изображеніемъ хана, кланяться идоламъ, въ ноги кланяться самому хану. Кто изъ князей исполнилъ ханскую волю, тѣхъ онъ назначалъ управлять родовой вотчиной отъ его ханскаго имени, по его ханской милости; а кто не выказывалъ полной покорности, тѣ погибали лютою смертію.

Назначилъ ханъ Батый князей для управленія Русской землею и обложилъ всѣхъ русскихъ людей, отъ земледѣльца до боярина, тяжкою данью.

Такъ началася злая татарская неволя, и длилась она около 250 лѣтъ.

---

*) Такъ называли русскіе царство Батыево. Полное названіе было *Золотая* (или *Кипчакская*) *орда*.

Смерть княгини Евпраксіи *). *(Стих. Мея).*

Загорѣлося утро по-лѣтнему,
Загорѣлось сначала на куполѣ,
А потомъ перешло на верхушки древесныя,
А потомъ поползло по землѣ, словно крадучись,
Гдѣ жемчужинки, гдѣ алмазинки
У росистой травы отбираючи...
У Николы Корсунскаго къ ранней обѣднѣ ударили...
И княгиня проснулась подъ колоколъ...
Къ колыбели птенца своего припадаючи,
Цѣловала его, миловала и пѣстовала,
И на красное солнышко вынесла,
На подборъ теремной, на свѣтелочный.
Вотъ стоитъ она съ нимъ, смотритъ на поле,
На лѣсъ, на рѣку, смотритъ такъ пристально
На дорогу, бѣгучую подъ гору.
Смотритъ: пыль на дорогѣ поднялася;
Скачетъ кто-то, а конь весь обмыленный.
Ближе глянула, анъ Ополоница **);
Не примѣтилъ княгини бъ, да крикнула.
Осадилъ жеребца, задыхается...
А княгиня Евпраксія спрашиваетъ:
„Гдѣ же князь мой, сожитель мой ласковый?“
Замоталъ головой Ополоница:
— „Не спросила бы, не было бъ сказано:
„Благовѣрный твой князь Ѳедоръ Юрьевичъ,
„Красоты твоей ради неслыханной,
„Убіенъ отъ царя, отъ Батыя неистоваго!“
Обмерла, окоченѣла княгиня Евпраксія,
Къ персямъ чадо прижимала любезное—
Да съ нимъ вмѣстѣ съ подбора и ринулась
На сырую мать-землю, и тутъ заразилася***) до смерти.
И оттолѣ то мѣсто Заразомъ прозвалося,
Потому что на немъ заразилася
Съ милымъ чадомъ княгиня Евпраксія.

---

*) Князь Юрій Рязанскій, оставленный великимъ княземъ, послалъ сына своего Ѳеодора съ дарами къ Батыю, который, узнавъ о красотѣ жены Ѳеодоровой, Евпраксіи, хотѣлъ видѣть ее; но юный князь, отвѣтилъ ему, что христіане не показываютъ женъ злочестивымъ язычникамъ. Батый велѣлъ умертвить его.

**) Ополоница—стремянной князя.

***) Заразилася—убилася, разбилася.

Св. Михаилъ Черниговскій въ Ордѣ.

Св. князь Михаилъ Черниговскій и бояринъ его Ѳеодоръ.

Пріѣхалъ въ Орду на поклонъ князь Михаилъ Черниговскій съ внукомъ своимъ и съ боярами. Приказываютъ князю черезъ огонь пройти, идоламъ поклониться.

Князь Михаилъ сказалъ:—«Не подобаетъ намъ, христіанамъ, испол-

нять языческіе обряды и кланяться идоламъ: мы поклоняемся только Единому Богу».

Распалился гнѣвомъ Батый и велитъ сказать Михаилу:

— «Если исполнишь мою волю, то живъ останешься, и всю область свою получишь; а если ослушаешься, то лютою смертію погибнешь».

На это князь Михаилъ шлетъ отвѣтъ хану:—«Тебѣ, царю, кланяюсь, потому что Богъ отдалъ въ твою власть нашу землю; а идоламъ твоимъ кланяться не стану».

Причастился князь Св. Таинъ, сталъ читать молитвы, пѣть псалмы.

Внукъ и бояре умоляли князя Михаила послушаться хана:

— «Всѣ мы со всею областію твоею за тебя, князь, эпитимію примемъ,—покорись хану!»

Князь имъ отвѣтилъ:—«Не хочу я только по имени быть христіаниномъ, а творить дѣла язычниковъ. Не погублю души своей»! Сорвалъ онъ съ себя княжескую мантію, бросилъ ее на землю и сказалъ:—«Возьмите славу сего міра, хочу славы небесной!»

Пришли татары отъ хана и говорятъ князю:—«Знай, что неминучая смерть ждетъ тебя!»

Князь твердо отвѣтилъ:—«Лучше мнѣ кровь свою пролить за вѣру православную».

Бросились на князя татары, повалили на землю, били въ сердце, топтали ногами.

Трепетали отъ ужаса русскіе бояре. Одинъ только Ѳеодоръ, любимый бояринъ князя, стоялъ спокойно, ободрялъ мученика-князя словами: — «Потерпи, князь, немного; такъ подобаетъ истинному христіанину».

Наконецъ, князю отсѣкли голову. Отрубили голову и боярину Ѳеодору.

Самъ Батый дивился мужеству Михаила и Ѳеодора и назвалъ князя «великимъ мужемъ».

Колыбельная пѣсня.

Спи, усни, мое дитятко!
Поколь гроза пройдетъ,
Поколь бѣда минетъ.
Спи, усни, мое дитятко!
Гроза пройдетъ страшная,
Бѣда минетъ наносная.
Спи, усни, мое дитятко!
Твоя матушка—полоняночка,

Твой батюшка—полоняночекъ *).
Злы татарева набѣгали,
Домы, терема сожигали,
Старыхъ стариковъ убивали,
Молодыхъ въ полонъ полонили,
Животы по себѣ дѣлили.
Разлучили тебя, дитятко,
Съ родимой матушкой;
Отогнали прочь, дитятко,
Твоего батюшку родимаго.
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!
Ты расти, расти, дитятко,
Во крѣпости и младости.
Ужъ у тебя ли на дворѣ
Стоитъ теремъ одинехонекъ,
Безъ батюшки и матушки,
Безъ твоей молодой жены.
Ты сѣдлай коня вороного,
Ты скачи въ Орду Золотую,
Вывози батюшку родного
На Святую Русь;
Вывози матушку родиму
На широкій ли дворъ,
Вывози молоду жену
Во теремъ изукрашенный.
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!

Татарскій полонъ.

Какъ за рѣкою
Да за великою
Злые татарове
Дуванъ дуванили **).
На дуваньицѣ
Доставалася,
Доставалася
Теща зятю.
Вотъ повезъ тещу зять
Въ дикую степь
Къ молодой женѣ:
— „Ну и вотъ, жена,
Тѣ работница,
Съ Руси русская
Полоняночка;
Ты заставь ее
Три дѣла дѣлати:
Первое дѣло —
Куделю прясть,
Другое дѣло —
Лебедей стеречь,
А и третье дѣло —
Дитя качать“.
Полоняночка
Съ Руси русская
Она глазками
Лебедей стережетъ,
А ручками
Кудель прядетъ,
А ножками
Колыбель колышетъ.
Охъ, качаетъ дитя,
Прибаюкиваетъ:
— „Ты баю-баю,
Боярскій сынъ!
Ты, по батюшкѣ
Золъ татарченокъ,
А по матушкѣ —
Ты русеночекъ,
А по роду мнѣ —
Ты внученочекъ:
Вѣдь, твоя-то мать
Мнѣ родная дочь;
Семи лѣтъ она
Во полонъ взята;
У ней на бѣлой груди
Есть родиночка,
На лѣвой ногѣ

*) Полоняночекъ, полоняночка—плѣнникъ, плѣнница.
**) Дуванъ дуванить—дѣлить добычу.

Нѣтъ мизинчика“.
Услыхали то
Дѣвки сѣнныя,
Прибѣжали онѣ
Къ своей барынѣ,
Разсказали все,
Что услышали.
Что стучитъ, гремитъ
По сѣнямъ бѣжитъ,
И дрожа дрожитъ
Дочка къ матери,
Повалилася
Во рѣзвы ноги:
„Государыня,
Моя матушка!
Не спознала тебя,
Моя родная!
Ты бери ключи,
Ключи золоты,
Отпирай ларцы,
Ларцы кованы;
Ты бери казны,
Сколько надобно;
Ты бери коня,
Что ни лучшаго;
Ты бѣги, бѣги, мать,
На Святую Русь“.
— Не поѣду я
На Святую Русь:
Я съ тобой, дитя,
Не разстануся.

Благовѣрный Князь Александръ Невскій.

I. Сосѣди новгородцевъ.

Спаслись Новгородъ и Псковъ отъ татарскаго погрома; но поднялась на нихъ гроза съ другой стороны,—отъ сѣверныхъ и западныхъ сосѣдей.

Съ сѣвера сосѣдями новгородцевъ были *Шведы,* а съ запада—*Нѣмцы.* Шведы жили за Балтійскимъ моремъ, и нынѣшней Финляндіей они владѣли. Нѣмцы укрѣпились на южномъ побережьи Балтійскаго моря (городъ—*Рига*). *Финны* и другія малосильныя племена занимали громадное, попреимуществу, лѣсное пространство средней и сѣверной части нынѣшней Россіи, начиная свои владѣнія на западѣ отъ Балтійскаго моря и доводя впослѣдствіи далеко за Уралъ. Этими народцами хотѣли владѣть и Русскіе, и Шведы, и Нѣмцы: строили на ихъ земляхъ городки и поселки, собирали дань, обращали язычниковъ въ свою вѣру (Шведы и Нѣмцы—въ католическую, Русскіе—въ православную).

Пользуясь бѣдствіями Руси, Шведы и Нѣмцы задумали навсегда укрѣпиться на спорныхъ земляхъ, захотѣли завладѣть и Новгородскою землею и обратить православныхъ въ католическую вѣру. Новгородцамъ не отъ кого было ждать помощи въ то время, и приходилось имъ однимъ стоять и за свою землю, и за православную вѣру.

Къ счастью для Русской земли, въ Новгородѣ княжилъ тогда князь *Александръ Ярославичъ.*

ВЕЛИКІЙ НОВГОРОДЪ
И ЕГО СОСѢДИ.
Сѣверный Ледовитый
Океанъ
Бѣлое
Море
Соловецкіе
Остр.
р. Печера
р. Объ
Уральскія горы
Сибирь
р. Сѣв. Двина
р. Вычегда
р. Сухона
р. Кама
р. Вятка
р. Волга
Швеція
Балтійское Море
Финны
Шведы
Финскій заливъ
Ладожское
Оз.
Онежское
Оз.
Бѣлое
Оз.
Нева
Волховъ
Мста
Чудское
Оз.
Новгородъ
Псковъ
Ильмень
Рига
Нѣмцы
р. Зап. Двина
Ловать
Литва
Смоленскъ
Днѣпръ
Тверь
Ярославль
Ростовъ
Владиміръ
Москва
Рязань
Нижній Новгородъ

II. Какъ Александръ побѣдилъ Шведовъ. *(1240 г.)*.

Римскій папа *) благословилъ Шведовъ воевать Новгородскія земли и обращать православныхъ въ католическую вѣру. Папа писалъ Шведамъ: «Кто пойдетъ на войну, тому всѣ грѣхи простятся». Шведскому королю и безъ того хотѣлось завладѣть Новгородскою землею и поживиться богатствомъ новгородцевъ.

Собралась большая рать. Главнымъ начальникомъ надъ войскомъ былъ зять короля, Биргеръ. Новгородцы не ждали бѣды и узнали о ней только тогда, когда Шведы уже плыли на своихъ корабляхъ по рѣкѣ Невѣ. Биргеръ присылаетъ сказать Александру:—«Бейся со мной, если смѣешь: я ужъ на твоей землѣ!».

Некогда было Александру собирать всѣхъ ратниковъ новгородскихъ. Поспѣшно снарядилъ онъ небольшую дружину, помолился въ храмѣ св. Софіи, принялъ благословеніе отъ владыки, вышелъ къ воинамъ и сказалъ:—«Насъ мало, а врагъ силенъ; но Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ. Смѣло идите за своимъ княземъ!»—Молодъ былъ князь Александръ (20 л. ему лишь миновало), но былъ онъ неустрашимъ и надѣялся на Божію помощь.

Александръ Невскій.

И скоро оправдалась надежда князя. Передъ битвой начальникъ

---

*) Папа—глава церкви у христіанъ-католиковъ. Папы желали присвоить себѣ высшую власть надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ—надъ всѣми народами и надъ всѣми государями.—Только православные христіане не признавали надъ собой папской власти, поэтому-то папы всѣми силами и старались обратить православныхъ въ католичество.

стражи на Невѣ разсказалъ Александру, что ему въ эту ночь было видѣнье:

— «На восходѣ солнечномъ стоялъ я на стражѣ. Все было тихо. Вдругъ слышу сильный шумъ и вижу,—плыветъ по рѣкѣ лодка, а посреди лодки стоятъ два витязя въ княжескихъ одеждахъ, а лица ихъ сіяютъ. И сказалъ одинъ витязь другому:—«Братъ Глѣбъ, вели грести скорѣе,—поможемъ въ бѣдѣ нашему сроднику Александру». Я затрепеталъ отъ страха,—говоритъ начальникъ стражи,—и ладья изъ глазъ моихъ скрылась».

Понялъ Александръ, что витязи были святые князья Борисъ и Глѣбъ, и возблагодарилъ Бога за доброе знаменіе.

Быстро и смѣло князь на враговъ ударилъ. Шведы не ждали, что новгородцы явятся такъ скоро, и спокойно отдыхали на берегу Невы въ своихъ палаткахъ. Поднялся страшный переполохъ въ непріятельскомъ станѣ. Не успѣли Шведы и за оружіе взяться, а удалые новгородцы уже рубили ихъ мечами и топорами.

Новгородскіе удальцы безъ всякаго страха бросались въ самую середину непріятельскаго стана и рубились въ одиночку. Новгородецъ Гаврила пробрался на конѣ къ шведскому кораблю и вскочилъ на сходню. Шведы столкнули его и съ конемъ въ воду. Гаврила выбрался изъ воды, поскакалъ борзо по берегу и рубилъ непріятеля направо и налѣво. Другой удалецъ пробился до златоверхаго шатра Биргера, подсѣкъ столбъ шатерный, и шатеръ повалился при радостныхъ крикахъ новгородцевъ. Третій—съ пѣшею дружиною напалъ на три корабля и потопилъ ихъ. Самъ Александръ сражался впереди своего войска; острымъ копьемъ онъ ударилъ Биргера въ лицо, и тотъ поспѣшно ускакалъ назадъ. Шведы побѣжали, ночью сѣли на корабли и уплыли домой, не подобравъ и мертвыхъ.

Великая радость была въ Новгородѣ и по всей Руси. Всѣ прославили Александра за славную побѣду и прозвали его *Невскимъ.*

III. Какъ Александръ Невскій побѣдилъ нѣмцевъ.

И года не прошло, какъ Александръ прогналъ шведовъ, а на Новгородъ пришла новая бѣда. Стали нѣмцы воевать русскія земли; взяли Псковъ, вступили въ новгородскія земли, и ужъ только тридцать верстъ оставалось нѣмцамъ пройти до самаго Новгорода. Грабили нѣмцы купеческіе обозы, и несли новгородскіе купцы большіе убытки.

Александра Невскаго въ Новгородѣ тогда не было: поссорился онъ передъ этимъ съ новгородцами и отъ нихъ уѣхалъ. Посылаютъ новгородцы владыку съ боярами молить Александра о защитѣ. Забылъ Александръ свою обиду и поспѣшно пріѣхалъ въ Новгородъ стоять за Русскую землю и за православную вѣру. Принялъ Александръ начальство надъ новгородскою ратью и разбилъ нѣмцевъ: выгналъ ихъ изъ Новгородской земли, отнялъ Псковъ, погналъ нѣмцевъ дальше, и самъ вошелъ въ ихъ землю.

Собрали нѣмцы большое войско близъ озера Чудскаго и похвалялись разбить на голову русскихъ, а самого Александра въ плѣнъ забрать. Русская рать стала на льду озера и поджидала непріятеля. Помолился князь Александръ передъ битвою и, поднявъ руки къ небу, сказалъ:—«Разсуди, Боже, мою распрю съ этимъ высокомѣрнымъ народомъ». Началась сѣча. У нѣмцевъ войско было построено клиномъ. Такъ и врѣзались они въ русскую рать, какъ клинъ въ дерево, раскололи войско пополамъ, били направо и налѣво. Тяжелый гулъ стоялъ надъ побоищемъ отъ удара мечей, отъ треска ломающихся копій, отъ криковъ и стоновъ. Ледъ потрескался мѣстами; многіе потонули. Дрогнули русскіе, смѣшались. Нѣмцы уже радовались побѣдѣ. Вдругъ Александръ съ запаснымъ полкомъ ударилъ на нѣмцевъ сзади. Оправились русскіе, и принялись бить нѣмцевъ со всѣхъ сторонъ. Нѣмцы побѣжали. Русскіе гнали ихъ по льду цѣлыхъ семь верстъ. Льда на озерѣ стало не видно: весь онъ трупами покрылся, окрасился кровью. Побѣда была полная.

Псковичи вышли навстрѣчу Александру съ хоругвями и крестами. Съ торжествомъ вступилъ Александръ и въ Новгородъ. Онъ ѣхалъ верхомъ. За конемъ его вели знатныхъ рыцарей нѣмецкихъ; сзади гнали огромную толпу простыхъ плѣнниковъ. По всѣмъ церквамъ служили молебны. Народъ величалъ побѣдителя.—Больше трехъ-сотъ лѣтъ послѣ этого въ Новгородѣ поминали на ектеніяхъ Невскую битву и Ледовое побоище.

Такъ отстоялъ Александръ русскія окраины и православную вѣру въ годину безвременья. Громко гремѣла на Русской землѣ слава Александра Невскаго. Потоптана была русская слава, посрамлена была русская честь. Только Александръ утѣшилъ русское сердце: будто сквозь черныя тучи прорѣзался золотой лучъ яснаго солнышка.

IV. Какъ Александръ Невскій стоялъ за Русь передъ татарами.

Гремѣла слава про Александра Невскаго и за рубежомъ Русской земли. Отъ нѣмцевъ приходилъ къ Александру витязь и такъ разсказывалъ про него послѣ: — «Много исходилъ я земель, но нигдѣ не встрѣчалъ такого ни въ царяхъ царя, ни въ князьяхъ князя». А Александръ былъ высокъ ростомъ, статенъ сановитъ, лицомъ прекрасенъ, взоръ у него быстрый и ясный; а когда князь говорилъ съ народомъ или войскомъ, звучный голосъ, какъ труба гремѣлъ.

Захотѣлъ видѣть Александра и Батый, ханъ татарскій. Посылаетъ Батый сказать Александру: — «Богъ покорилъ мнѣ многихъ народовъ, ужели ты одинъ не хочешь покориться? Если желаешь соблюсти свою землю, иди ко мнѣ на поклонъ».

Нелегко было Александру исполнить ханскую волю. Дорога дальная. Но еще того тяжелѣе — кланяться злому ворогу-татарину. Но Александръ зналъ, что только покорностію и терпѣніемъ можно теперь спасти отъ новыхъ бѣдствій въ конецъ разоренную Русь. И вотъ, прославленный громкими побѣдами, князь ѣдетъ, скрѣпя сердце, въ Орду на поклонъ хану.

Ханъ Батый принялъ Александра ласково, почтилъ его дарами и сказалъ: — «Правду про него говорили, — нѣтъ подобнаго этому князю».

Въ знакъ особой милости, Батый посовѣтовалъ Александру съѣздить еще на поклонъ и къ великому хану — въ самую глубь Азіи. Чтобы не прогнѣвать Батыя, Александръ и туда поѣхалъ. Дологъ и тяжелъ былъ этотъ путь по знойнымъ, песчанымъ пустынямъ, безъ пути, безъ дороги. Перенесъ Александръ великую нужду: претерпѣлъ униженія и обиды въ становищѣ великаго хана. — И великій ханъ остался доволенъ Александромъ.

Вскорѣ послѣ этого ханъ назначилъ Александра Невскаго Великимъ Княземъ Владимірскимъ. Во Владимірѣ встрѣтили Александра съ радостью и большимъ почетомъ. Но не для славы и почестей, не для тихой, безмятежной жизни сѣлъ Александръ на великокняжескій престолъ: онъ принялъ на себя тяжкій, повседневный трудъ, чтобы народу облегчить тяготу ига татарскаго.

Новый ханъ татарскій велѣлъ пересчитать весь русскій народъ и

обложить его поголовною данью. Велѣлъ ханъ собрать поголовную дань и съ Новгородцевъ. Зналъ Александръ, что не захотятъ вольные Новгородцы платить дань татарамъ, но ослушаться хана было нельзя, и Александръ самъ поѣхалъ въ Новгородъ вмѣстѣ съ татарскими послами. Замутился вольный Новгородъ, и всталъ въ немъ мятежъ грозный. Татары стоятъ на своемъ:—«Давай намъ *число* (общее число для обложенія поголовною данью), не то прочь побѣжимъ,—тогда худо вамъ будетъ».—Люди богатые соглашались на перепись, но черный народъ говоритъ:—«Умремъ честью, но не дадимъ *числа* и дани сыроядцамъ окаяннымъ».

Александръ зналъ, что за непокорность новгородцевъ татары жестоко выместятъ свою злобу и на другихъ земляхъ русскихъ. Радѣя о пользѣ всей Руси, Александръ рѣшилъ принудить новгородцевъ покориться татарамъ. Онъ объявилъ, что уѣзжаетъ изъ Новгорода и отдаетъ городъ на всю ханскую волю. Почуялъ Новгородъ близкую бѣду, мятежъ стихъ, и дали новгородцы «число» и дань татарамъ. Александръ упросилъ потомъ хана не посылать больше въ Новгородъ татаръ-сборщиковъ, а отдавали бы новгородцы дань хану черезъ своихъ князей.

Спустя два года послѣ новгородской смуты, произошли еще большіе безпорядки и въ другихъ городахъ русскихъ. Татары къ тому времени отдали дань на откупъ купцамъ «бесерменскимъ». Эти откупщики пріѣзжали въ Русь съ отрядами татаръ и всякое насиліе творили: брали дани больше, чѣмъ слѣдуетъ: отнимали у бѣдныхъ послѣднія пожитки, грабили, уводили людей въ неволю. Народъ терпѣлъ насколько силъ хватало; но скоро потерялось всякое терпѣніе. Во Владимірѣ, въ Суздалѣ и въ Ростовѣ поднялся народъ, ударилъ на откупщиковъ-насильниковъ, многихъ перебилъ, остальныхъ съ безчестьемъ прогналъ вмѣстѣ съ татарской стражей. Разъярился ханъ и сталъ уже собирать полчища громить Русь. Пришла бѣда великая.

Александръ поспѣшно поѣхалъ въ Орду съ богатыми дарами, хоть и зналъ онъ, что гнѣвенъ ханъ и можетъ снять съ него голову. Прожилъ Александръ въ Ордѣ цѣлую зиму и все лѣто, съ великимъ трудомъ снискалъ милость хана, и тотъ принялъ его оправданія.

Такъ въ послѣдній разъ отстоялъ благовѣрный князь родную землю отъ новаго погрома. Прежде времени истомился князь отъ

душевной тревоги и трудовъ непосильныхъ. Занемогъ онъ въ Ордѣ и больной домой поѣхалъ. Еле перемогаясь, добрался князь до Городца (Нижегород. губ.) и здѣсь совсѣмъ слегъ. Чувствуетъ Александръ, что смерть приближается, и постригся въ монахи. Скончался Александръ на 44 году своей жизни (14 ноября 1263 г.).

Нелегко было Александру бороться со шведами и нѣмцами, но еще того тяжелѣй было стоять за Русскую землю передъ татарами. Легче развѣдаться съ врагами въ открытомъ бою и сыскать себѣ честь и славу, чѣмъ умилостивлять его поклонами да подарками. Легче вести народъ на битву кровавую, чѣмъ пріучать его къ терпѣнію и держать въ покорности ненавистному насильнику. Можетъ быть, не разъ щемило сердце богатырское, и поднималась кровь горячая отъ татарскихъ насилій; но разумъ сдерживалъ горячее сердце, и Александръ, по великой нуждѣ-неволѣ, себя не жалѣючи, татарамъ угождалъ, чтобы сберечь родную землю. И не умалилась отъ этого слава Александра, а еще больше выросла.

V. Память объ Александрѣ Невскомъ.

Во Владимірѣ митрополитъ служилъ обѣдню, когда дошла до него скорбная вѣсть о кончинѣ Александра. Вышелъ митрополитъ на амвонъ и сказалъ сквозь слезы:—«Дѣти мои! Закатилось солнце земли Русской: не стало Александра!»—Сказалъ это митрополитъ и залился слезами. И весь народъ въ церкви съ плачемъ завопилъ:—«Погибаемъ! погибаемъ»!

Лежали глубокіе снѣга, стоялъ трескучій морозъ, а всѣ отъ мала до велика высыпали изъ Владиміра встрѣтить тѣло благовѣрнаго князя. Митрополитъ и духовенство, князья и бояре и простой народъ со свѣчами шли по глубокимъ снѣгамъ десять верстъ.—И не одни владимірцы, но и вся Русь неутѣшно плакала, когда узнали о смерти своего заступника.

Много потрудился Александръ Невскій на пользу родной земли. Онъ отстоялъ русскія окраины, защитилъ вѣру православную. Онъ отвелъ отъ Русской земли новые жестокіе удары злыхъ татаръ и много облегчилъ тяготу неволи.

Въ дѣлахъ княжескихъ не забывалъ Александръ Невскій и дѣлъ любви христіанской: много серебра и золота передавалъ онъ въ Орду

на выкупъ полоненныхъ; многихъ спасъ отъ лютой неволи, у многихъ осушилъ горькія слезы *).

Святитель Петръ, первый митрополитъ Московскій.

Родился св. Петръ въ западной Руси—на Волыни (во второй половинѣ XIII столѣтія). Съ младенческихъ лѣтъ отличался онъ кротостію и тихимъ нравомъ, любилъ читать слово Божіе, и двадцати лѣтъ въ монастырь удалился.

Въ монастырѣ св. Петръ велъ строгую жизнь; носилъ воду на кухню, мылъ для братіи власяницы, исполнялъ всякія трудныя работы и всѣмъ въ монастырѣ безпрекословно повиновался. Первымъ всегда приходилъ на клиросъ, а уходилъ изъ храма послѣднимъ. При всѣхъ трудахъ своихъ, св. Петръ съ любовію занимался еще иконописаніемъ. Взирая на лики святыхъ, юноша умилялся душою и проливалъ слезы о своихъ недостаткахъ духовныхъ. Двадцати лѣтъ онъ принялъ иночество, а затѣмъ удостоился и священническаго сана. Святая душа Божьяго человѣка искала еще болѣе строгихъ подвиговъ, и Петръ удалился въ пустынное мѣсто.

Въ короткое время собралась къ Петру братія, и онъ построилъ для нихъ кельи. Такъ основался монастырь, и св. Петръ сдѣлался въ немъ игуменомъ. Игуменомъ трудился онъ больше всѣхъ и каждому готовъ былъ служить, считая себя въ монастырѣ послѣднимъ изъ монаховъ. Въ монастырь приходило много богомольцевъ, и св. Петръ кротко и тихо всѣхъ поучалъ, въ скорби утѣшалъ, въ нуждѣ помогалъ. Когда нечѣмъ было помочь, онъ раздавалъ иконы своего писанія, отдавалъ нуждающемуся и свою послѣднюю власяницу.

Въ то время (1305 годъ) скончался Максимъ, митрополитъ всероссійскій. Галицкій князь Юрій умолялъ св. Петра идти въ Царьградъ съ грамотою къ вселенскому патріарху и просить его дать осиротѣвшей Русской землѣ митрополита. Не зналъ смиренный игуменъ, что князь въ своей грамотѣ проситъ, чтобы патріархъ возвелъ

*) Православная церковь причла Александра къ лику святыхъ. Память благовѣрнаго князя празднуется 30-го августа. Мощи его перенесены изъ Владиміра въ Петербургъ Императоромъ Петромъ Великимъ и покоятся въ Александро-Невской лаврѣ. Петербургъ стоитъ на Невѣ, неподалеку отъ того мѣста, гдѣ Александръ Невскій побѣдилъ шведовъ.

въ санъ митрополита самого посланца. Велико было удивленіе Петра, когда патріархъ провозгласилъ его первосвятителемъ всероссійскимъ. Святитель Петръ принялъ избраніе, какъ волю Божію, и отправился во Владиміръ *).

Нерадостно встрѣтили во Владимірѣ новаго митрополита. Тверской епископъ Андрей изъ зависти тайно послалъ на Петра доносъ къ патріарху. Патріархъ велѣлъ разслѣдовать дѣло. Собрался соборъ въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ (близъ Владиміра). Когда прочитали доносъ, между присутствующими произошло сильное волненіе: многіе вознегодовали противъ клеветы явной. Тогда святитель Петръ сказалъ:—«Возлюбленные братія и чада! Я не лучше пророка Іоны. Если изъ-за меня такое великое волненіе, то выбросьте меня изъ среды своей!» Кроткое слово святителя тронуло всѣхъ до глубины души. Потребовали на-лицо доносчика, и клевета была обличена предъ всѣмъ соборомъ. Тогда со всѣхъ сторонъ посыпались на доносчика укоризны. Одинъ только святитель Петръ взялъ его подъ свою защиту.—«Миръ тебѣ, чадо!»—сказалъ онъ Андрею:—«отнынѣ берегись лжи, а прошлое да проститъ тебѣ Богъ!»

Св. Петръ, митр. Московскій.

И въ санѣ митрополита всероссійскаго святитель Петръ прилагалъ труды къ трудамъ. Забывая преклонность своихъ лѣтъ и слабость здоровья, несмотря на бездорожье того времени и всякія опасности въ пути, святитель часто объѣзжалъ свои епархіи, поучая всѣхъ вѣрѣ и доброй жизни и словомъ, и примѣромъ. Былъ онъ заступникомъ слабыхъ, отцомъ сиротъ, вдовицъ и убогихъ.

Радѣя о пользѣ церкви, святитель Петръ ѣздилъ въ Орду и испросилъ у

*) Послѣ разоренія Кіева татарами митрополиты россійскіе жили во Владимірѣ.

хана милостивую грамоту. Въ грамотѣ той ханъ написалъ: «Никто да не обидитъ на Руси церковь Петра митрополита, архимандритовъ, игумновъ, поповъ. Земли церковныя свободны отъ всякія дани, ибо все то есть Божіе. Да пребываетъ митрополитъ въ тихомъ житіи, и безъ печали молитъ Бога за насъ и за дѣтей нашихъ. Кто возьметъ что-нибудь у духовныхъ,—заплатитъ втрое; кто дерзнетъ порицать вѣру русскую, кто обидитъ церковь, монастырь, часовню,—да умретъ».

Съ скорбнымъ сердцемъ видѣлъ архипастырь, что народъ страдаетъ отъ тяжкаго ига татарскаго, а усобицы княжескія въ конецъ губятъ Русь. Часто святитель уговаривалъ князей жить въ мирѣ и любви, именемъ Бога заклиналъ ихъ не губить земли изъ-за своей корысти и личныхъ счетовъ. Но князья мало ему внимали.

Только у Московскаго князя Ивана Даниловича Калиты находилъ святитель отраду. Любилъ св. Петръ московскаго князя, и князь Иванъ любилъ митрополита, какъ отца родного. Часто посѣщалъ святитель Петръ Москву и подолгу бесѣдовалъ съ княземъ объ устроеніи земли Русской.—«Бѣдствуетъ Русь отъ татарской неволи, отъ княжескихъ усобицъ и отъ всякаго внутренняго нестроенія. Раздѣлилась, разсыпалась Русь, и нѣтъ у ней силы: надо собрать Русь воедино, тогда и минуютъ всѣ бѣды, невзгоды». Провидѣлъ угодникъ Божій, что Москва соберетъ русскія земли, сплотитъ ихъ въ могучее царство и положитъ конецъ народному разоренію.

Подъ конецъ своей жизни митрополитъ Петръ и совсѣмъ въ Москву переселился. И вложилъ святитель въ мысли князя Ивана совѣтъ мудрый—построить въ Москвѣ соборъ, подобный Владимірскому, во имя Успенія Богоматери:—«Если послушаешь меня, сынъ мой»,—говорилъ Петръ,—«то святители и послѣ моей смерти будутъ жить въ твоемъ городѣ, и онъ станетъ славнѣе всѣхъ другихъ русскихъ городовъ, и самъ ты, болѣе другихъ князей, прославишься со всѣмъ родомъ твоимъ». Мудрый совѣтъ святителя пришелся по сердцу князю Ивану, и онъ спѣшно приступилъ къ построенію собора.

Но близилась къ концу святая жизнь Петра Митрополита, и онъ приготовилъ себѣ каменный гробъ въ новомъ храмѣ. Передъ самою кончиною святитель Петръ совершилъ литургію, вознесъ Господу молитву о всей землѣ Русской, щедрую милостыню роздалъ бѣднымъ. Князя Ивана тогда не было въ Москвѣ. Призвалъ митрополитъ близ-

каго къ князю боярина и сказалъ ему: — «Чадо! Я отхожу отъ житія сего, оставляю сыну моему возлюбленному, князю Ивану, милость, миръ и благословеніе отъ Бога,—ему и потомству его до вѣка!» Благословилъ святитель и всѣхъ присутствующихъ, а затѣмъ началъ пѣть вечерню и съ молитвою на устахъ отошелъ ко Господу.

Услышалъ о кончинѣ святителя князь Иванъ сильно опечалился, поспѣшно пріѣхалъ въ Москву и пролилъ слезы вмѣстѣ съ народомъ.

Святыя мощи митрополита Петра были положены въ приготовленномъ имъ гробѣ въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ покоятся и донынѣ.

И понынѣ православные русскіе люди стекаются въ Успенскій соборъ на поклоненіе святымъ мощамъ Петра митрополита и съ благоговѣніемъ чтутъ святыя иконы, рукою святителя написанныя.

Московскій князь Иванъ Даниловичъ Калита *).

Князь Иванъ Даниловичъ былъ внукъ Александра Невскаго. Отъ отца и брата онъ получилъ въ наслѣдство небольшой городокъ Москву и еще семь городовъ. Не велика была вотчина князя Ивана Даниловича, но былъ онъ заботливый и разсчетливый хозяинъ и мудрый, дальновидный правитель. Свою малую вотчину онъ такъ пріумножилъ, укрѣпилъ и возвысилъ, что Московское княжество стало послѣ него самымъ большимъ и сильнымъ, а не большой городокъ Москва сдѣлался главнымъ городомъ на Руси. Вотъ какъ произошло это.

Обширная и тогда была Русская земля, но дробилась она на множество мелкихъ княжествъ, и князья межъ собой постоянно враждовали. Страдалъ народъ отъ княжескихъ усобицъ, погибалъ онъ отъ тяжкой татарской неволи: князья, то и дѣло, ходили другъ на друга войною; татары собирали съ народа непосильную дань, грабили, въ плѣнъ людей уводили; ханъ казнилъ и жаловалъ князей, — кого и какъ хотѣлъ. Кто же избавитъ Русь отъ княжескихъ усобицъ? Какъ спастись ей отъ злой татарской неволи и конечной погибели? Починъ этому великому дѣлу положилъ Московскій князь Иванъ Даниловичъ

*) *Калита* — татарское слово, значитъ, — мѣшокъ съ деньгами. Такъ прозвалъ народъ князя Ивана потому, что онъ всегда носилъ при себѣ мѣшокъ съ деньгами для раздачи бѣднымъ.

Калита и такъ умно повелъ это дѣло, что сами же татары ему въ томъ помогали.

Надо прежде всего умилостивить хана, — отъ него одного все на Руси зависитъ. Иванъ Даниловичъ часто ѣздитъ въ Орду, для пользы Русской земли угождаетъ хану и его совѣтникамъ. Полюбилъ ханъ князя Ивана и назначилъ его Великимъ Княземъ, старшимъ надъ всѣми князьями Сѣверной Руси. Не даетъ Иванъ Даниловичъ большой воли князьямъ подручнымъ, и самъ ханъ ему въ этомъ помогаетъ.

Вѣритъ во всемъ ханъ умному князю Ивану. И говоритъ князь хану, что лучше бы не отдавать русскую дань на откупъ купцамъ «бессерменскимъ»: много лишняго берутъ они въ свои карманы, много разоренія терпитъ отъ нихъ русскій народъ, и хану чрезъ это убытокъ. Лучше поручить это дѣло русскимъ князьямъ: неправды будетъ меньше, народу легче, а хану прибыльнѣе. Послушался ханъ добраго совѣта и велѣлъ самому князю Ивану собирать дань со всей земли Русской. Собираетъ Иванъ Даниловичъ на хана дань, и всѣ довольны. Ханъ получаетъ дани еще больше прежняго; народъ не разоряется отъ грабежа и насилій; а у князя Ивана Даниловича еще остается отъ ханской дани много денегъ, и московская казна съ каждымъ годомъ богатѣетъ.

Бережливъ и расчетливъ князь Иванъ Даниловичъ и казну свою тратитъ только на полезное дѣло. Онъ скупаетъ у бѣдныхъ князей деревни, села и цѣлые города съ пригородами и посадами. Московское княжество отъ этого быстро растетъ, Русская земля собирается въ однѣ руки, усиливается и крѣпнетъ.

Помогаетъ князю Ивану въ его великомъ дѣлѣ и духовенство. Митрополитъ Петръ часто наѣзжаетъ въ Москву, укрѣпляетъ князя Ивана въ его добрыхъ мысляхъ; подъ конецъ митрополитъ и совсѣмъ покинулъ Владиміръ и въ Москвѣ основался. И стала Москва престольнымъ городомъ и Великаго Князя, и митрополита. По совѣту св. Петра, Иванъ Даниловичъ строитъ Большой Успенскій соборъ, чтобъ и другіе митрополиты потомъ въ Москвѣ пребывали. Строитъ князь много и другихъ храмовъ, почитаетъ и любитъ духовенство. Милостивъ князь и къ бѣднымъ: много денегъ раздаетъ онъ нищимъ и убогимъ, помогаетъ всѣмъ въ нуждѣ и въ несчастьи.

Заботливо держитъ князь порядокъ и устроеніе въ землѣ: онъ

зорко смотритъ, чтобъ въ его княжествѣ по правдѣ судъ творили, а ворамъ и грабителямъ потачки не давали.

Живется народу за Московскимъ княземъ покойнѣе и легче; всѣ почитаютъ и любятъ своего князя. Цѣлыми толпами сбѣгаются люди изъ южныхъ областей и сосѣднихъ княжествъ и заселяютъ московскія земли. Охотно приходятъ и бояре на службу къ сильному и богатому князю Московскому и вѣрно служатъ ему совѣтомъ или дѣломъ.

Своими мудрыми дѣлами князь Иванъ такъ усилился и въ Ордѣ, и на Руси, что татары въ Московское княжество ужъ не ходятъ, а въ чужихъ княжествахъ Московскій князь, какъ въ своей вотчинѣ, распоряжался.

Передъ смертію (1340 г.) Иванъ Даниловичъ хоть и раздѣлилъ, по старому обычаю, свои вотчины между сыновьями, но старшему сыну онъ далъ удѣлъ больше всѣхъ, отказалъ ему много казны и всякаго богатства и строго-на-строго наказалъ младшимъ быть у старшаго подъ началомъ. Сталъ старшій князь называться «Господиномъ Великимъ Княземъ», а младшіе во всемъ ему покорялись.

Дѣти и внуки Ивана Калиты жили по его завѣту. Московскіе князья собирали Русь воедино; силы и власти своей не дробили и никому не уступали; были усердны къ храмамъ Божіимъ, милостивы къ бѣднымъ, заботливы о внутреннемъ устроеніи.

Такъ народились въ Москвѣ новые порядки,—зародилось царство сильное, *единодержавное*. И крѣпко стояли за эти порядки вмѣстѣ съ князьями московскими и митрополиты со всѣмъ духовенствомъ, и бояре, и весь народъ русскій. Всѣ видѣли, что московскіе князья собираютъ въ своихъ рукахъ власть и силу на устроеніе земли Русской, на одолѣніе татаръ ненавистныхъ.

Ивана Калиту и его преемниковъ, князей московскихъ, прозвали «*собирателями земли Русской*».

Святитель Алексѣй.

Великій святитель Алексѣй былъ третьимъ митрополитомъ московскимъ и всея Руси. Съ юныхъ лѣтъ онъ отличался святою жизнію, любовью къ познанію слова Божія и великою мудростію. Заботясь о духовномъ просвѣщеніи Руси, великій святитель много поучалъ и

народъ, и князей, и духовенство. Въ Москвѣ построилъ Алексѣй много храмовъ и монастырей—для прославленія имени Божія, для наставленія народа въ доброй жизни.

Славы и почестей св. Алексѣй не искалъ, но всѣ знали угодника Божія не только на Руси, но и въ Ордѣ татарской. Случилось, что жена хана Чанибека, Тайдула, опасно заболѣла. Долго лѣчилась она, и никто не могъ помочь ей. И пишетъ ханъ князю Московскому: «Мы слышали, что Богъ ни въ чемъ не отказываетъ по молитвѣ главнаго попа вашего; такъ пришли его къ намъ, и пускай онъ выпроситъ у Бога здоровья моей супругѣ. А если не пошлешь его ко мнѣ, то съ огнемъ и мечемъ пройду по твоей землѣ».

Святитель Алексѣй.

Великій князь и бояре умоляли митрополита исполнить волю хана. Уповая на милость Божію, св. Алексѣй поѣхалъ къ грозному хану.

Ханъ встрѣтилъ человѣка Божія съ великою честью и повелъ его въ свою палатку. А Тайдула предъ этимъ приготовила для святителя богатое архіерейское облаченіе. Митрополитъ съ духовенствомъ отслужили въ ханской палаткѣ молебенъ. Послѣ молебна св. Алексѣй окропилъ Тайдулу святою водою, и больная почувствовала облегченіе. Велико было удивленіе и радость и татаръ, и русскихъ. Ханъ осыпалъ угодника Божія богатыми дарами и отпустилъ отъ себя съ великимъ почетомъ.

Святителю Алексѣю скоро опять пришлось въ Орду ѣхать. Тамъ совершилось страшное дѣло: ханскій сынъ Бердибекъ убилъ своего отца и двѣнадцать братьевъ, и самъ сдѣлался ханомъ. Онъ объявилъ, что пойдетъ на Русь и разгромитъ всю землю. Всѣхъ объялъ ужасъ. Великій князь и бояре молили св. Алексѣя ѣхать въ Орду, чтобы отвратить погибель и разореніе земли Русской. Поѣхалъ мужественный Алексѣй къ свирѣпому хану стоять за родную землю. Со страхомъ и надеждою провожали его москвичи на великій подвигъ.

Кроткими просьбами и заступничествомъ Тайдулы (матери Бердибека) смягчилъ святитель лютаго хана, отвелъ страшную грозу отъ родной земли.—Съ небывалымъ торжествомъ встрѣтила Москва своего избавителя. Великій Князь, духовенство, бояре и весь народъ вышли къ нему навстрѣчу съ крестами и иконами. Всѣ со слезами радости благодарили Бога и славили Его угодника.

Св. Алексѣй былъ не только ходатаемъ за землю Русскую, но и усерднымъ заступникомъ за первенство Москвы. Великій Князь Московскій Іоаннъ (сынъ Ивана Калиты) умеръ въ молодости, оставивъ своего наслѣдника, малолѣтняго Димитрія, на попеченіе митрополита Алексѣя и бояръ московскихъ. Другіе князья воспользовались малолѣтствомъ московскаго князя и поѣхали въ Орду искать себѣ великаго княженія. Ханъ отдалъ великое княженіе суздальскому князю. Но митрополитъ Алексѣй и бояре московскіе рѣшили стоять за малолѣтняго Димитрія. Какъ ни упрашивалъ князь суздальскій святителя Алексѣя переѣхать во Владиміръ,—не покинулъ митрополитъ Москвы и малютки-князя. Послали митрополитъ и бояре пословъ въ Орду съ богатыми дарами и добились-таки, что Димитрія назначили Великимъ Княземъ. Собрали бояре большое войско, посадили Димитрія на коня и вошли во Владиміръ. Не могъ бороться съ московскими силами суздальскій князь и поневолѣ уступилъ юному Димитрію первенство.

Св. Алексѣй словомъ и дѣломъ много помогалъ малолѣтнему Димитрію въ дѣлахъ княжескихъ и въ укрѣпленіи его власти. Онъ уговаривалъ непокорныхъ князей, грозилъ имъ своею духовною властію и принуждалъ покоряться князю московскому.

Такъ, всю жизнь свою, до глубокой старости, служилъ святитель Алексѣй Русской землѣ, какъ пастырь церкви, какъ ходатай и заступникъ за народъ, какъ стоятель за Москву и московскаго князя.

На погребеніе святителя собрались и князья, и епископы, и бояре, и множество народу. Съ плачемъ и рыданіемъ похоронили его мощи въ созданномъ имъ Чудовомъ монастырѣ, гдѣ они покоятся и понынѣ *).

---

*) Чудовъ монастырь построенъ святителемъ Алексѣемъ въ Кремлѣ, на участкѣ земли, подаренномъ св. Алексѣю Тайдулою въ благодарность за исцѣленіе.

Св. Сергій, игуменъ Радонежскій.

Въ міру св. Сергій назывался Варѳоломеемъ. Онъ былъ боярскаго рода и жилъ съ родителями въ городѣ *Радонежѣ* (близъ Москвы). Съ самаго ранняго дѣтства Варѳоломей во всемъ отличался отъ своихъ сверстниковъ. Былъ онъ кротокъ, скроменъ, послушливъ и прилеженъ. Ему не давалась сначала грамота, и онъ горько плакалъ и усердно молился; а когда Богъ открылъ ему дарованіе, онъ радовался, благодарилъ Бога и прилежно читалъ и пѣлъ на клиросѣ въ церкви. Ребенокъ удалялся отъ дѣтскихъ забавъ и не по-дѣтски постился: по средамъ и пятницамъ и вовсе ничего не ѣлъ, а въ остальные дни питался хлѣбомъ и водою. Большую часть ночи проводилъ онъ безъ сна, въ молитвѣ.

Рано пожелалъ Варѳоломей уйти въ пустыню, но родители его удержали:—«Послужи намъ еще немного; а когда проводишь насъ въ могилу и землей прикроешь, тогда и твори, что желаешь». Сынъ послушался родительской воли. Когда отецъ съ матерью померли, Варѳоломей отрекся отъ родительскаго наслѣдства, и вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Стефаномъ, удалился въ пустыню. Много тогда было монастырей и въ Москвѣ, и по другимъ городамъ, но всѣ они были основаны на мѣстахъ людныхъ, а Варѳоломей желалъ удалиться отъ міра, чтобы вести самую строгую жизнь.

Въ глухомъ, дремучемъ лѣсу братья срубили двѣ тѣсныхъ келейки и малую церковь—во имя св. Троицы. Но не долго пожили братья вмѣстѣ. Не вынесъ Стефанъ тяжкой жизни и ушелъ въ одинъ изъ монастырей московскихъ. Варѳоломей же послѣ этого принялъ постриженіе и нареченъ Сергіемъ. Онъ остался одинъ въ лѣсу, и было ему тогда только 23 года.

Одинъ Богъ знаетъ, какія испытанія переносилъ св. Сергій, два года оставаясь одинъ среди дремучаго лѣса. Ночью, въ зимнее время бушуетъ вѣтеръ; гудитъ и стонетъ темный лѣсъ; стаи голодныхъ волковъ воютъ подлѣ кельи. Слышатся отшельнику чьи-то голоса;—«бѣги отсюда! Здѣсь съ голоду умрешь, звѣри тебя растерзаютъ!»—Пламенно молился подвижникъ, и молитва укрѣпляла въ немъ надежду на Бога, давала силу побороть страхъ. Скоро пересталъ онъ и лютыхъ звѣрей бояться.

Разъ увидѣлъ св. Сергій медвѣдя близъ своей кельи. Замѣтивъ,

что звѣрь голоденъ, Сергій вынесъ кусокъ хлѣба и положилъ на пень.—Медвѣдь сталъ потомъ часто приходить за пищей, и пустынникъ отдавалъ иногда послѣдній кусокъ голодному звѣрю.

Мало-по-малу стали приходить ученики къ святому отшельнику. Собралось двѣнадцать иноковъ. Иноки молились и трудились, сами себѣ добывая пищу. А св. Сергій работалъ всѣхъ больше, никто не видалъ его никогда празднымъ. Онъ рубилъ въ лѣсу дрова, носилъ воду, мололъ муку, пекъ хлѣбы, варилъ пищу, изготовлялъ одежду и обувь, трудился на огородѣ, а по ночамъ неустанно молился. Скудость у братіи была великая.

Часто не хватало для обѣдни вина и ладана; вмѣсто свѣчъ жгли въ церкви лучину; богослужебныя книги писали на берестѣ; церковные сосуды были деревянные, ризы—холщевыя изъ простой крашенины. Случалось, что по нѣскольку дней у иноковъ не было и куска хлѣба, а ходить изъ монастыря за подаяніемъ св. Сергій запрещалъ строго. Самъ онъ питался только хлѣбомъ и водою. И трудился такъ святой подвижникъ до преклонной старости, до самой смерти.

Когда Троицкій монастырь расширился, когда христолюбцы и почитатели святого угодника стали приносить въ монастырь богатые вклады,—св. Сергій ввелъ въ своемъ монастырѣ *общежитіе*. По примѣру первыхъ христіанъ и первыхъ монастырей на востокѣ, у иноковъ Троицкой обители не было ничего собственнаго, а все общее,—и трудъ, и пища, и достояніе,—вплоть до иголки и нитки: никто ничего не считалъ и не называлъ *своимъ*, а *нашимъ* (такъ было установлено Ѳеодосіемъ и въ монастырѣ Печерскомъ). Въ кельяхъ у старцевъ не было ни ларцевъ, ни сундуковъ, ни замковъ, ни запоровъ. Всѣ вмѣстѣ молились, вмѣстѣ работали, одинаковую пищу вкушали, одинаковую одежду носили. На общія монастырскія деньги и призрѣвали больныхъ, помогали неимущимъ, кормили голодныхъ и нищихъ и всякому нуждающемуся помогали.—По слову Божію, иноки были истинные братья—и другъ для друга, и для всякаго пришельца-христіанина.

Добровольно отрекшись отъ міра, отъ всѣхъ земныхъ благъ и житейскихъ радостей и принявъ на себя тяжкій трудъ и великія лишенія, смиренный Сергій почиталъ себя меньшимъ между другими. Такъ, братія долго умоляла своего учителя принять санъ священника и стать въ монастырѣ игуменомъ. Св. Сергій считалъ себя недостой-

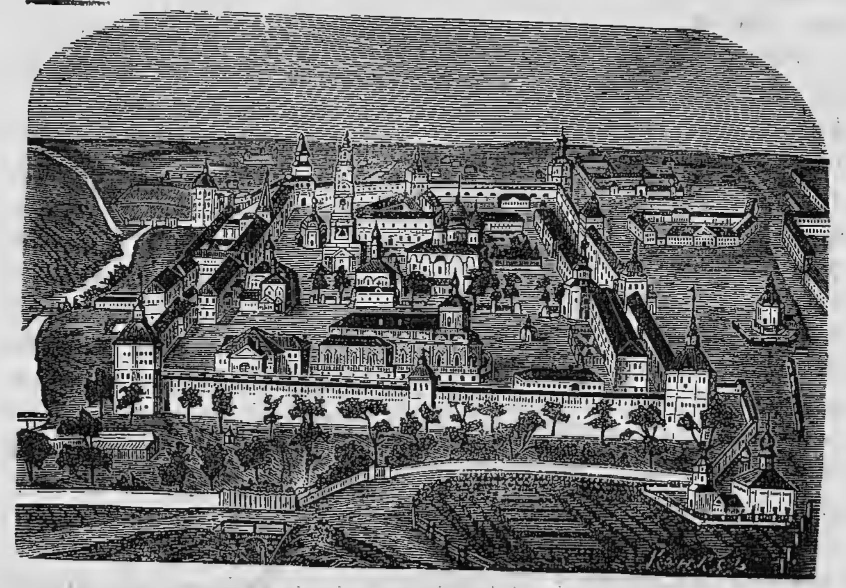
нымъ и исполнилъ просьбу братіи противъ своего желанія.—Въ другое время Алексѣй митрополитъ призвалъ Сергія къ себѣ и хотѣлъ возложить на него золотой крестъ наперсный. Сергій поклонился митрополиту до земли и сказалъ:—«Прости меня, великій архіерей Христовъ! Отъ юности моей я не былъ златоносецъ, а въ старости особенно хочу пребывать въ нищетѣ». Алексѣй сказалъ тогда Сергію, что желаетъ посвятить его епископомъ, чтобы назначить потомъ преемникомъ своимъ. Смутился Сергій, долго не могъ придти въ себя; на всѣ убѣжденія святителя онъ повторялъ одно:—«Выше мѣры моея есть дѣло сіе!»

Подвиги человѣка Божія, его величайшее смиреніе—не могли укрыться въ тайнѣ. Возрастало въ обители число братіи; со всѣхъ концовъ Русской земли стекались сюда богомольцы. Приходили въ обитель богатые и знатные; толпами шли странники, нищіе, немощные. Богатые приносили въ обитель щедрые вклады на поминъ души, бѣдные несли сюда свое горе, нужду, скорби. А горя-злосчастія и всякого рода зла было много тогда на Руси. Изнывалъ народъ отъ татарской неволи и отъ княжескихъ усобицъ; терпѣлъ отъ всякихъ насилій, страдалъ отъ горькой нищеты, отъ голода, отъ частыхъ повальныхъ болѣзней; погибалъ отъ душевной слѣпоты и дикой грубости. И все это зналъ и видѣлъ Сергій, за всѣхъ болѣла святая душа печальника: и всѣ, кто приходилъ въ обитель, получали отъ него и утѣшеніе, и просвѣщеніе. Кротокъ и свѣтелъ былъ душою старецъ Божій и ко всѣмъ равно привѣтливъ—и къ князю, и къ послѣднему рабу. Особенно же милостивъ былъ онъ къ бездомнымъ странникамъ-скитальцамъ, къ нищей братіи: всякаго онъ за трапезу съ собой посадитъ, напоитъ и накормитъ и пріютъ дастъ. Утѣшитъ онъ скорбнаго, наставитъ въ жизни погибающаго, просвѣтитъ слѣпого, именемъ Божіимъ проститъ грѣхи кающемуся. Сладко слушать слова кроткаго и смиреннаго старца,—будто Самъ Богъ говоритъ его устами. А примѣръ великаго подвижника поучалъ всѣхъ труду безустанному, терпѣнію, смиренію, поучалъ отреченію отъ земныхъ радостей и временныхъ благъ для жизни вѣчной.—И по всей Русской землѣ прошла о дивномъ старцѣ Сергіи слава, какъ о святомъ угодникѣ Божіемъ, всѣ почитали его, какъ «единаго изъ пророкъ».

Но не одними только подвигами неустаннаго труда и неизсякаемой ко всѣмъ любви прославилъ себя св. Сергій: онъ былъ печальникомъ

и молитвенникомъ и за всю Русскую землю. Смиренный игуменъ мирилъ князей, отстранялъ ихъ отъ губительныхъ усобицъ, внушалъ всѣмъ покорность московскому князю. Онъ же благословилъ Великаго Князя Димитрія Іоанновича на войну съ татарами, предсказалъ ему побѣду, воодушевилъ мужествомъ и самого князя, и все его войско.

Возрастала слава смиреннаго игумена—страннолюбца и великаго милостивца, возрастала и расширялась и его обитель. Скоро вокругъ монастыря стали вырастать слободы, деревни и села; валили лѣса, распахивали землю,—и сдѣлалась пустыня люднымъ мѣстомъ.

Троице-Сергіевская лавра.

По благословенію и наставленію св. Сергія, ученики его шли на новыя мѣста, въ невѣдомыя до того пустыни, и положили начало новымъ общежитіямъ. До 70 монастырей въ сѣверной Руси основано учениками св. Сергія и учениками его учениковъ. Пустыни заселялись. Полуязыческія племена инородцевъ просвѣщались истиннымъ ученіемъ, роднились и сливались съ русскимъ народомъ. Св. Сергій Радонежскій почитается отцомъ истиннаго (общежительнаго и вдали отъ людныхъ мѣстъ) монашества въ Московской Руси, какъ Антоній и Ѳеодосій Печерскіе были отцами такого же монашества въ Кіевской Руси.

Св. Сергій дожилъ до глубокой старости и скончался на 79 году своей жизни (25 сентября 1392 г.). Святыя мощи его почиваютъ въ Троице-Сергіевой лаврѣ и прославлены многими чудесами.

И понынѣ со всѣхъ концовъ Русской земли стекаются въ Троице-Сергіевскую лавру тысячи богомольцевъ; отъ митрополита до простого инока, отъ царя и до простолюдина,—всѣ идутъ на поклоненіе св. Сергію.

Монастырь. *(Стих. А. Майкова).*

Я живо вижу, какъ сюда
Пришелъ спасаться мужъ святой
Въ тѣ времена еще, когда
Кругомъ шумѣлъ здѣсь боръ густой,
И, вѣковымъ объята сномъ,
Вся эта дикая страна
Казалась людямъ волшебствомъ
И чародѣйствами полна...
И келью самъ въ скалѣ изсѣкъ,
И жилъ пустыннымъ житіемъ
Въ той кельѣ Божій человѣкъ,
На козни бѣса глухъ и нѣмъ.
И, что свѣча въ ночи горитъ,
Онъ въ этомъ мракѣ просіялъ,
Училъ народъ, устроилъ скитъ,
И утѣшалъ, и просвѣщалъ...
И вотъ, вкругъ валятся лѣса,
И монастырь здѣсь возстаетъ.
Надъ гробомъ старца чудеса
Пошли твориться... и растетъ
За храмомъ храмъ, встаетъ стѣна.
Встаетъ гостиницъ длинный рядъ;
И въ погреба течетъ казна.
И всюду трудъ, и всюду ладъ!
Хлопочетъ келарь, казначей...
Всечасно братья ждутъ гостей...
А эти гости—то князья,
Въ Орду идущіе съ казной;
То ихъ княгини, ихъ семья,
Въ разлукѣ плачущія злой...
И черный людъ, безвѣстный людъ,
Со всей Руси идетъ, бредетъ;
Въ грѣхахъ всѣ каяться идутъ,
Да страшный гнѣвъ Свой Богъ уйметъ.
Идутъ съ пожарищъ, съ поля битвъ,
Ища исхода хоть слезамъ —
Подъ чтенье сладостныхъ молитвъ,
Подъ пѣнье ангельское тамъ...

Мамаево побоище. *(1380 г.).*

I. Митрополитъ Алексѣй и бояре помогли малолѣтнему Димитрію удержать власть за собою, а когда Димитрій Іоанновичъ выросъ, то ужъ и самъ умѣлъ за себя постоять. Онъ смирилъ большихъ и малыхъ князей и заставилъ ихъ быть себѣ подручными. Перересталъ спорить съ Димитріемъ суздальскій князь, выдалъ за него свою дочь

и самъ нерѣдко прибѣгалъ къ его помощи. Сильный тверской князь думалъ одолѣть Москву при помощи литовцевъ, и нѣсколько разъ приходилъ на Москву, но одолѣть Димитрія не могъ и договоромъ обязался за себя и за дѣтей своихъ во всемъ слушаться московскаго князя. Въ договорной грамотѣ Димитрій написалъ: «Будемъ ли мы въ мирѣ съ татарами, дадимъ ли мы имъ дань, или не дадимъ,—это наше дѣло. Коли татары пойдутъ на насъ или на тебя, то будемъ биться вмѣстѣ. Коли мы пойдемъ на нихъ, то и тебѣ идти съ нами вмѣстѣ».

Димитрій Донской.

Московскій князь все больше и больше усиливался, а Орда приходила въ упадокъ. Тамъ шли тогда смуты и безпорядки: ханы безпрестанно смѣнялись; случалось, что за-разъ объявлялось нѣсколько хановъ, и они боролись другъ съ другомъ. Орда, наконецъ, раздѣлилась на части.

Видя слабость татаръ,ересталъ Димитрій Іоанновичъ слушаться хана, мало высылалъ ему дани. Въ Нижнемъ Новгородѣ народъ перебилъ татарскую дружину, убилъ ханскаго посла, и никто изъ князей и не подумалъ ѣхать въ Орду съ оправданіемъ.

Ханъ Мамай послалъ большое войско наказать за это московскаго князя, а Димитрій Іоанновичъ разбилъ и прогналъ татарское войско.

Мамай пришелъ въ ярость. Сталъ онъ собирать огромныя полчища татаръ, нанялъ черкесовъ и другихъ народцевъ, заключилъ союзъ съ сильнымъ литовскимъ княземъ. Мамай говорилъ:—«Возьму Русскую землю, разорю всѣ церкви, поставлю мечети, прикажу поклоняться

Магомету. Посажу татаръ начальниками по всѣмъ русскимъ городамъ, а князей русскихъ всѣхъ перебью».

— «Но еще рука наша высока», — думалъ про себя Димитрій оаннович ъ. То же самое думали и другіе князья.

II. Узнаетъ Димитрій Іоанновичъ, что Мамай собираетъ полчища, и самъ сталъ на-спѣхъ готовиться къ роковой борьбѣ. Разослалъ Димитрій гонцовъ по всѣмъ областямъ, чтобы, какъ можно скорѣе, собирались войска биться съ татарами на смерть. Заволновалась Русь. Всѣ встрепенулись, какъ отъ долгаго сна, отъ вѣковой неволи. Города въ нѣсколько дней поголовно вооружились. Тысячами шли ратники къ Москвѣ, отрядъ за отрядомъ вступали въ столицу.

А Димитрій Іоанновичъ въ ту пору поѣхалъ въ Троицкую обитель, за благословеніемъ великаго молитвенника—Сергія. Отслушалъ князь обѣдню и съ иноками отобѣдалъ. Послѣ трапезы Сергій благословилъ князя и сказалъ:—«Господь Богъ будетъ тебѣ помощникомъ: Онъ побѣдитъ супостатовъ и прославитъ тебя». Радостно забилось сердце князя, когда онъ услышалъ пророческія слова угодника Божія. Отпустилъ Сергій на битву и двухъ иноковъ богатырей—Пересвѣта и Ослабя, возложилъ имъ на голову схимы съ нашитыми крестами и сказалъ:—«Пострадайте, какъ доблестные воины Христовы».

Въ день выступленія изъ Москвы русской рати Великій Князь усердно помолился въ Успенскомъ соборѣ у мощей Петра митрополита, поклонился и гробницамъ предковъ въ Архангельскомъ соборѣ. А тѣмъ временемъ священники съ иконами и хоругвями обходили ряды воиновъ и кропили ихъ святою водой.

Вся Москва вышла провожать ратниковъ. Матери и жены плакали и голосили. Великая княгиня Евдокія, прощаясь у кремлевскихъ воротъ съ мужемъ, отъ слезъ не могла вымолвить и слова.

Затрубили въ трубы, ударили въ бубны,—въ походъ тронулось войско. Въ Коломнѣ былъ назначенъ сборъ. Всѣ сѣверные князья (кромѣ Олега рязанскаго) пришли со своими полками. Димитрій сдѣлалъ смотръ войскамъ. Никогда еще на Руси не видно было такого ополченія. Около двухъ-сотъ тысячъ конныхъ и пѣшихъ стояло въ стройныхъ рядахъ. Мѣдные и стальные доспѣхи сверкали на солнцѣ; множество стяговъ (знаменъ) развѣвалось надъ войскомъ; цѣлый лѣсъ копій надъ ними поднимался. Со слезами на глазахъ, но съ надеж-

Преподобный Сергій благословляетъ Великаго Князя Димитрія Іоанновича Донского на битву съ татарами.

дой и молитвой въ сердцѣ смотрѣлъ народъ на бодрыхъ воиновъ, готовыхъ сложить свои головы за родную землю.

III. Бодро шли войска впередъ. Подошли къ Дону. Скачутъ навстрѣчу гонцы-развѣдчики,—принесли они важную вѣсть: «Мамай стоитъ за Дономъ, поджидая къ себѣ литовскаго князя. А силы татарской столько, что и перечесть невозможно».

Спрашиваетъ Димитрій у князей и воеводъ совѣта:—«Идти ли за Донъ и напасть на татаръ, или не переходить черезъ рѣку и ждать, когда татары нападутъ сами?» Одни совѣтуютъ:—«Лучше не переходить: врагъ силенъ, надо удержать за собой путь къ отступленію». Другіе говорятъ иное:—«Надо переправиться черезъ рѣку, чтобъ ни у кого не было и въ мысляхъ пятиться назадъ. А что сила велика у враговъ, на это смотрѣть нечего: не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ. И нужно поторопиться: подойдутъ литовцы,—силы у врага еще прибудетъ».

Въ это время приспѣли гонцы отъ игумена Сергія, и онъ совѣтовалъ Великому Князю не терять времени напрасно.—«А поможетъ тебѣ Богъ и Пресвятая Богородица».

Димитрій больше не колебался.—«Честная смерть лучше позорной жизни», сказалъ онъ робкимъ и осторожнымъ:—«ужъ лучше намъ было не начинать похода, чѣмъ со стыдомъ назадъ воротиться».

Стали искать броду для конницы, поспѣшно строили мосты для пѣхоты. Въ ночь наканунѣ Рождества Богородицы русская рать перешла черезъ Донъ и расположилась на широкомъ полѣ Куликовомъ *).

Страшна была эта ночь. Съ татарской стороны слышались крики, стукъ, звуки трубъ; завывали волки, зловѣще кричали птицы. Чудилось, будто земля стонала и горько-горько плакала... Быть грозѣ великой!

IV. Раннимъ утромъ (въ день Рождества Богородицы) войско наше готовится къ бою. Густой туманъ по землѣ стлался. Князья и воеводы — ужъ при своихъ полкахъ. Князь Владиміръ Андреевичъ серпуховской и воевода Боброкъ съ отборнымъ войскомъ засѣли въ лѣсу, въ засадѣ.

Туманъ разсѣялся съ разсвѣтомъ. Засіяло солнце. Великій Князь

*) Тульской губ., Епифанскаго уѣзда.

съ холма смотритъ на стройные и необозримые ряды войска. Развѣваются безчисленныя знамена и хоругви. Сверкаютъ на солнцѣ оружіе и доспѣхи. Прекрасенъ видъ великаго русскаго воинства! Сошелъ князь съ коня, палъ на колѣни передъ чернымъ великокняжескимъ знаменемъ, на которомъ сіялъ образъ Спасителя, и долго усердно молился.

Сѣлъ опять на коня Великій Князь и сталъ объѣзжать ряды войска, ободряя воиновъ. Снялъ потомъ Димитрій княжескую одежду, надѣлъ ее на любимаго своего боярина, а самъ одѣлся въ простое платье и объявилъ, что станетъ биться, какъ простой воинъ.

Русское войско двинулось къ татарскому стану. Около полудня показались и татарскія полчища. Будто огромныя, темныя тучи, надвигались татары, съ холма спускаясь. Стали двѣ рати другъ противъ друга и ждали только знака, чтобъ кинуться въ битву.

И вотъ изъ татарскаго войска выѣзжаетъ рослый татаринъ. Громкимъ голосомъ вызываетъ богатырь на поединокъ; похваляется татаринъ своей силой-удалью, насмѣхается надъ русскимъ войскомъ.

Выступилъ тогда изъ нашего войска инокъ Пересвѣтъ; шлемъ его покрытъ схимою св. Сергія. Помолился Пересвѣтъ, низко всѣмъ поклонился и сказалъ: — «Отцы и братья! Простите меня, грѣшнаго!» Сѣлъ онъ на боевого коня, сказалъ громко: — «Преподобный Сергій! Помоги своею молитвою!» — и во всю прыть понесся на татарина-великана.

На всемъ скаку налетѣли богатыри другъ на друга, съ налету копьями сшиблись. Едва устояли кони и присѣли на заднія ноги, а бойцы свалились на-земь оба мертвые.

Грянули трубы, начался бой. — «Господи, помоги!» — крикнули русскіе и бросились въ битву. Закипѣла кровавая сѣча. На пространствѣ десяти верстъ кругомъ сотни тысячъ воиновъ бились съ яростью великой. Бились оружіемъ и ручною схваткой; задыхались отъ тѣсноты, подъ конскими копытами умирали. Казалось, вся земля дрожала, гудѣло все поле отъ крика ратнаго, отъ топота конскаго, отъ треска и стука оружія. Ужъ два часа длится лютое побоище. Притомились наши ратники-новобранцы, попятились, назадъ побѣжали. Погнались за ними татары, смяли все наше войско, перебили много воеводъ и князей. Полегла русская рать, какъ трава подъ косою. Ужасъ охватилъ всѣхъ: рѣшена судьба земли Русской!

Торжествуетъ Мамай...

А въ лѣсу все еще сидитъ отборное наше войско и ждетъ своего времени. Кипѣло сердце князя Владиміра Андреевича:—«Что мы тутъ стоимъ? Бѣда пришла русскому войску!» Рвались въ бой и ратники; со слезами на глазахъ смотрѣли они на гибель братій. Но воевода Боброкъ все удерживаетъ князя: — «Да, великая бѣда пришла; но еще не пришло наше время: кто не въ пору начинаетъ, тотъ бѣду себѣ принимаетъ».

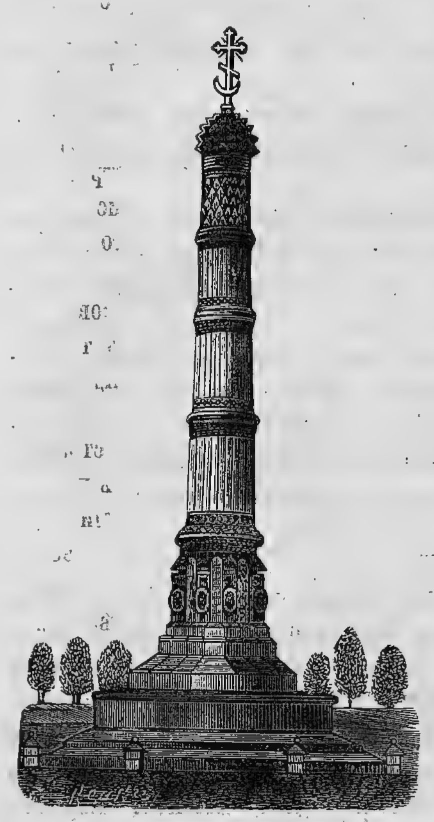
Видитъ, наконецъ, Боброкъ, что поразстроились ряды татаръ, уходились добрые кони, притомились враги. И крикнулъ тогда Боброкъ:— «Теперь пора! Помоги, Господи»!

Какъ соколы налетаютъ на журавлиную стаю, такъ ударила на татаръ свѣжая рать наша. Ошеломилъ враговъ ударъ нежданный, заметались они, какъ испуганное стадо. А русскіе все крѣпче напираютъ.—«Бѣда намъ!» — кричатъ татары: — «худыхъ мы побили, а хорошіе все еще цѣлы!»—Дрогнули враги, побросали оружіе, побѣжали. Видитъ съ горы Мамай поворотъ битвы, — и самъ оторопѣлъ; въ страхѣ крикнулъ:—«Великъ Богъ христіанскій!»—и бѣжать пустился. Русскіе гнались за татарами и нещадно ихъ избивали. Весь станъ татарскій, множество возовъ со всякимъ добромъ достались нашимъ въ добычу.

V. Князь Владиміръ Андреевичъ велѣлъ трубить сборъ. Стали съѣзжаться князья и воеводы, не было лишъ межъ ними Великаго Князя. Многіе видѣли, какъ онъ съ татарами бился, но что съ нимъ случилось,—никто не знаетъ. Князья и простые ратники разсѣялись по полю отыскивать Великаго Князя. Наконецъ, нашли. Димитрій лежалъ съ закрытыми глазами подъ срубленной березой. Доспѣхи князя были изрублены; но замѣтно, что князь дышитъ. Онъ отъ усталости чувствъ лишился. Прискакали съ княземъ Владиміромъ князья и воеводы. Сняли съ Димитрія вооруженіе. Понемногу онъ пришелъ въ чувство. Тогда князь Владиміръ сказалъ громко:— «Милостію Бога и моленіемъ игумена Сергія — побѣждены супостаты!» Обрадовался князь Димитрій и возблагодарилъ Бога за побѣду.

Поѣхалъ князь по бранному полю. Ужасно оно было! Сплошь лежали убитые, умирающіе... Все поле стономъ стонало. Тихо подви-

гались кони; едва находили они мѣсто, гдѣ поставить ногу. Изъ русскаго войска едва уцѣлѣло тысячъ сорокъ; татаръ побито еще больше. Говорятъ, что Донъ три дня былъ окрашенъ кровью. Восемь дней потомъ стояли русскіе на мѣстѣ: подавали помощь раненымъ, отпѣвали и хоронили убитыхъ.

Памятникъ на Куликовомъ полѣ.

Димитрій Іоанновичъ установилъ на вѣчныя времена поминовеніе по убіеннымъ въ Куликовской битвѣ (Дмитровская суббота, передъ 26-мъ октября).

Понеслись гонцы по всѣмъ городамъ съ радостною вѣстью о побѣдѣ. Всѣ на Руси со страхомъ ждали этой вѣсти, денно и нощно молясь въ храмахъ. Пришли, наконецъ, желанныя вѣсти. Восторгъ былъ неописанный. Димитрія прославляли и прозвали «Донскимъ», а Владиміра Андреевича — «Храбрымъ».

Хоть татары вскорѣ и принудили русскихъ опять платить дань, но слава Куликовской побѣды отъ этого не убывалась. Русская земля увидѣла теперь, что можетъ она одолѣть татаръ; народъ воспрянулъ духомъ и крѣпко увѣровалъ, что близокъ ужъ конецъ ненавистнаго рабства.

Такъ и случилось. Съ Куликовской битвы тягота татарской неволи все больше и больше слабѣла. Московскіе князья стали еще сильнѣе, въ Орду совсѣмъ перестали ѣздить, дани посылали мало, управлялись въ землѣ по своей волѣ.

Черезъ сто лѣтъ послѣ Куликовской побѣды, при царѣ Иванѣ III, исчезла и послѣдняя тѣнь татарской неволи.

Завоеваніе турками Балканскаго полуострова.

Въ битвѣ съ татарами пролились потоки русской крови на Куликовскомъ полѣ. Около того же времени, въ борьбѣ съ *турками*, облился славянскою и греческою кровью и Балканскій полуостровъ. Куликовская побѣда показала русскимъ, что близокъ конецъ татарской неволи; а для нашихъ братьевъ-славянъ и единовѣрныхъ грековъ началось съ того времени тяжкое рабство. Вотъ какъ это случилось.

Пришли полудикіе турки (какъ и татары) изъ средней Азіи. Турки были магометане. А Магометъ учитъ огнемъ и мечемъ распространять по всей землѣ свою вѣру. И турки были заклятыми врагами христіанъ: проливать христіанскую кровь для нихъ—святое дѣло; всякаго христіанина они считаютъ «поганымъ», «собакою».

Отняли турки у христіанъ Святую землю, стали тѣснить грековъ,—область за областью отнимали у нихъ въ Азіи. Перебрались турки и на Балканскій полуостровъ, утвердились тамъ и сдѣлали Адріанополь своею столицей. Огромныя полчища турецкія двинулись на сѣверъ—за Балканы, ударили на болгаръ, сербовъ и нанесли имъ страшное пораженіе на Коссовомъ полѣ. Это было черезъ девять лѣтъ послѣ Куликовской битвы, 1389 г. Болгарскій князь убитъ, сербскій король попалъ въ плѣнъ. Разорили и разграбили турки славянскія земли, обложили славянъ тяжелою данью.

Заполонили турки всѣ почти греческія земли и, какъ желѣзнымъ обручемъ, стиснули со всѣхъ сторонъ Константинополь. Напрасно молилъ всѣхъ христіанъ о помощи греческій императоръ; до чужой бѣды никому нѣтъ дѣла! А сами греки постоять за родину не умѣли: испортили ихъ богатство и роскошь. Гдѣ появлялись турки, тамъ греки собирали свои сокровища и бѣжали, имѣнье и жизнь для нихъ, видно, дороже были родины и чести.

Турецкій султанъ Магометъ II рѣшилъ покончить съ греческой столицей. Собралъ онъ подъ крѣпкими цареградскими стѣнами двѣсти пятьдесятъ тысячъ закаленнаго въ бояхъ войска, а съ моря четыреста кораблей поставилъ. Греческій же императоръ (Константинъ Палеологъ) съ трудомъ могъ собрать только девять тысячъ. Но отчаянно защищала Царь-градъ эта горсть храбрецовъ, съ императоромъ во главѣ. Ночью они поправляли проломы въ стѣнахъ, а днемъ отбивали неистовые приступы турокъ, стрѣляли въ нихъ изъ пища-

лей, разили стрѣлами, скатывали со стѣнъ огромные камни и мельничные жернова, зажигали на морѣ турецкія суда. Рвы у городской стѣны наполнились трупами. Турки шли по трупамъ, рвались въ проломы. Наконецъ, сломили защитниковъ варвары и ворвались въ городъ (29 мая 1453 г.). Императоръ въ отчаяніи крикнулъ:—«Убейте меня, христіане! Избавьте отъ позорнаго плѣна и смерти отъ руки невѣрныхъ!» Ринулся онъ въ толпу турокъ, рубилъ враговъ направо и налѣво, и самъ упалъ подъ ихъ мечами на груду вражескихъ труповъ.

Ворвались турки въ городъ, началась звѣрская бойня. Обезумѣлъ отъ ужаса народъ, мечется по улицамъ, бѣжитъ въ церкви, ищетъ тамъ спасенія. Нигдѣ никому нѣтъ пощады. Ручьями течетъ кровь по улицамъ, большими лужами стоитъ и въ Божьихъ храмахъ.

Два дня позволилъ султанъ грабить богатый городъ, не велѣлъ только разорять зданія. На третій день султанъ торжественно вступилъ въ Стамбулъ,—новую свою столицу. На соборномъ храмѣ св. Софіи заблисталъ, вмѣсто креста,—золотой полумѣсяцъ.

Такъ началась для Балканскихъ славянъ и грековъ тяжелая турецкая неволя, и тянулась она болѣе четырехъ столѣтій.

Измученные и истерзанные греки и славяне четыре вѣка утѣшали себя сказаніемъ, которое распространилось въ народѣ вскорѣ послѣ погрома. Говорятъ, что, когда турки ворвались въ соборъ Софійскій, тамъ престарѣлый священникъ служилъ обѣдню. А церковь биткомъ была набита народомъ. Рубятъ турки задніе ряды богомольцевъ, расчищаютъ себѣ путь впередъ, подвигаются къ алтарю по трупамъ. А обѣдня идетъ своимъ порядкомъ, и никто изъ христіанъ не трогается съ мѣста. Выходитъ изъ алтаря священникъ со Святыми Дарами, а народъ весь лежитъ на полу мертвый, и передъ алтаремъ уже стоятъ невѣрные турки. Вдругъ совершилося чудо: раздвинулась стѣна древняго храма и скрыла отъ невѣрныхъ священника со Святыми Дарами.

И до сего дня на всемъ православномъ востокѣ простой народъ вѣритъ, что наступитъ время, придетъ съ сѣвера сильный народъ христіанскій, побѣдитъ онъ турокъ, освободитъ христіанъ отъ неволи, возьметъ и Царьградъ и невѣрныхъ. Войдетъ царь христіанскій въ соборъ св. Софіи, разступится тогда стѣна древняго храма, и священникъ окончитъ прерванную обѣдню.

Иванъ Васильевичъ III.

Паденіе Новгорода. (*1478 г.*).

Много перестрадала Русь отъ старыхъ удѣльныхъ порядковъ, пока не слилась воедино подъ властью московскихъ государей. Иванъ Даниловичъ Калита первый началъ пріумножать свои владѣнія, присоединяя къ Москвѣ слободы, посады, города и мелкія княжества. Его наслѣдники неуклонно продолжали собирать вокругъ Москвы Русскую землю, а Иванъ Васильевичъ III и его сынъ-преемникъ и совсѣмъ это великое дѣло завершили: послѣдніе удѣлы, какіе еще оставались (Новгородъ, Тверь, Рязань), они взяли подъ свою сильную руку. И стала Русская семья называться Московскимъ царствомъ (Московія), а государь — царемъ московскимъ и всея Руси. — Не удержать теперь татарамъ своей власти надъ русскимъ народомъ, конецъ пришелъ злой татарской неволѣ!

Рѣшились старые удѣльные порядки, и московскіе государи сами назначаютъ себѣ наслѣдника (старшаго сына), о чемъ и объявляютъ всенародно еще при своей жизни: споровъ и раздоровъ изъ-за престола теперь уже больше не будетъ.

Мелкіе князья, оставшись безъ удѣловъ, поступаютъ на службу къ Московскому государю. Но они все еще не позабыли, что они — одного рода (Рюрикова) съ Московскимъ государемъ, и желали бы дѣлить съ нимъ власть надъ Русскою землею. А Московскіе государи не только не дѣлятъ ни съ кѣмъ своей власти, но укрѣпляютъ ее за собой все больше и больше. При Иванѣ Васильевичѣ III государева власть такъ укрѣпилась, что онъ правилъ царствомъ *самодержавно*: спроситъ по важному дѣлу совѣта у митрополита, у князей, у бояръ родовитыхъ, а сдѣлаетъ, какъ самъ найдетъ лучшимъ для пользы государства. Недовольны новыми порядками иные властолюбцы, но не смѣютъ сказать про это и слова: грозенъ царь Иванъ, и наказываетъ ослушниковъ строго.

Царь Иванъ Васильевичъ III почитается первымъ на Руси *единодержавнымъ и самодержавнымъ* государемъ.

Самою сильною землей, непослушною волѣ московскаго князя, была

Новгородская область. Своихъ договоровъ съ московскими князьями новгородцы не хранили, власти московскаго князя признать надъ собой не хотѣли; а новгородская вольница разбойничала по рѣкамъ, разоряла Московскія земли, грабила купцовъ московскихъ.

Въ самомъ Новгородѣ мало было порядка. Сила и корысть брали верхъ надъ правдой. Выборныхъ должностей добивались богатые люди подкупомъ, насиліемъ и всякими неправдами, а добившись власти, думали только о своей пользѣ, потакали и мирволили людямъ близкимъ. Забыли думать своекорыстные люди, что въ общественномъ дѣлѣ нужна строгая во всемъ законность; что неправды и насилія рано или поздно обрушатся пагубой и на самихъ насильниковъ, и на дѣтей ихъ, и на внуковъ.

Видятъ новгородцы, что собираютъ князья московскіе Русь воедино, что давно они желаютъ привести и Новгородъ подъ свою властную руку. И думаютъ именитые новгородскіе люди, что лучше Новгороду вовсе отдѣлиться отъ Руси, только сохранить бы за собою свою вольность. Рѣшили они отдать Новгородъ подъ защиту литовскаго князя.— «Въ Литвѣ знатные люди живутъ свободно, князя слушаются мало,— такъ не нарушитъ князь литовскій вольностей новгородскихъ»,—думаютъ именитые люди. но не такъ думалъ простой народъ:—«литовскіе паны притѣсняютъ бѣдныхъ, не находитъ тамъ слабый защиты противъ сильпыхъ; а литовскіе (католическіе) попы будутъ тѣснить и православную вѣру». И тянули простые люди на сторону православнаго московскаго князя.— Споры, ссоры и побоища отъ этого увеличивались въ Новгородѣ еще больше.

Иванъ Васильевичъ зналъ все, что въ Новгородѣ творится. Но осторожный князь не любилъ вершить дѣло спѣшно. И посылаетъ онъ сказать новгородцамъ кротко:—«Люди новгородскіе, исправьтесь, не замышляйте и не творите лиха! Не забывайте, что Новгородъ—отчина, наслѣдіе отцовъ великаго князя!»

Противники Москвы не унимались, безчестили пословъ московскихъ и кричали на вѣчѣ:—«Новгородъ не вотчина великаго князя! Новгородъ самъ себѣ господинъ!»

И послѣ этого Иванъ III не показалъ своего гнѣва; снова отправляетъ пословъ уговаривать новгородцевъ, чтобъ покорились великому князю и челомъ ему били:—«А я хочу жаловать свою вотчину и держать по-старинѣ всѣ новгородскіе порядки».

Знали московскіе бояре властный нравъ Ивана и дивились его терпѣнію, какъ онъ долго сноситъ новгородскую дерзость. Но Иванъ Васильевичъ говоритъ на это:—«Волны бьютъ о камни, и ничего не могутъ имъ сдѣлать, а сами разбиваются въ пѣну».

Новгородцы увѣщаніямъ московскаго князя не внимали и вошли въ договоръ съ литовскимъ княземъ. Обѣщался князь литовскій прислать новгородцамъ подмогу.

Собралъ тогда Иванъ Васильевичъ большое войско и пошелъ на Новгородъ войною. Князь литовскій не прислалъ своего войска новгородцамъ, а своихъ ратниковъ у нихъ было всего лишь сорокъ тысячъ. И что это было за войско! Собрали плотниковъ, горшечниковъ, чернорабочихъ.

Новгородская рать встрѣтила на берегу Шелони передовой отрядъ московскій (всего 4 тысячи). Ударилъ московскій воевода на новгородцевъ, и не могли они удержаться,—побросали оружіе, въ страхѣ назадъ побѣжали. Двѣнадцать тысячъ полегло ихъ на мѣстѣ, полторы тысячи въ плѣнъ попало; попали въ плѣнъ и всѣ воеводы.

Подошли къ Новгороду московскія силы; окружили городъ, и не было новгородцамъ ни выхода, ни входа. Начался въ Новгородѣ голодъ, пошли безпорядки. Завопилъ народъ, требуетъ покорности московскому князю. Рѣшили на вѣчѣ: послать къ Ивану Васильевичу владыку и бояръ именитыхъ—слезно молить о пощадѣ.

Иванъ Васильевичъ смягчился, положилъ свой гнѣвъ на милость. Отрекся Новгородъ отъ союза съ Литвою, уступилъ Москвѣ многія свои земли, заплатилъ за военные убытки пятнадцать съ половиною тысячъ (по-тогдашнему — большія деньги). Главныхъ защитниковъ смуты казнили, остальныхъ супротивниковъ по московскимъ городамъ разослали—однихъ въ тюрьму, другихъ—на поселеніе. А всѣ вольности новгородскія Иванъ Васильевичъ по-старинѣ оставилъ: быть въ Новгородѣ и посаднику, и вѣчу.

Смирились новгородцы, но не надолго. Скоро опять начались у нихъ смуты. Грабили простой народъ бояре и межъ собой враждовали, и бѣднымъ людямъ негдѣ было искать себѣ защиты. Хуже всѣхъ доставалось московскимъ доброхотамъ. И пошли они бить челомъ великому князю, просить у него защиты. Иванъ Васильевичъ самъ поднялся,—поѣхалъ въ Новгородъ творить судъ и расправу. Съ новгородцами онъ ласково обошелся, разобралъ всѣ дѣла по правдѣ,

защитилъ бѣдныхъ противъ богатыхъ, слабыхъ—противъ сильныхъ; главныхъ виновниковъ смуты велѣлъ заковать въ оковы и въ Москву отправить. Полюбился многимъ правый судъ московскаго князя, и чаще стали ѣздить изъ Новгорода въ Москву искать управы. А въ Москвѣ жалобщики называли Ивана Васильевича *своимъ Государемъ* и давали въ томъ ему присягу. И все больше да больше прибывало въ Новгородѣ московскихъ доброхотовъ.

Видятъ противники Москвы, что конецъ вольностямъ приходитъ,—подняли новую смуту. — «Какъ смѣли ходить въ Москву искать управы? Какъ смѣли называть Ивана своимъ государемъ? Вольный Новгородъ—самъ себѣ и судья, и государь!» Тутъ же—кого побили камнями, другихъ изрубили топорами. Кто успѣлъ во время укрыться побѣжали въ Москву, подъ защиту великаго князя.

Тутъ Иванъ Васильевичъ повернулъ ужъ дѣло круто: собралъ большое войско, пришелъ къ Новгороду и объявляетъ: «Не я искалъ въ Новгородѣ власти, сами ко мнѣ въ Москву приходили, государемъ своимъ меня величали. Хочу теперь властвовать въ Новгородѣ, какъ въ земляхъ московскихъ». Долго молили новгородцы о пощадѣ, но все было напрасно. Отреклись, наконецъ, новгородцы отъ своихъ вольностей и присягнули московскому князю, какъ своему государю.

Вѣчевой колоколъ въ Новгородѣ сняли, отвезли въ Москву, повѣсили въ Кремлѣ на колокольню; именитыхъ людей—кого казнили, кого вывели на московскія земли. Сѣли въ Новгородѣ намѣстники московскаго князя—творить судъ и расправу, держать всѣ порядки отъ имени великаго князя.

Сильно плакали о своихъ вольностяхъ новгородцы, да не могли ужъ помочь своему горю.

Вѣщая старица *(А. С. Пушкина).*

На мосту стояла старица, на мосту черезъ синій Волховъ; подошелъ въ доспѣхахъ молодецъ, молвилъ ей съ поклономъ:—«Загадай ты мнѣ на счастіе, ворочусь ли черезъ Волховъ? За Шелонью враны каркаютъ, плачетъ въ теремѣ невѣста!»—«Гой еси ты, красный молодецъ! Есть теперь одна невѣста, есть одна—святая Софія*). Обру-

*) Старинный соборъ въ Новгородскомъ Кремлѣ во имя св. Софіи. На войнѣ, въ битвахъ новгородцы всегда призывали св. Софію.

чись ты съ ней душою, уберися честно ранами и омойся алой кровью. Обручися ты съ невѣстою—за Шелонью ляжь костями: если ты мечомъ не выроешь сердцу вольному могилы, не на вѣче, не на родину, и придешь ты на неволю!»

Трубы звучатъ за Шелонью рѣкой; грозно взвѣваютъ московскіе стяги. Съ радостнымъ кликомъ Софіи святой стала дружина, и полный отваги, ринулся съ берега всадниковъ строй: съ шумомъ расхлынулись волны, вскипѣли, двинулась пѣна сѣдая грядой. Строи смѣшались; мечи загремѣли; искрятся молніи съ звонкихъ щитовъ; съ трескомъ въ куски разлетаются брони... Кровь потекла... Разъяренные кони грудью сшибаютъ и топчутъ враговъ; стелятся трупы на брегѣ Шелони... Кровью дымилося поле; стихнулъ въ стонахъ прерывныхъ и замеръ гласъ битвы.—Теплой твоей, о Софія, молитвы Спасъ не слыхалъ!

На мосту стояла старица, на мосту чрезъ синій Волховъ: не пройдетъ ли красный молодецъ чрезъ широкій, синій Волховъ? Проѣзжало много всадниковъ, много пѣшихъ проходило; было много изувѣченныхъ и покрытыхъ черной кровью... Что, прошелъ ли добрый молодецъ? Не прошелъ ли онъ чрезъ Волховъ?

Новгородъ.

Время пролетѣло,
Слава прожита;
Вѣче онѣмѣло,
Сила отнята.
Городъ воли дикой,
Городъ буйныхъ силъ,
Новгородъ Великій
Тихо опочилъ.
Слава отшумѣла,
Время протекло;
Площадь опустѣла,
Вѣче отошло.
Вольницу избили,
Золото свезли,
Вѣче распустили,
Колоколъ снесли.
Порѣшили дѣло,—
Все кругомъ молчитъ:
Только Волховъ смѣло
О быломъ шумитъ.

Бракъ Іоанна III съ греческой царевной.

Іоаннъ III женился въ молодыхъ лѣтахъ (какъ водилось у насъ въ старину) и вскорѣ овдовѣлъ. Не прошло и двухъ лѣтъ послѣ этого, какъ пріѣзжаетъ въ Москву посолъ отъ Римскаго папы сватать за

Іоанна греческую царевну Софью, родную племянницу греческаго императора. (Когда турки покорили Грецію, царевну Софью пріютилъ у себя Римскій папа).

Папѣ хотѣлось выдать свою воспитанницу за московскаго князя, потому что черезъ нее онъ разсчитывалъ наложить свою власть на Русскую землю и найти въ Іоаннѣ союзника противъ страшныхъ для всѣхъ турокъ.

Иванъ Васильевичъ былъ радъ этому сватовству: ему пріятно взять себѣ жену изъ императорскаго рода, пріятно видѣть, что могущественный папа заискиваетъ у него дружбы.

Но осторожный князь не рѣшилъ сразу такого важнаго дѣла: посовѣтовался онъ со своею матерью, митрополитомъ и боярами, и всѣ намѣреніе его одобрили. Иванъ Васильевичъ еще подумалъ и, наконецъ, далъ свое согласіе.

Греческая царевна пріѣхала въ Москву съ большою свитой. Пріѣхалъ съ нею и посолъ отъ папы, католическій епископъ, чтобы переговорить съ Іоанномъ о дѣлахъ церковныхъ. Царевну встрѣтили въ Москвѣ съ большою честью, и въ тотъ же день совершилось вѣнчанье. На утро принялъ Иванъ Васильевичъ и посла папы, но разсуждать съ нимъ о церковныхъ дѣлахъ отказался:—«Это»,—говоритъ,—«дѣло митрополита»,—и никакихъ обѣщаній папѣ не далъ. Обласкалъ онъ посла, богато наградилъ его дарами и отпустилъ отъ себя съ большою честью.

Римскій папа ничего не получилъ, а для московскаго князя и для всей Руси вышло отъ этого брака много пользы.

Въ земляхъ греческихъ и въ славянскихъ, и у насъ на Руси—вездѣ стали почитать московскаго государя покровителемъ всѣхъ православныхъ, какимъ прежде считался греческій императоръ. Иванъ Васильевичъ сдѣлался какъ бы наслѣдникомъ греческихъ царей и велѣлъ вырѣзать на своихъ государевыхъ печатяхъ вмѣстѣ съ московскимъ гербомъ (*Георгій Побѣдоносецъ*) и греческій гербъ (*орелъ двухглавый*).

Съ пріѣздомъ Софьи русскіе начинаютъ и съ европейскими народами больше и больше сближаться, перенимаютъ у нихъ понемногу разныя хитрыя искусства.

Выписываетъ Иванъ Васильевичъ иноземныхъ строителей, перестроилъ за-ново Успенскій соборъ, много каменныхъ церквей постро-

илъ, поставилъ и себѣ каменныя палаты и хитро ихъ внутри изукрасилъ; обнесъ Кремль каменною стѣною съ высокими башнями и красивыми воротами. По примѣру государя, строили себѣ палаты и бояре. Украсилась Москва, перестала походить на грязную соломенную деревню и назвалась въ народѣ Москвою «Бѣлокаменною».

Выписалъ царь къ себѣ на службу и другихъ мастеровъ и знающихъ людей: рудокопа, который умѣлъ находить руду серебряную и золотую; пушкаря, что льетъ пушки и стрѣлять изъ нихъ умѣетъ; серебряника — мастера хитраго, что сосуды и кубки умѣетъ дѣлать, и узоры пишетъ на сосудахъ, и монету чеканитъ; добыли и лѣкаря добраго, чтобы лѣчилъ онъ внутреннія болѣзни и раны. Такъ понемногу и стали пріучаться русскіе цѣнить знаніе и искусство.

Но грубые нравы не скоро перемѣняются въ людяхъ. Несвѣдущій человѣкъ не видитъ своего невѣжества и почитаетъ себя первымъ на свѣтѣ. Все еще враждебно смотрѣли любители старины на иноземцевъ; темные люди говорили, что «еретики - нѣмцы» — чернокнижники, занимаются волшебствомъ, вѣдаются съ нечистою силой.

Конецъ татарской неволи *(1480 г.)*.

Куликовская битва унизила татаръ и возвысила русскихъ. Золотая Орда распалась на части, отъ нея отдѣлились царства Казанское и Крымское. Татары отъ постоянныхъ раздоровъ слабѣли, а Русь крѣпла подъ властью одного государя.

Иванъ Васильевичъ хоть и не объявлялъ еще татарамъ, что выходитъ изъ-подъ ихъ власти, но ужъ девять лѣтъ какъ не посылаетъ въ Орду дани, и даетъ хану, когда захочетъ, только подарки. Ханскимъ посламъ онъ не позволялъ ужъ больше жить въ московскомъ Кремлѣ въ прежнемъ почетѣ.

Но осторожный царь Иванъ Васильевичъ все еще медлилъ покончить съ Ордою, не обезпечивъ себѣ полнаго успѣха. При удобномъ случаѣ, онъ сократилъ силу Казани, и его стали тамъ бояться. Онъ вошелъ въ тѣсную дружбу съ крымскимъ ханомъ (Менгли-Гиреемъ), разжигалъ вражду между нимъ и ханомъ Золотой Орды Ахматомъ. Посылаетъ царь большіе подарки къ татарамъ ногайскимъ (за р.

Ураломъ), которые и безъ того всегда были готовы подняться противъ Ахмата. Оградивъ себя со всѣхъ сторонъ, Иванъ Васильевичъ сталъ выжидать случая, чтобы сказать Ахмату послѣднее слово.

Разсказываютъ, что пришли въ Москву ордынскіе послы съ ханской грамотой и басмой (изображеніе хана) и стали требовать отъ Іоанна полной дани. По прежнимъ обычаямъ, великій князь долженъ былъ передъ басмою преклониться, а ханскую грамоту выслушать, стоя на колѣняхъ. Иванъ Васильевичъ и прежде этого не дѣлалъ, болѣзнью отзывался, а теперь самъ вышелъ къ посламъ навстрѣчу, выхватилъ изъ рукъ у татаръ басму, изломалъ ее, растопталъ во гнѣвѣ ногами, грамоту разорвалъ, татаръ велѣлъ перебить, только одного оставилъ и послалъ его къ Ахмату:—«Ступай, объяви своему хану, что и съ нимъ сдѣлаю то же, что и съ его басмой».

Разсвирѣпѣлъ Ахматъ, приказалъ собирать большое войско. Уговорился онъ съ литовскимъ княземъ идти вмѣстѣ грабить и опустошать Русскую землю.

Иванъ Васильевичъ послалъ гонцовъ къ своему другу Менгли-Гирею, чтобъ онъ шелъ зорить Литовскія земли. Далъ знать царь и ногайцамъ, что Ахматъ уходитъ въ походъ со всѣмъ своимъ войскомъ, и Золотая Орда остается беззащитною. А по Волгѣ послалъ свое войско разорять татарскіе улусы (селенія), сжечь и разграбить татарскую столицу (Сарай).

Поднялась вся Русь, закипѣла, какъ и во времена Донского. Со всѣхъ концовъ приходили въ Москву сильныя рати. Народъ радостно волновался. Духовенство служило молебны, благословляло войско, горячо убѣждало не щадить для родины жизни. И всѣ были готовы сложить свои головы въ роковой битвѣ.

Встрѣтились полчища татаръ и русскихъ и стали другъ противъ друга на противоположныхъ берегахъ рѣки Угры.

Но ни одинъ изъ противниковъ не хотѣлъ начинать сраженья. Осторожный царь Иванъ Васильевичъ медлилъ, а ханъ поджидалъ помощи отъ литовскаго князя.

Прошло цѣлое лѣто. Наступила дождливая осень. Ударили холода. Татары за это время сильно истомились: они были и голодны, и босы, и наги.

Узнаетъ Ахматъ, что Крымскій ханъ зоритъ литовскія земли, и что литовскій князь не можетъ прислать никакой помощи татарамъ. А

тутъ какъ разъ приходитъ вѣсть, что Сарай разграбленъ, что русскіе жгутъ татарскіе улусы, избиваютъ беззащитныя семьи. Ахматъ поспѣшно снялся и воротился домой со всѣмъ своимъ войскомъ.

Иванъ Васильевичъ съ торжествомъ въ Москву вернулся. Всѣ были рады, что война окончилась такъ благополучно.

Вскорѣ пришла въ Москву и еще радостная вѣсть, что ногаи убили Ахмата и все войско его истребили. Двадцать лѣтъ спустя, Менгли-Гирей разорилъ въ конецъ Золотую Орду, и отъ нея осталось лишь слабое Астраханское царство.

Такъ окончилась безъ кровопролитія злая татарская неволя, длившаяся почти два съ половиною вѣка *).

Сверженіе татарскаго ига.

Часъ ударилъ жданный, радостный!
Колокольный звонъ по всей Руси,
И молебны по церквамъ поютъ,
И по всей землѣ веселіе!
Словно мутны воды вешнія,
Золота Орда растаяла,
Отъ Святой Руси отхлынула!
Пронеслися тучи черныя,
Вышло солнце изъ-за черныхъ тучъ.
Засвѣтился имъ Московскій Кремль,
Золотыя церквей маковки.
А въ палатѣ узорчатой
Всѣхъ свѣтлѣй сидитъ и радостнѣй
На престолѣ самъ Московскій князь,
Самодержецъ да всея Руси,
А не ханскій уже данничекъ:
Его ноженькой растоптана
Басма ханская валяется,
И бѣгутъ съ метлою конюхи
Выметать ее на задній дворъ.

Просвѣщеніе и нравственность.

Послѣ принятія христіанства стало распространяться на Руси и книжное ученіе. Среди князей, бояръ и духовенства не мало было *„книголюбцевъ“*, которые покупали рукописи, не жалѣя денегъ, нанимали писцовъ списывать книги. Любители книжнаго ученія изучали греческій языкъ, переводили на русскій церковныя книги, сами

*) Въ память этого великаго событія Иванъ Васильевичъ установилъ на вѣчныя времена крестный ходъ въ Срѣтенскій монастырь (23 іюня). А на томъ мѣстѣ, гдѣ Іоаннъ сокрушилъ басму, построенъ былъ послѣ храмъ Св. Спаса (на Болвановкѣ).

составляли поучительные «сборники», житія святыхъ, описывали княжескія и церковныя дѣла. Все предвѣщало, что просвѣщеніе распространится на Руси, а вмѣстѣ съ нимъ укрѣпятся въ людяхъ и добрые нравы.

Но настали кровавыя княжескія усобицы, а потомъ обрушилась и злая татарская неволя. Татарскій погромъ, поборы тяжкой дани, повальная народная нищета два съ половиною вѣка не давали очнуться русскому народу. Сношенія съ образованною Греціей прекратились; западныхъ народовъ, какъ *«еретиковъ»*, русскіе всегда чуждались.

Гдѣ бѣда и нужда, тамъ тѣсно и наукѣ, впору промышлять о хлѣбѣ насущномъ,—и просвѣщеніе на Руси постепенно глохло.

Училищъ совсѣмъ не было. Новгородскій владыка, Геннадій, (при Иванѣ III) такъ печалуется московскому митрополиту на повальное невѣжество:—«Ты бы, господинъ отецъ нашъ, государямъ нашимъ—великимъ князьямъ печаловался, чтобы велѣли училища заводить. А мой совѣтъ учить въ училищахъ азбукѣ съ толкованіемъ, да Псалтырь съ объясненіями, а потомъ могутъ читать и всякія книги. А то *мастера* (учителя) невѣжды учатъ ребятъ, только рѣчь имъ портятъ. Выучить прежде всего вечернѣ, за это мастеру надо принести горшокъ каши да гривну денегъ; за утреню даже и больше того; за часы особо, да сверхъ того подарки, какъ рядился. А кто отойдетъ отъ такого мастера, то ничего не умѣетъ, только по книгѣ бредетъ, а церковнаго устава совсѣмъ не знаетъ».

Такіе мастера и сами ничего не знали, ничему не могли и научить своихъ учениковъ. Владыка Геннадій разсказываетъ: «Приводятъ ко мнѣ мужика въ попы ставить. Я велю ему читать Апостолъ, а онъ и ступить не умѣетъ; приказываю ему дать Псалтырь, а онъ и по той едва бредетъ. Откажу я ему,—и на меня жалоба:—«Земля такова, не можемъ добыть, кто бы грамотѣ умѣлъ». Бьетъ мнѣ неучъ челомъ: вели учить. Приказываю учить ектенію, а онъ и къ слову пристать не можетъ: ты ему говоришь то, а онъ иное. Я велю имъ учить азбуку, а они поучатся мало, да просятся прочь и не хотятъ учиться».

Таковы были не одни ставленники въ священники; и высшія духовныя лица нерѣдко были тогда люди некнижные.

Всею душою хотѣлъ русскій человѣкъ чтить Бога,—но теменъ

былъ его умъ, не понималъ онъ, какъ надо угождать Богу, а научиться уму-разуму было негдѣ и не у кого. Безъ просвѣщенія не только міряне, но и духовные не понимали истиннаго смысла ученія Христова: соблюдали церковные обряды, держали посты, усердно молились,—и думали, что все, что требуется, отъ христіанина, ими сдѣлано. Даже молитвы, обряды и вѣрованія въ полной чистотѣ не могли сохраниться: молитвы искажались, къ церковнымъ обрядамъ и вѣрованіямъ примѣшивались старинные языческіе обычаи и суевѣрія.

Безъ просвѣщенія между людьми укоренились насиліе, жестокость и всякая неправда. Имущество и жизнь не были ограждены: грабили, убивали, уводили въ плѣнъ татары; грабили и убивали и свои насильники—по большимъ дорогамъ, въ селеніяхъ и даже въ городахъ многолюдныхъ. И на судѣ не легко было найти правду: за «посулы» (взятки) оправдывали, безъ посуловъ обвиняли. Вошли въ употребленіе на судѣ жестокія пытки и увѣчья; наказывали палками, кнутомъ, клеймили лицо, вырѣзали языки, рубили головы. Почиталось законнымъ, что господинъ бьетъ своего слугу-раба, мужъ—жену, отецъ—дѣтей,—и били нерѣдко смертнымъ боемъ. Людей, какъ скотъ, продавали; продавали татары полоненныхъ, продавалъ господинъ своихъ рабовъ, отецъ продавалъ своихъ дѣтей, и самъ со всей семьей продавался.—Страхъ передъ насиліемъ пріучилъ русскаго человѣка къ лукавству, обману, низкопоклонству, раболѣпству.

Спасеніе и правду русскій человѣкъ только и видѣлъ тогда въ житіи пустынномъ. Примѣры жизни истинныхъ подвижниковъ только и напоминали мірянамъ, что кромѣ мірскихъ заботъ есть заботы высшія, духовныя, что Божья правда не умретъ во вѣки. Въ это время нищеты, невѣжества, грубости, насилій и всяческой неправды—«пустыня» казалась людямъ раемъ, и лучшіе люди, даже изъ богатыхъ и знатныхъ, уходили въ монастырь, презирая мірскую жизнь, полную грѣха и неправды.

Іоаннъ Грозный.

Дѣтство и юность Іоанна IV Грознаго *).

Іоанна IV отъ рожденія Богъ надѣлилъ великими дарованіями; но некому было позаботиться о его воспитаніи. Трехъ лѣтъ онъ лишился отца, а семи—и матери. Дѣлами государства управляли бояре, они же должны были радѣть и о воспитаніи малолѣтняго государя. Но своекорыстные люди думали только о своей личной пользѣ. Каждому хотѣлось властвовать самовольно, наживаться и богатѣть на счетъ казны и народа.

Сначала управляла дѣлами мать Іоанна—Елена (изъ рода Глинскихъ). Совѣтникомъ и помощникомъ царицы былъ князь Оболенскій, а сестра Оболенскаго была мамкой (няней) Іоанна; къ этимъ двумъ лицамъ Іоаннъ привязался всѣмъ сердцемъ. Но какъ только похоронили Елену, тотчасъ же захватилъ власть въ свои руки князь Шуйскій. По его приказу, воины ворвались въ покои Іоанна: Оболенскаго схватили, сестру его силой вырвали изъ объятій ребенка-государя. Іоаннъ горько рыдалъ, но на слезы его никто и смотрѣть не думалъ. Мамку насильно въ монахини постригли, а Оболенскаго въ тюрьму засадили и тамъ уморили голодною смертью...

Въ другое время показалось Шуйскимъ опаснымъ, что Іоаннъ полюбилъ боярина Воронцова, и они скоро съ нимъ порѣшили. Въ столовой избѣ государя засѣдала боярская дума. Здѣсь, на глазахъ Іоанна, Шуйскіе схватили Воронцова, били его по щекамъ, толкали, чуть не убили. Митрополитъ вступился, было, за Воронцова,—ему изорвали въ свалкѣ платье. И самъ государь просилъ и молилъ о пощадѣ своего любимца; но мольбы не помогли: Воронцова сослали въ дальній городъ.

Зазнавшись не въ мѣру, грубые люди своими дикими поступками оскорбляли и память родителей государя; такъ, одинъ бояринъ клалъ ногу на постель государева отца, другой швырялъ ногами вещи его матери.

Дѣлами государства бояре правили беззаконно, имѣнье государево и

---

*) Іоаннъ Васильевичъ Грозный былъ внукъ Іоанна III, сынъ Василія III.

казну расхищали, а самого Іоанна водили въ плохомъ платьѣ и даже часто голодать заставляли.

Все это понималъ и на всю жизнь сохранилъ въ своей памяти впечатлительный Іоаннъ. А приближенные ласкатели еще, то и дѣло, нашептывали юному царю про боярскія обиды и беззаконія. Какъ бы изъ жалости и преданности, они внушали государю, что бояре погубили мать его, и родныхъ его дядей, что имъ, крамольникамъ, ничего не стоитъ посягнуть и на его государеву жизнь и здоровье. Омрачилось воспріимчивое сердце ребенка; зародилось желаніе наказать лиходѣевъ за беззаконія,—только была бы власть и сила!

А власть и сила принадлежали ему, прирожденному государю.— Внушали Іоанну эти мысли его ласкатели; противъ своей воли подсказывали это и сами бояре. На глазахъ народа и на пріемахъ пословъ чужеземныхъ тѣ же бояре величали его своимъ государемъ, раболѣпно предъ нимъ поклонялись. Зналъ юный Іоаннъ по разсказамъ силу и власть государей—своихъ предковъ. Жадно читалъ онъ исторію другихъ земель и Священное писаніе,—и все больше укрѣплялся въ мысли, что власть дана царямъ отъ Бога для наказанія непокорныхъ.

Но никто не наставилъ Іоанна въ добрыхъ правилахъ жизни, не научилъ его справедливости, состраданію, милости; никто не согрѣлъ его сердца любовію. Уже въ дѣтскихъ играхъ Іоаннъ показалъ себя жестокимъ: онъ мучилъ комнатныхъ животныхъ, бросалъ ихъ изъ окна высокаго терема на землю, ради одной потѣхи проливалъ кровь безсловесныхъ. А пѣстуны такія забавы одобряли:—«Пусть-де тѣшится государь, только бы въ дѣла не мѣшался!»

Въ двѣнадцать лѣтъ выѣзжалъ Іоаннъ со своими сверстниками по Москвѣ прогуляться и ради потѣхи на всемъ скаку пускалъ коня въ толпу народа, давилъ людей, забавляясь страхомъ и стонами несчастныхъ. А его друзья провожатые грабили народъ и творили всякія безчинства. Видя все это, ласкатели-опекуны на свою голову твердили Іоанну въ уши:—«Храбрый и мужественный растетъ у насъ государь!»

Въ тринадцать лѣтъ вздумалъ Іоаннъ и надъ боярами потѣшиться. Неожиданно для всѣхъ приказываетъ онъ схватить главнаго правителя, князя Шуйскаго, и отдать его псарямъ на поруганье. Псари поволокли Шуйскаго въ тюрьму и дорогой убили. Другихъ бояръ

Іоаннъ—кого отправилъ въ ссылку, кого казнилъ, а кому велѣлъ вырѣзать языкъ «за невѣжливыя рѣчи». А угодныхъ себѣ людей государь награждалъ щедро и возвышалъ ихъ, не справляясь, знатнаго они или не знатнаго рода. Притихли бояре, стали опасаться государя,—хоть и творили попрежнему беззаконія, но ужъ втихомолку.

Въ семнадцать лѣтъ Іоаннъ, не спросивъ ни у кого совѣта, объявляетъ митрополиту, что угодно ему, съ Божья благословенія, вѣнчаться на царство и принять титулъ царскій, а послѣ того избрать себѣ и достойную супругу. Вѣнчаніе на царство торжественно совершилось въ Успенскомъ соборѣ. Послѣ многолѣтія, митрополитъ величалъ Іоанна православнымъ *Царемъ всея Руси Самодержцемъ*.

Вскорѣ послѣ этого юный царь избралъ себѣ въ супруги кроткую Анастасію (дочь Романа Юрьевича, изъ древняго рода бояръ Захарьиныхъ).—Родичи Анастасіи держались въ сторонѣ отъ другихъ властолюбцевъ, въ боярскихъ беззаконіяхъ участія не принимали и ничѣмъ себя не запятнали.

Царь любилъ показывать передъ всѣми свою власть и силу, но дѣлами государства не занимался, а проводилъ время въ удовольствіяхъ и забавахъ. Всѣмъ заправляли Глинскіе, родственники матери государя, и творили въ народѣ всякія насилія и неправды.

Сильвестръ и Адашевъ.

Часто свирѣпствовали прежде въ Москвѣ пожары; но такого, какой приключился лѣтомъ, въ годъ свадьбы Іоанна, никогда еще не бывало.

Разразилась надъ Москвой страшная буря; вѣтеръ рвалъ крыши съ домовъ, выворачивалъ съ корнемъ вѣковыя деревья. На бѣду, вспыхнулъ пожаръ въ это время. Въ одну минуту огонь разлился во всѣ стороны рѣкою, и Москва запылала (дома все были деревянные, а крыши—соломенныя). Огонь перебросило въ Кремль: загорѣлись соборы и монастыри, запылали царскія палаты и службы; съ трескомъ и грохотомъ взлетѣли на воздухъ погреба пороховые. Больше половины Москвы сгорѣло. Въ пламени погибло около 1,700 взрослыхъ и множество дѣтей. Тысячи людей остались, въ чемъ были,—безъ крова и безъ куска хлѣба. Царь съ царицей уѣхали въ страхѣ на Воробьевы горы (верстъ десять отъ Москвы).

Пошли по Москвѣ слухи, что бѣду лихіе люди колдовствомъ напустили (тогда всѣ вѣрили подобнымъ баснямъ). Обвиняли Глинскихъ, которыхъ народъ не любилъ за притѣсненія и поборы. Слухи эти поддерживали и бояре изъ зависти къ Глинскимъ. Народъ волновался. Царь приказалъ произвести розыскъ. Бояре собрали чернь въ Кремлѣ и спрашиваютъ:—«Кто зажигалъ Москву?» Въ толпѣ закричали:—«Глинскіе! Княгиня Глинская (бабка государя) съ дѣтьми волховали: вынимали человѣческія сердца, клали ихъ въ воду, да тою водою, ѣздя по Москвѣ, дома кропили». Одинъ изъ Глинскихъ былъ тутъ же. Почуявъ бѣду, онъ въ Успенскомъ соборѣ скрылся. Бояре натравили на него народъ. Толпа съ ревомъ ворвалась въ соборъ, схватила Глинскаго и тутъ же убила. Трупъ его вытащили изъ храма, поволокли на площадь, гдѣ казнятъ преступниковъ, и тамъ надъ нимъ надругались. Озвѣрѣвшая толпа кинулась въ домъ Глинскихъ,— прислужниковъ перебили, имѣніе разграбили.

Черезъ два дня буйная толпа явилась и въ Воробьевѣ, подъ окнами царскаго дома: требовали, чтобы царь выдалъ имъ для расправы всѣхъ Глинскихъ, которые будто бы спрятаны у него въ покояхъ. Іоаннъ велѣлъ стрѣлять въ мятежниковъ и перехватать главныхъ крикуновъ. Народъ въ страхѣ разбѣжался, и мятежъ утихъ.

Страшный пожаръ, буйный мятежъ народный и кровавый самосудъ надъ близкимъ родственникомъ царскимъ — до глубины души поразили Іоанна: — «Страхъ вошелъ въ мою душу и трепетъ въ кости» (какъ онъ самъ говорилъ послѣ). Въ эти минуты душевной тревоги является къ государю священникъ Сильвестръ, мужъ, твердый нравомъ и благочестіемъ сильный: онъ именемъ Божіимъ обличилъ Іоанна въ его нерадѣніи о царствѣ, заклиналъ его спасти народъ отъ погибели конечной, грозилъ царю Страшнымъ Судомъ Божіимъ. Іоаннъ съ трепетомъ слушалъ грозныя рѣчи, покаялся въ своихъ грѣхахъ и далъ обѣщаніе искоренить насиліе и неправды.

Съ этого времени Іоаннъ сталъ усердно заниматься дѣлами государства и сдѣлалъ много добра народу.

На бояръ Іоаннъ уже больше не полагался, а искалъ себѣ совѣта и опоры въ людяхъ честныхъ и способныхъ, не разбирая, какого они званія и рода. Собрались вокругъ царя лучшіе люди: были въ числѣ ихъ родовитые князья и знатные бояре, заняли важныя должности и незнатные люди. А главными совѣтниками государя

сдѣлались Сильвестръ и Адашевъ (занимавшій до этого малую должность). Сильвестра Іоаннъ величалъ отцомъ своимъ, Адашева почиталъ ближайшимъ другомъ.

Задумалъ царь небывалое еще въ Москвѣ дѣло: велѣлъ собрать къ себѣ со всей земли выборныхъ, чтобъ объявить имъ свою волю и узнать отъ нихъ о нуждахъ народныхъ. Когда выборные собрались, царь вышелъ на Лобное мѣсто, поклонился народу и сказалъ ему слово. Говорилъ царь о беззаконіяхъ бояръ во время его дѣтства и просилъ всѣхъ забыть неисправимыя обиды и неправды, обѣщая, что впредь онъ самъ будетъ судьей и обороной беззащитныхъ. Обратился царь къ Адашеву и сказалъ ему при всемъ народѣ:—«Алексѣй! Взялъ я тебя изъ самыхъ незначительныхъ людей; слышалъ о твоихъ добрыхъ дѣлахъ и возвысилъ тебя выше мѣры. Поручаю тебѣ принимать челобитныя отъ обиженныхъ и бѣдныхъ. Не бойся сильныхъ и знатныхъ; не смотри и на ложныя слезы бѣдняка, который клевещетъ на богатыхъ. Все разсматривай внимательно и приноси къ намъ одну истину, боясь суда Божія».

Чтобы на судѣ было больше правды, царь приказалъ исправить и дополнить законы *). За неправый судъ и лихоимство назначены были судьямъ строгія наказанія. Чтобы оградить народъ отъ произвола судей,—намѣстниковъ царскихъ, Іоаннъ велѣлъ общинамъ выбирать изъ своей среды «излюбленныхъ людей—земскихъ старостъ и цѣловальниковъ» (присяжныхъ), которые бы присутствовали на судѣ и блюли справедливость. Выборнымъ людямъ приказано было участвовать въ раскладкѣ податей и во всѣхъ хозяйственныхъ дѣлахъ общественныхъ, а также наблюдать за порядкомъ и тишиною.

Не легко было найти сразу людей способныхъ и честныхъ, готовыхъ безкорыстно послужить общественному дѣлу; излюбленные люди нерѣдко тяготились своими обязанностями; попадали на выборныя должности и недостойные люди: но все же порядка и правды стало больше.

Созвалъ государь церковный соборъ, чтобы изыскать мѣры, какъ устроить благочиніе церковное и строгій порядокъ монастырскаго житія, исправить книги церковныя, распространить въ темномъ народѣ просвѣщеніе, уничтожить безчинство и языческія суевѣрія **).

*) Предъ Іоанномъ Грознымъ законы были собраны Іоанномъ III. Сборникъ названъ былъ «Судебникомъ».

**) Постановленія собора извѣстны подъ именемъ «Стоглава».

Будучи самъ разуменъ и книженъ, Іоаннъ IV вызывалъ изъ чужихъ земель людей свѣдущихъ въ наукахъ, мастерствахъ и искусствахъ.

Такъ заботливо и милостиво правилъ Іоаннъ IV государствомъ тринадцать лѣтъ. Къ вельможамъ и къ народу былъ онъ ласковъ, къ бѣднымъ щедръ и милостивъ, ко всѣмъ равно справедливъ. А подданные и страшились, и любили своего государя.

Покореніе Казанскаго и Астраханскаго царствъ.

Хотя и смирилась Казань при Іоаннѣ III, но татары все же часто нападали на наши окраинны и причиняли великое людямъ разореніе. Особенно много страдали порубежныя наши земли отъ казанцевъ въ малолѣтство Іоанна IV. Появились внезапно татарскіе отряды: жгли города и селенія, грабили и убивали жителей. Десятки тысячъ русскихъ томились у татаръ въ неволѣ; надъ плѣнными творились всякія злодѣйства: имъ отрѣзали носы и уши, обрубали руки и ноги, вѣшали за ребра на желѣзныхъ крюкахъ, тысячами продавали, какъ скотину, восточнымъ купцамъ.

Іоаннъ IV рѣшилъ покончить навсегда съ Казанью. Духовенство, бояре и весь русскій народъ рады были, что царь задумалъ навсегда избавить Русь отъ неистовыхъ насильниковъ. Собралъ царь огромное войско (до 15 тысячъ) и въ іюлѣ 1552 года выступилъ въ походъ, а въ августѣ русскіе полки стояли уже подъ Казанью.

Почуяли свой конецъ казанцы, пришли въ страшную ярость противъ христіанъ, прежнихъ своихъ данниковъ, и рѣшили защищаться до послѣдней капли крови. Хорошо была укрѣплена Казань: вокругъ города возвышалась крѣпкая, высокая стѣна, съ боевыми башнями, съ широкимъ и глубокимъ рвомъ. Много было заготовлено въ городѣ и военныхъ и съѣстныхъ припасовъ, собрано 50 тысячъ отборнаго войска. Сверхъ этого, большой отрядъ лихихъ наѣздниковъ, подъ начальствомъ отважнаго Япанчи, засѣлъ въ лѣсу близъ города, чтобы безпрестанно нападать на русскихъ.

Іоаннъ окружилъ Казань, такъ что не было ни въѣзда, ни выѣзда оттуда. Устроили временныя насыпи—укрѣпленія, принялись громить городъ изъ пушекъ и все ближе придвигались къ городской стѣнѣ. Но казанцы отважно защищались. Япанча, то и дѣло, налеталъ изъ ѣса на русскіе полки; въ то же самое время отворятся городскія

ворота, казанцы ринутся стремительно на русскихъ, и начинается лютая сѣча. Частыя и неожиданныя нападенія истомили наше войско; некогда ни отдохнуть, ни поѣсть, нельзя и на версту отъѣхать за кормомъ.

Царь съ боярами порѣшили избавиться отъ Япанчи. Отрядили часть войска и напали на его укрѣпленія. Завязалась битва. Наши стали отступать, а потомъ побѣжали. Татары погнались и зарвались слишкомъ далеко, — дошли до нашихъ укрѣпленій. Тогда русскіе со всѣхъ сторонъ стремительно ударили на татаръ. Они бы и на-утекъ, да ужъ некуда увернуться. Верстъ десять гнала татаръ наша конница, — по всему пути легли убитые и раненые басурманы. Укрѣпленія Япанчи разорены, а станъ разграбленъ.

Щадя христіанскую кровь, Іоаннъ предлагалъ казанцамъ на миръ согласиться. Онъ велѣлъ привязать плѣнныхъ татаръ къ шестамъ и выставилъ ихъ предъ городскою стѣною, чтобы узники умоляли своихъ о мирѣ. А наши ѣздили подъ стѣнами и говорили, что царь обѣщаетъ жизнь и свободу осужденнымъ, если казанцы сдадутся добровольно. Въ отвѣтъ на это казанцы пустили тучу стрѣлъ, — не столько въ нашихъ, сколько въ своихъ: — «Лучше вамъ погибнуть отъ нашей руки, чѣмъ отъ нечистивыхъ гяуровъ!» *)

Тогда Іоаннъ придумалъ истомить казанцевъ жаждой. Провѣдали русскіе, что осажденные ходятъ за водою подземнымъ ходомъ на рѣку Казанку. Царь велѣлъ сдѣлать подкопъ подъ этотъ тайникъ и вкатить туда бочки съ порохомъ. Тайникъ взорвали. Обрушилась и часть городской стѣны. Много народа въ городѣ погибло отъ взрыва. Казанцы обмерли отъ страха, думали, что конецъ имъ приходитъ. Русскіе ворвались черезъ проломъ и перебили много народа. Но татары очнулись отъ страха и отразили нашихъ.

Хоть и остались казанцы безъ воды, а сдаваться не хотѣли. Стали копать въ городѣ землю, нашли ключъ—малый, смрадный. Люди отъ такой воды пухли, болѣли, но молча терпѣли и отчаянно сражались.

Семь недѣль стоитъ ужъ наше войско подъ Казанью, а конца осадѣ не видно. Наступила осень съ дождями, съ непогодами. Тогда Іоаннъ рѣшился взорвать стѣны порохомъ и взять городъ съ бою. Подкопались подъ стѣны, вкатили туда пороховыя бочки. Царь приказалъ всему войску приготовиться къ рѣшительной битвѣ. Всѣ ис-

*) *Гяуръ*—значитъ *невѣрный*.

повѣдовались и причастились Св. Тайнъ. Это было въ день Покрова, съ субботы на воскресенье.

Занялась заря. Небо было чистое, ясное. Казанцы знали, что происходитъ въ нашемъ войскѣ, стали на стѣнахъ, приготовились встрѣтить русскихъ. Тихо было и въ городѣ, и въ нашемъ станѣ. Лишь изрѣдка то тамъ, то здѣсь прозвучитъ труба, прогремитъ бубенъ. То была тишина томительная, будто затишье предъ страшною грозою.

Іоаннъ слушалъ обѣдню въ походной церкви. Діаконъ читалъ Евангеліе и произнесъ послѣднія слова: *„да будетъ едино стадо, единъ пастырь“*... Грянулъ взрывъ, земля дрогнула, церковь затряслась. Государь вышелъ на паперть и увидѣлъ страшное зрѣлище: густая тьма стояла надъ Казанью; глыбы земли, обломки башенъ, стѣны домовъ, бревна, камни, истерзанные трупы летѣли вверхъ и падали на городъ. Прошло нѣсколько времени, — загремѣлъ второй взрывъ, еще сильнѣе перваго. Тогда съ крикомъ — «съ нами Богъ!» наше войско кинулось въ городъ, — лѣзли по лѣстницамъ на стѣны, рвались въ проломы. Татары съ криками «Алла! Алла!» *) осыпали нашихъ пулями и стрѣлами, какъ частымъ дождемъ, пустили тучу камней, давили бревнами, обливали кипящимъ варомъ, побивая наше войско, какъ градъ бьетъ ниву. Разомъ во многихъ мѣстахъ закипѣла жестокая сѣча: рѣзались въ проломахъ, на стѣнахъ, на городскихъ улицахъ, на площадяхъ, въ домахъ и на крышахъ домовъ. Въ страшной тѣснотѣ и яростной свалкѣ нельзя было бы размахнуться саблей, ударить копьемъ, некогда было заряжать ружей: душили другъ друга руками, рѣзались ножами, топтали ногами. Наконецъ, наши одолѣли, и на башняхъ заколыхались русскія знамена.

Отрядъ татарскихъ удальцовъ взобрался на башню, даютъ знакъ, что хотятъ вступить въ переговоры.—«Слушайте!»—кричатъ татары:—«пока у насъ было царство, мы умирали за своего царя и отечество; теперь Казань ваша, отдаемъ вамъ и своего царя, а мы выйдемъ въ поле испить въ бою съ вами послѣднюю чашу». Съ этими словами удальцы ринулись съ городской стѣны въ поле, и всѣ до единаго сложили свои головы въ послѣдней отчаянной схваткѣ (въ этой схваткѣ больше всѣхъ отличился князь Курбскій).

Іоаннъ велѣлъ служить благодарственный молебенъ и своими руками водрузилъ крестъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стояло во время битвы

---

*) *Алла* (или *Аллахъ*)—такъ зовутъ Бога магометане.

царское знамя, и назначилъ тамъ быть первой въ Казани христіанской церкви *).

Черезъ четыре года, почти безъ всякаго кровопролитія, присоединилось къ Россіи и Астраханское царство. Отъ страшной когда-то татарской Орды осталось теперь одно Крымское царство, которое долго еще потомъ вредило Россіи **).

Покореніе Казани и Астрахани имѣло для русскихъ огромное значеніе.—Волга отъ истока до устья стала торною русскою дорогой, торговымъ нашимъ трактомъ. Все богатое Поволжье сдѣлалось достояніемъ русскаго промышленника и землевладѣльца. Вмѣсто суроваго и скуднаго сѣвера русскіе переселенцы потянулись теперь на Волгу и за Волгу — вплоть до Уральскихъ горъ; скоро потомъ перешагнули и за Уральскія горы и завладѣли богатою Сибирью.

Старая пѣсня. *(Стих. Кольцова)*

Изъ лѣсовъ дремучихъ, сѣверныхъ,
Поднялась не туча темная,
А рать сильная, могучая,
Царя грознаго, московскаго;
Словно птица быстролетная
Пролетѣла море синее,—
Перешла такъ сила русская
Степь пустую, непроходную.
И пришла она, незваная,
Къ царству славному Казанскому,—
Къ басурману—хану лютому,
Къ своему ли недругу заклятому.
И куда еще—спитъ зорюшка,
А ужъ бьется Русь съ татариномъ,
Стѣны крѣпкія разрушила,
И пошла гулять по городу.
Воеводы, рати храбрыя
Ѣздятъ, бьютъ татаръ по улицамъ;
А на башнѣ съ русскимъ знаменемъ
Юный царь стоитъ, какъ солнышко!

*) Въ память покоренія Казани построенъ былъ потомъ и въ Москвѣ храмъ Покрова Пресвятыя Богородицы, церковь Василія Блаженнаго.

**) Приближенные царя совѣтовали ему завоевать и Крымъ, и силы на это у русскихъ достало бы, но царь не послушался этого совѣта: Крымъ отдѣлялся отъ Русской земли огромными, пустынными степями,—трудно было бы удержать его за собою.

Начало книгопечатанія.

Лѣтъ 400 назадъ никто не умѣлъ книгъ печатать; книги были тогда рукописныя и стоили очень дорого: большую книгу переписывали многіе мѣсяцы и даже цѣлые годы. Грамотныхъ тогда было мало, да и рѣдко кто и покупалъ книги: водились книги только у царя, у немногихъ бояръ, у духовенства, да въ церквахъ и въ монастыряхъ.

Въ XV вѣкѣ одинъ нѣмецъ *(Гутенбергъ)* придумалъ средство печатать книги. Онъ вырѣзалъ изъ дерева выпуклыя буквы, каждую букву отдѣльно, и складывалъ изъ этихъ буквъ какую угодно рѣчь *). Набравъ изъ буквъ цѣлую страницу, зажимали эту страницу буквъ въ тиски, намазывали буквы краской, накладывали на нихъ бумагу, прижимали, и на бумагѣ выходилъ оттискъ; накладывали другой, третій листъ,—получались новые и новые оттиски. Съ одного и тогоже набора можно печатать сколько угодно оттисковъ, хоть нѣсколько десятковъ тысячъ. Такъ набирали страницу за страницей и печатали цѣлую книгу.

Такъ и до сихъ поръ печатаются книги. Чѣмъ больше печатается оттисковъ съ одного и того же набора буквъ, тѣмъ дешевле можно продавать книгу, а недорогую печатную книгу можетъ купить человѣкъ и небогатый.

Черезъ сто лѣтъ послѣ изобрѣтенія книгопечатанія у нѣмцевъ стали печатать книги и въ Москвѣ,—при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ.

Царь Иванъ Васильевичъ Грозный строилъ много церквей и въ Москвѣ, и въ покоренной Казани, и по всей землѣ Русской. Для новыхъ церквей требовалось много книгъ, и царь велѣлъ скупать ихъ и на торжищахъ, брать лишнія изъ монастырей. Собранныхъ книгъ оказалось недостаточно, да и тѣ были въ большой неисправности,—со многими ошибками.

Иванъ Васильевичъ любилъ заниматься книжнымъ ученіемъ и давно зналъ, что рукописныя книги неисправны. Онъ много разъ приказывалъ тщательно выправлять книгу, неисправныя же отбирать—ради устрашенія и исправленія. Но трудно было исправить всѣ книги; нельзя было и услѣдить, чтобы новыя книги переписывались безъ ошибокъ,—переписчики къ старымъ ошибкамъ еще и свои прибавляли.

*) Буквы стали потомъ отливать изъ металла (свинецъ)

Иванъ Васильевичъ зналъ, что у нѣмцевъ книги печатаютъ, и видѣлъ, что печатныя книги и лучше, и дешевле рукописныхъ. И задумалъ царь совершить «доброе и преславное дѣло: произвести отъ письменныхъ книгъ печатныя—ради исправленія книгъ, ради скораго ихъ дѣланія и легкой цѣны, чтобы распространить Св. Писаніе по всей Русской землѣ». Митрополитъ Макарій, свѣдавъ отъ царя о такомъ его добромъ намѣреніи, сказалъ, что эта мысль внушена царю Самимъ Богомъ. Иванъ Васильевичъ приказалъ тогда построить въ Москвѣ особый домъ для печатанія книгъ *(типографію)*. Первыми печатниками въ Москвѣ были діаконъ Иванъ Өедоровъ и Петръ Тимоөеевъ Мстиславецъ. Первою печатною книгою была книга Дѣяній Апостольскихъ и Посланій.

Діаконъ Иванъ Өедоровъ—первый русскій печатникъ.

Діаконъ Иванъ Өедоровъ.

Горестна была судьба первыхъ московскихъ печатниковъ: имъ пришлось пострадать за святое дѣло отъ людей невѣжественныхъ и своекорыстныхъ.

Въ Москвѣ жило не мало переписчиковъ, для которыхъ переписка книгъ служила прибыльнымъ ремесломъ, а книгопечатаніе лишало ихъ работы и доходовъ. Задумали переписчики погубить доброе дѣло въ самомъ его началѣ и пустили слухъ, что печатники—еретики, чинятъ волшебство, вѣдаются съ нечистою силой. И внушили они темнымъ людямъ, что надо печатниковъ извести вмѣстѣ съ ихъ печатнымъ дѣломъ. Невѣжды повѣрили глупой и злой сказкѣ. Разъяренная толпа сожгла типографію и хотѣла перебить всѣхъ печатниковъ. Печатники разбѣжались.

Діаконъ Иванъ Өедоровъ тайно покинулъ Москву и родную землю и убѣжалъ въ Литву. Здѣсь его радушно принялъ гетманъ Хоткевичъ и устроилъ типографію

въ своемъ имѣніи. Въ награду за труды, Хоткевичъ подарилъ Өедорову деревню во владѣніе, чтобы онъ до смерти своей прожилъ безъ нужды и горя. Но діаконъ Өедоровъ деревни не взялъ, потому что хотѣлъ до конца жизни своей «разсѣвать по вселенной вмѣсто житныхъ сѣмянъ сѣмена духовныя».

Князь Константинъ Острожскій пригласилъ печатника Өедорова къ себѣ, и тотъ переселился въ городъ Острогъ и здѣсь напечаталъ первую на славянскомъ языкѣ полную Библію.

Такъ и жилъ до самой смерти своей печатникъ Өедоровъ на чужбинѣ. Умеръ онъ въ страшной нищетѣ. Но вѣчно будетъ жить добрая слава о страдальцѣ за святое дѣло.

27 сентября 1909 г. печатнику Өедорову поставленъ памятникъ въ Москвѣ.

Грозное время.

Вскорѣ послѣ покоренія Казани царь сильно и опасно занемогъ; всѣ думали, что онъ больше не встанетъ. Такъ и самъ Іоаннъ думалъ. На смертномъ одрѣ призываетъ государь всѣхъ приближенныхъ и объявляетъ имъ свою послѣднюю волю: царемъ московскимъ и всея Руси быть малолѣтнему его сыну (царевичъ былъ одного года), и чтобы всѣ князья и бояре теперь же, передъ смертнымъ одромъ государя, дали присягу служить царевичу вѣрой и правдой.

Припомнили тутъ бояре дѣтство самого Іоанна и стали опасаться, что власть захватятъ братья царицы, Романовы, и пойдетъ опять насиліе и своевольство. Заволновались бояре, заспорили, зашумѣли. Одни говорятъ: надо присягать законному государю-младенцу; другіе съ ними спорятъ: ради пользы всего государства, надо отдать царство князю Владиміру, двоюродному брату Іоанна. Споръ разгорѣлся; послышались крики, брань, угрозы.

Слышитъ изъ сосѣдняго покоя всѣ эти крики и споры умирающій царь, не слышитъ онъ только голоса своего названнаго отца—Сильвестра и вѣрнаго друга—Адашева: держались они въ сторонѣ и молчали, за царевича-младенца голоса не подавали. Не любили они царицы Анастасіи и ея братьевъ и также опасались своевольства бояръ при младенцѣ-государѣ. Вспомнилъ тутъ умирающій царь свое дѣтство и ужаснулся за участь супруги и сына. И велитъ онъ имъ бѣжать въ чужія земли и тамъ искать отъ измѣнниковъ спасенія; а Романовымъ, братьямъ царицы, государь наказываетъ постоять за

сестрицу-царицу и царевича-младенца и положить за нихъ свою душу.

Испугались такихъ словъ царя бояре:—«а ну, какъ государь встанетъ?» И начали они одинъ по одному присягать царевичу-младенцу; князя Владиміра привели къ присягѣ насильно, сказавъ, что не выпустятъ безъ того изъ покоевъ государя.

И дѣйствительно, выздоровѣлъ Іоаннъ. Хоть и не показалъ онъ никому своей обиды, но въ душѣ затаилъ недобрыя чувства противъ всѣхъ приближенныхъ: сдѣлался царь подозрителенъ и недовѣрчивъ; сталъ онъ опасаться и за свое семейство. Охладѣлъ Іоаннъ къ своимъ главнымъ совѣтникамъ—къ Адашеву и къ Сильвестру, пересталъ слушать ихъ *надоѣдливыхъ* совѣтовъ.

Вскорѣ послѣ болѣзни поѣхалъ Іоаннъ, по обѣщанію, на богомолье съ царицей Анастасіей и малюткой-сыномъ, а Сильвестръ съ Адашевымъ крѣпко отговаривали царя отъ этой поѣздки. Заѣхалъ Іоаннъ по дорогѣ къ ненавистнику бояръ, иноку Вассіану: былъ Вассіанъ прежде архіереемъ и любимцемъ родителя Іоанна, а бояре его заточили въ малолѣтство государя. У него-то Іоаннъ и спрашивалъ совѣта:—«Какъ мнѣ царствовать, чтобъ бояръ своихъ держать въ послушаніи?» Вассіанъ на это такъ царю отвѣтилъ:—«Если хочешь быть самодержцемъ, не держи при себѣ никого, кто былъ бы тебя умнѣе: тогда тебя всѣ будутъ слушаться, а не ты другихъ, и все—въ твоихъ, а не въ чужихъ рукахъ будетъ». По сердцу пришелся злой совѣтъ хитраго старца, какъ-будто Вассіанъ угадалъ его собственныя мысли. Поцѣловалъ Іоаннъ у старца руку и сказалъ:—«И самъ отецъ мой, если бъ живъ былъ, не далъ бы мнѣ такого добраго совѣта».

Поѣздка царя на богомолье кончилась бѣдою: царевичъ-наслѣдникъ въ дорогѣ скончался. Іоаннъ послѣ поѣздки еще больше охладѣлъ къ своимъ любимцамъ, сталъ отъ нихъ отдаляться, а затѣмъ и въ ссылку ихъ отправилъ. Обрушилось на Іоанна и еще новое несчастіе: скончалась и царица Анастасія, которую онъ любилъ всею душою. Государь въ страшномъ горѣ: остался онъ теперь совсѣмъ одинокимъ.

Появились вокругъ царя новыя лица, начались и новые порядки. Прежніе совѣтники были умные и честные люди, направлявшіе помыслы государя на пользу народа. Теперь же приблизились къ Іоанну прислужники злые, угодливые льстецы, желавшіе только выслужиться передъ государемъ ради своей корысти.

Чтобы развлечь царя, новые любимцы выдумали разныя игрища и потѣхи. Пошли во дворѣ частые пиры, чаши великія наполнялись питьемъ хмельнымъ. А кто отставалъ отъ другихъ въ питьѣ и весельѣ, на того наушники указывали, какъ на ослушниковъ и недоброхотовъ государя. А первые изъ недоброхотовъ, говорили они, это—друзья Адашева и Сильвестра: они не одобряютъ новыхъ порядковъ, распускаютъ про государя дурные слухи. Начались опалы и ссылки, а потомъ и казни. Прежде всѣхъ пострадали родственники

Іоаннъ IV.

Адашева и друзья Сильвестра; дошла потомъ очередь и до другихъ князей и бояръ родовитыхъ.

Видѣлъ Іоаннъ, что родовитые князья и бояре все еще не забыли своего княжескаго происхожденія, все еще мечтали о власти. Припомнились тутъ Іоанну и всѣ прежнія боярскія крамолы, и рѣшилъ онъ грозой сломить гордое и непокорное боярство, чтобы не напрасно говорилось въ народѣ:—«Единъ Богъ на небѣ, единъ царь на землѣ». Сдерживать гнѣвъ Іоанна уже некому было,—новые при-

спѣшники только разжигали гнѣвъ государя, клеветали ему на бояръ, нашептывали про ихъ измѣну. Начались казни, и чѣмъ дальше, тѣмъ чаще и страшнѣе. Темницы наполнились заключенными, монастыри—ссыльными. Стонъ стоялъ въ застѣнкахъ отъ пытокъ *),—все разыскивали враговъ и измѣнниковъ государя. На площадяхъ, то и дѣло, происходили кровавыя казни.

Отъ постоянныхъ наговоровъ царь и вправду повѣрилъ, что недруги ищутъ его смерти. Онъ покинулъ Москву и уѣхалъ на житье въ Александровъ **). Тамъ онъ построилъ себѣ дворецъ, какъ крѣпость, окружилъ себя вѣрною стражей, ненавистною для всѣхъ и страшною *опричиной*. Опричники-тѣлохранители имѣли при себѣ особую отличку: у нихъ были привязаны къ сѣдламъ собачьи головы и метлы. Какъ псы, должны опричники грызть царскихъ лиходѣевъ; какъ метлой, они станутъ выметать изъ русской земли измѣну. Но, вмѣсто этого, опричники безнаказанно чинили насилія, губили невинныхъ: обвиняли своихъ недруговъ и людей имъ неугодныхъ, клеветали на богатыхъ, чтобы ихъ добромъ поживиться. Не стало на Руси правды.

Совѣсть часто тревожила Іоанна, говорила ему о невинно пролитой крови, и царь ежедневно подолгу молился, посылалъ по церквамъ и монастырямъ щедрые «поминки», приказывалъ молиться за упокой души «убіенныхъ». Наконецъ, онъ придумалъ обратить себя и своихъ приближенныхъ какъ бы въ монаховъ: себя назвалъ игуменомъ, опричниковъ—иноками, князя Вяземскаго—келаремъ, а самаго злобнаго изъ опричниковъ, Малюту Скуратова,—пономаремъ. Поверхъ блестящихъ золотыхъ кафтановъ, царь и опричники надѣвали черныя монашескія рясы, а на головы—скуфейки. Царь часто и самъ ходилъ звонить на колокольню, пѣлъ и читалъ на клиросѣ въ церкви, и такъ усердно билъ поклоны, что на лбу отъ нихъ синяки оставались. А между церковными праздниками царь съ опричниками ходилъ въ застѣнки, гдѣ на глазахъ его совершались кровавыя пытки и казни.

Всѣ передъ опричниками трепетали, все въ ужасѣ притихло предъ царскою грозою. Въ это-то время неожиданно раздался смѣлый голосъ, осуждавшій Іоанна: это былъ голосъ митрополита Филиппа.

*) *Застѣнокъ*—мѣсто, гдѣ (въ старину) допрашивали обвиняемаго съ истязаніемъ.

**) Александровъ—теперь уѣздный городъ Владимірской губерніи, прежде назывался Александровской слободой.

Св. Филиппъ, Митрополитъ Московскій.

Митрополитъ Филиппъ происходилъ изъ знатнаго рода бояръ Колычевыхъ и въ молодости своей служилъ при дворѣ московскаго государя (во время малолѣтства Іоанна). Но власть и богатство его не прельщали, а насиліе и неправда, какія онъ кругомъ видѣлъ, были ему ненавистны. Тридцати лѣтъ, въ полномъ цвѣтѣ жизни, молодой бояринъ тайно Москву покидаетъ и бѣжитъ отъ зла на край земли—въ далекую Соловецкую обитель *), чтобы тамъ устроить свою жизнь по-Божьи.

Десять лѣтъ Филиппъ живетъ въ Соловкахъ простымъ монахомъ, исполняетъ всякія черныя работы. Его возвели, наконецъ, въ санъ игумена. Восемнадцать лѣтъ управлялъ монастыремъ Филиппъ и навѣки оставилъ тамъ по себѣ добрую память. Онъ соорудилъ двѣ церкви, построилъ большіе корпуса для монашескихъ келій и больницу, умножилъ и улучшилъ соляныя варницы, устроилъ водяныя мельницы, завелъ скотный дворъ, развелъ оленей, соединилъ озера каналами и осушилъ болота, прорубилъ просѣки въ лѣсахъ и проложилъ дороги. Сталъ монастырь благоустроенной общиной трудолюбцевъ.

Іоаннъ глубоко уважалъ Филиппа и назначилъ его въ Москву митрополитомъ. Высшее духовенство сказало царю, что лучшаго выбора онъ не могъ сдѣлать. Долго отговаривался Филиппъ отъ высокаго сана, ссылаясь на слабыя свои силы. Но, будучи понуждаемъ царемъ и всѣмъ священнымъ соборомъ, смѣло сказалъ Іоанну, что тогда лишь согласится принять санъ митрополита, когда царь отмѣнитъ ненавистную всѣмъ опричину. Іоаннъ прогнѣвался на Филиппа, но, по челобитью епископовъ, переложилъ свой гнѣвъ на милость. Уговорили и Филиппа не вступаться въ дѣла государя, и онъ, наконецъ, принялъ санъ митрополита.

Недолго прожили въ мирѣ царь съ митрополитомъ. Іоаннъ подозрѣвалъ, что Филиппъ дружитъ съ боярами, и что просилъ отмѣны опричины по ихъ наущенію. А Филиппъ не могъ спокойно смотрѣть

*) Соловецкая обитель находится на Соловецкихъ островахъ—среди Бѣлаго моря.

на непрестанныя жестокія казни и всяческія насилія. Опричники всенародно убивали невинныхъ; на площадяхъ валялись трупы, и никто не смѣлъ хоронить убитыхъ. Боялся каждый и на улицѣ показаться. Многіе въ слезахъ прибѣгали къ Филиппу, умоляя о защитѣ. И добрый пастырь не остался безотвѣтнымъ на вопли и стоны своихъ дѣтей духовныхъ: онъ пришелъ къ царю и въ тайной бесѣдѣ склонялъ его на милость.

Св. Филиппъ.

Но просьбы Филиппа не принесли никакой пользы. Тогда святитель, не зная страха, рѣшился обличить Іоанна открыто. Въ Успенскомъ соборѣ, во время службы, Филиппъ обратился къ грозному царю съ такою смѣлою рѣчью:

— «Державный государь! Ты облеченъ отъ Бога высокою властью, чтобы соблюдать правду въ людяхъ. По естеству, ты такой же, какъ и всѣ, человѣкъ, а по власти подобенъ Самому Богу; какъ смертный — не превозносись, а какъ образъ Божій — не увлекайся гнѣвомъ. По справедливости, властелиномъ можетъ назваться только тотъ, кто самъ собою управляетъ и не работаетъ страстямъ позорнымъ. Отъ вѣка не слыхано, чтобы благочестивые цари волновали свою державу, и при твоихъ предкахъ не было того, что ты творишь, у самихъ язычниковъ не случалось ничего такого!»

Услышавъ эти смѣлыя обличенья, Іоаннъ сказалъ въ великомъ гнѣвѣ:—«Филиппъ! Не прекословь державѣ нашей, да не постигнетъ тебя гнѣвъ мой»,—и ушелъ изъ собора въ страшномъ негодованіи.

Вскорѣ послѣ этого, въ день воскресный, Іоаннъ снова пришелъ въ соборъ къ божественной службѣ. И самъ царь, и опричники были въ монашескихъ мантіяхъ, съ высокими на головахъ шлыками. Іоаннъ приблизился къ митрополичьему мѣсту (посреди собора) и три раза просилъ у Филиппа благословенія. Святитель смотрѣлъ на образъ Спасителя и стоялъ безмолвно.

Тогда бояре сказали:—«Святый владыко! Благочестивый государь предъ тобою: онъ требуетъ твоего благословенія!»

Филиппъ, взглянувъ на Іоанна, произнесъ съ укоризной:

— «Царь благій! Кому поревновалъ ты, принявъ на себя такой видъ и измѣнивъ свое благолѣпіе? Убойся суда Божія: на другихъ ты налагаешь законы, а самъ ихъ нарушаешь! У татаръ и у язычниковъ есть правда,—въ одной Россіи нѣтъ ея; во всемъ мірѣ можно встрѣтить милосердіе, а въ Россіи нѣтъ состраданія даже къ невиннымъ и правымъ. Здѣсь, въ храмѣ, мы приносимъ Богу безкровную жертву за спасеніе міра, а за алтаремъ безвинно проливается кровь христіанъ православныхъ! Ты самъ просишь у Бога прощенія во грѣхахъ своихъ,—прощай же и другихъ, согрѣшающихъ предъ тобою!»

Іоаннъ пришелъ въ страшную ярость, не слушалъ больше словъ Филиппа, махалъ рукой во гнѣвѣ, грозилъ Филиппу изгнаніемъ и разными муками:—«Ты противишься, Филиппъ, нашей державѣ,— посмотримъ же на твою твердость!»

На это святитель кротко отвѣтилъ:—«Я пришлецъ на землѣ, какъ и отцы мои, и за истину готовъ потерпѣть всякія муки!»

Іоаннъ принялъ твердое рѣшеніе низложить митрополита. Приближенныхъ Филиппа схватили, заключили подъ стражу, подвергли пыткамъ, чтобы вывѣдать какую-либо вину на митрополита. Вины никакой не нашлось, и царь велѣлъ духовенству судить митрополита: не хотѣлъ Іоаннъ безъ суда низложить Филиппа, чтобы не возмутить народъ, который и любилъ и почиталъ святителя. Но и судьи не могли найти никакой вины. Наконецъ ласками, угрозами и подкупами подыскали лжесвидѣтелей. Лжесвидѣтели на судѣ обвиняли митрополита въ чародѣйствѣ и взводили на него разныя другія клеветы. Филиппъ не произнесъ ни слова въ свое оправданіе, а только сказалъ Іоанну и всему собору:—«Не страшусь смерти! Лучше умереть невиннымъ, нежели безмолвно смотрѣть на беззаконія!» Тутъ же Филиппъ положилъ свой пастырскій жезлъ, снялъ мантію и бѣлый митрополичій клобукъ. Но смиреніе и спокойствіе святителя только раздражали царя, и онъ приказалъ Филиппу ждать судебнаго приговора.

Въ день архистратига Михаила (8 ноября) Филиппъ совершалъ литургію въ соборѣ и стоялъ предъ алтаремъ въ полномъ облаченіи

Вдругъ входитъ въ церковь любимецъ царя, бояринъ Басмановъ, съ толпой опричниковъ,—и совершилось неслыханное дѣло: богослуженіе прервано; по приказу Басманова, читаютъ соборный приговоръ о низложеніи митрополита. Опричники кинулись на святителя, сорвали облаченіе, набросили на него изодранную монашескую одежду, метлами выгнали изъ церкви, толкнули въ дровни и съ позоромъ повезли по улицѣ. Народъ въ смятеніи, въ ужасѣ высыпалъ изъ церкви, со слезами и рыданіями бѣжалъ за санями. Лицо святого старца было свѣтло; онъ ласково благословлялъ народъ и говорилъ всѣмъ:— «Молитесь!»

Недѣлю продержали страдальца въ смрадной темницѣ, въ тяжелыхъ оковахъ, и голодомъ его томили.

Іоаннъ хотѣлъ, было, осудить Филиппа на сожженіе, но по ходатайству духовныхъ, оставилъ ему жизнь и сослалъ въ заточеніе въ Тверской Отрочь монастырь. Сюда явился къ Филиппу любимецъ Іоанна, Малюта Скуратовъ, будто бы за благословеніемъ.—«Я благословляю только добрыхъ и на доброе»,—кротко сказалъ Филиппъ Малютѣ. Злодѣй задушилъ святого старца подушкой и пустилъ молву, что Филиппъ задохся отъ угара.

Мощи святого мученика покоятся теперь въ Москвѣ въ Успенскомъ соборѣ.

Завоеваніе Сибири *(1582 г.)*.

За Уральскими горами идутъ къ востоку на многія тысячи верстъ непроходимые лѣса, необозримыя степи, высочайшія горы; съ юга на сѣверъ катятся величайшія рѣки. Эту необъятную страну Богъ надѣлилъ неисчерпаемымъ богатствомъ: въ лѣсахъ—пушные звѣри, въ горахъ—дорогіе металлы, земля во многихъ мѣстахъ—тучная, плодородная. Триста лѣтъ тому назадъ всѣ эти земли были ничьи, Божьи,—никто ихъ до этого не дѣлилъ, не мѣрилъ. Только кое-гдѣ бродили слабосильные дикіе народы (финскаго племени); между ними посильнѣе другихъ и побольше числомъ были татары; жили они по рѣкамъ Иртышу и Оби. У татаръ были и городки, былъ и свой царекъ, который жилъ въ городѣ Искерѣ, или *Сибири*. Сибирскій царекъ бралъ дань съ другихъ народцевъ по ту и по другую сто-

рону Урала. Эту-то необъятную страну и завоевалъ Ермакъ Василій Тимофеевичъ, съ горстью удальцовъ-казаковъ. Вотъ какъ это случилось.

Русскіе люди (особенно новгородцы) издавна ходили за Волгу — ради охоты на пушного звѣря, строили городки, брали дань съ дикарей-инородцевъ и все ближе и ближе придвигались къ горамъ Уральскимъ. Лѣтъ четыреста назадъ, богатые промышленники Строгановы поселились въ Сольвычегодскѣ, завели тамъ соляныя варницы, скупали мѣха, и нажили себѣ тѣмъ огромное состояніе, такъ что даже часто помогали деньгами московскимъ государямъ.

Послѣ покоренія Казани, когда въ среднемъ Заволжьѣ стало безопасно, Строгановы просили Іоанна дать имъ въ вѣчное владѣніе земли по рѣкамъ Камѣ и Чусовой. Государь радъ былъ, что пустопорожнія земли станутъ заселяться; онъ позволилъ Строгановымъ принимать на эти земли вольныхъ переселенцевъ, разрѣшилъ построить городокъ, собрать на свой счетъ людей ратныхъ, чтобы держать въ покорности сосѣднихъ инородцевъ. Охотниковъ до переселеній въ тогдашнее тяжелое время было много. Строгановы развели здѣсь хлѣбопашество, устроили огромныя соляныя варницы, скупали и продавали пушные мѣха, а дикарей-инородцевъ держали въ покорности московскому государю.

Сибирскій царекъ Кучумъ не радъ былъ, что русскія поселенія такъ близко къ нему подходятъ, и что Строгановы держатъ въ покорности инородцевъ, которыхъ онъ считалъ данниками своими. Сталъ Кучумъ тревожить Строгановыхъ, грабилъ и избивалъ покорныхъ царю инородцевъ, требовалъ себѣ отъ нихъ дани. Тогда Строгановы просятъ царя, чтобы онъ позволилъ имъ смирить Кучума и навсегда укрѣпиться за Ураломъ. Царь далъ имъ позволеніе воевать Сибирскія земли.

Для войны съ Кучумомъ Строгановымъ пришлось умножить свою военную силу, и стали они вербовать для этого новую дружину. Тогда не трудно было это сдѣлать. На южныхъ окраинахъ (по низовьямъ Волги, Дона и Днѣпра) жило много вольныхъ, гулящихъ людей—казаковъ. Одни изъ нихъ несли государеву службу, обороняя окраины отъ татарскихъ набѣговъ; другіе жили, какъ вольныя степныя птицы, промышляя охотой, а чаще всего — разбоемъ: нападали на татаръ, грабили купеческіе и государевы караваны. Обуздать и

переловить эту вольницу на степномъ безлюдномъ просторѣ было невозможно.

Ватагу такихъ удалыхъ казаковъ Строгановы и собрали. Атаманомъ этой дружины сталъ Василій Тимоѳеевичъ, по прозвищу Ермакъ, богатырь сильный, умный и отважный. Помощниками у Ермака были: осужденный на смерть, но не пойманный разбойникъ Иванъ Кольцо, да Никита Панъ, да Василій Мещерякъ. Строгановы, взявъ съ удальцовъ клятву вѣрой и правдой послужить государю, снарядили ихъ съѣстными припасами, ружьями, пушками, дали имъ толмачей (переводчиковъ) и вожатыхъ.

И пошелъ Ермакъ съ товарищами за Уралъ воевать необъятныя Сибирскія земли. А въ дружинѣ Ермака всего только и было около 800 человѣкъ казаковъ.

Дорогъ въ тѣхъ пустынныхъ краяхъ никакихъ не было,—по рѣкамъ поплыли казаки. Гдѣ надо было переходить сухопутьемъ, отъ одной рѣки въ другую, тамъ челноки волокомъ тащили, приходилось и совсѣмъ бросать ихъ, а на новой рѣкѣ строили новыя лодки. Изъ рѣки въ рѣку доплыли, наконецъ, казаки до перваго татарскаго городка. Стали татары стрѣлять изъ луковъ, а казаки дали залпъ изъ ружей, — и татары разбѣжались: про огнестрѣльное оружіе никогда здѣсь до этого и не слыхали. Поплыли казаки дальше, разгоняя толпу за толпою. Бѣгутъ гонцы къ царьку Кучуму, со страхомъ разсказываютъ про нашествіе русскихъ: — «Пришли воины и такіе у нихъ луки-самострѣлы, что огонь изъ нихъ пышетъ, дымъ великій исходитъ, и будто громъ гремитъ, стрѣлъ не видать, а ранитъ и на смерть бьетъ, и ничѣмъ не защитишься: кольчугу пробиваетъ».

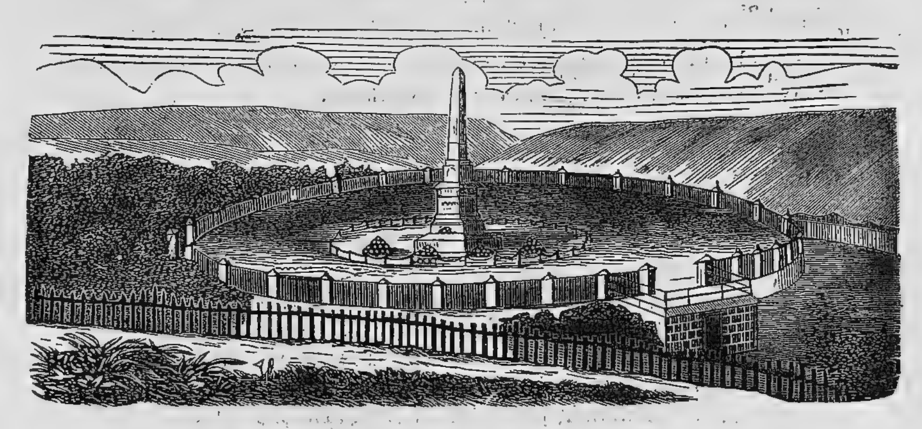
Кучумъ собралъ большое войско, сталъ на горѣ близъ устья Тобола и дожидался русскихъ. Подошли казаки, видятъ, что противъ каждаго изъ нихъ приходится по тридцати татаръ, — смутились и стали разсуждать, что имъ дѣлать. Тогда Ермакъ и говоритъ своей удалой дружинѣ: — «Куда бѣжать? Ужъ осень, рѣки скоро замерзнутъ. Если мы ни съ чѣмъ вернемся, такъ не сдержимъ своего слова и только срамъ на себя примемъ; а если Богъ намъ поможетъ, то не оскудѣетъ вовѣки память наша и на Руси, и въ этихъ странахъ». — Казаки всѣ до единаго поклялись послужить государю до смерти.

Произошла битва. Отчаянно дрались татары, тучами пускали они

въ казаковъ стрѣлы, но не могли устоять противъ пушекъ и ружей, и побѣжали. 26 октября Ермакъ съ казаками вступилъ въ Сибирь, столицу Сибирскаго царства.

Такой страхъ навели на сибиряковъ казаки, что всѣ подвластные Кучуму народцы стали приходить къ Ермаку со своими князьями, били челомъ, приносили дары и припасы привозили. Ермакъ принималъ всѣхъ съ лаской, бралъ клятву на вѣрность русскому государю, назначилъ дани и отпускалъ по домамъ, безъ всякой обиды. И своимъ казакамъ запретилъ Ермакъ творить насиліе побѣжденнымъ.

Послалъ Ермакъ гонца къ Строгановымъ съ доброю вѣстью: «Султана Кучума одолѣлъ, стольный городъ его взялъ и царевича Махмета-Кула полонилъ». Скоро явилось и въ Москву посольство: Иванъ Кольцо съ товарищами били челомъ государю Сибирскимъ царствомъ, принесли ему въ даръ драгоцѣнные мѣха—собольи, бобровые и лисьи. Иванъ Грозный милостиво принялъ казаковъ, объявилъ имъ прощенье за прежнія вины, наградилъ всѣхъ щедро, а самому Ермаку послалъ два панцыря, серебряный ковшъ и со своего плеча шубу. Радовались и по всей Руси, что послалъ Богъ православнымъ новое обширное царство.

Памятникъ Ермаку въ Тобольскѣ.

Хоть и не кончилось этимъ покореніе Сибири, и много потомъ приняли труда русскіе люди, чтобы навсегда укрѣпиться въ необъ-

ятномъ краѣ, но путь былъ указанъ. Отрядъ за отрядомъ шли отважные люди искать вольныхъ земель въ Сибири, покоряли народъ за народомъ, строили укрѣпленія. Являлись и земледѣльцы, вырубали и жгли дремучіе лѣса, распахивали поляны, прокладывали дороги, ладили мосты. Укоренялась понемногу въ дикой странѣ русская жизнь.

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше и больше Сибирь открывала русскимъ свои неисчерпаемыя богатства. Потянулись изъ Сибири обозы съ дорогими пушными мѣхами, съ драгоцѣнными металлами. Повезли русскіе въ Сибирь и свои издѣлія и съ прибылью продавали ихъ инородцамъ. Десятки тысячъ народа переселялись въ Сибирскія земли, а необъятная страна все еще и теперь малолюдна.

Не мимо сказалъ свое слово Ермакъ, Василій Тимоѳеевичъ: вовѣки не умретъ слава его и товарищей въ русскомъ народѣ. Имена записаны въ Синодикѣ *) тобольскаго собора — на вѣчное поминовенье, а Ермаку поставленъ памятникъ въ Тобольскѣ.

Далекій край.

Давно то было, было встарь,—
Царилъ надъ Русью Грозный царь.
Въ Москву вдругъ прибылъ посланецъ—
Съ нежданной вѣстію гонецъ.
Примчался онъ издалека;
То былъ подручникъ Ермака
Съ товарищи, Иванъ Кольцо,
И сталъ предъ царское лицо;
И кланялся казакъ лихой
Царю Сибирскою землей
Отъ всѣхъ опальныхъ казаковъ,
Прося съ повинныхъ ихъ головъ,
Простыхъ людей и старшины,
Забывъ ихъ давнія вины,
Опалу милостиво снять
И даръ посильный ихъ принять.
И оповѣдалъ все впередъ
Казакъ про славный тотъ походъ
За Поясъ каменный **), и какъ
Путь пробивалъ себѣ Ермакъ
Чрезъ горы, рѣки и лѣса.
Была то рѣчь про чудеса,
Терпѣнья, доблести, трудовъ
Отважной горсти удальцовъ,
Въ средѣ невѣдомыхъ племенъ,
Среди враговъ со всѣхъ сторонъ,

---

*) *Синодикъ* — книга, куда записываются имена усопшихъ для ихъ поминовенія.

**) Поясъ каменный — Уральскія горы.

Въ борьбѣ суровой безъ конца.
Окончилъ рѣчь свою Кольцо
И снова билъ царю челомъ
Сибирскимъ царствомъ; и на томъ
Царь соизволилъ даръ принять,
И повелѣлъ ему сказать
И Ермаку, и казакамъ,
По многимъ тяжкимъ ихъ трудамъ
И службамъ въ дальнемъ томъ краю,
Всѣмъ милость царскую свою.
Великимъ жалованьемъ ихъ
Пожаловалъ царь слугъ своихъ;
И одарилъ онъ ихъ казной,
Цвѣтными сукнами, камкой,
И рать на помочь имъ послалъ.
Такъ край Сибирскій Русью сталъ.

———

И русскій людъ о немъ узналъ;
Провѣдалъ онъ, что въ томъ краю,
Просторъ и воля, какъ въ раю,
Что всякій звѣрь и птица тамъ
Живутъ привольно по лѣсамъ,
И рѣки рыбою полны,
И нѣтъ конца тамъ цѣлины.
И вотъ, спасаясь отъ невзгодъ,
За Поясъ каменный, путемъ,
Пробитымъ смѣлымъ Ермакомъ,
Пошла вся русская бѣда;
И все идетъ она туда,
Отъ той поры до нашихъ дней,
Со стародавней Руси всей.
И вольной волею идетъ,
И въ кандалахъ туда бредетъ
Многострадальная она,—
Бѣдна, убога, но сильна.
И заселяетъ пустыри,
И тамъ, гдѣ жили дикари,
На мѣстѣ дебрей и степей,
Средь ею жъ вспаханныхъ полей,
Все та же русская бѣда
Воздвигла села, города.
Такъ съ той поры, изъ вѣка въ вѣкъ,
Шелъ крѣпкій русскій человѣкъ,
На дальній сѣверъ и востокъ
Неудержимо, какъ потокъ,
Съ плохой винтовкой за плечомъ,
Иль съ неизмѣннымъ топоромъ,
Съ краюхой хлѣба въ кошелѣ,
Отдавъ поклонъ родной землѣ,
Отъ непригляднаго житья,
Онъ шелъ въ безвѣстные края
Чрезъ тундры, рѣки и хребты,
Чрезъ быстрину и высоты;
Пока въ невѣдомой дали
Онъ не пришелъ на край земли,
Гдѣ было некуда идти,
Гдѣ поперекъ его пути,
Одѣтый въ бури и туманъ,
Всталъ необъятный океанъ,
И грознымъ рокотомъ валовъ,
Казалось, говорилъ безъ словъ:
„Здѣсь власть моя!.. Здѣсь твой рубежъ!
„Ты за него не перейдешь!..“
И какъ пигмея великанъ,
Суровый, грозный океанъ
Пришельца звалъ на споръ съ собой;
И принялъ тотъ неравный бой;
И не попятился назадъ.
Отважный, твердый, какъ булатъ,
Онъ сладилъ утлыя суда
И смѣло ринулся туда,
Въ неизмѣримый океанъ,—
И побѣжденъ былъ великанъ!..
И смѣлый русскій удалецъ,
Или изгнанникъ, иль бѣглецъ
Изъ дальней родины своей,
Сродясь не видѣвшій морей,
Онъ эту бездну переплылъ
И страны новыя открылъ

На самодѣльномъ кораблѣ,
И тамъ, въ невѣдомой землѣ,
Тамъ, въ полушаріи другомъ,
На берегу ему чужомъ
Онъ водрузилъ нашъ русскій стягъ,
Чтобъ зналъ про то и другъ и врагъ.

Смутное время.

Борисъ Годуновъ—правитель.

Въ ночь, когда скончался Иванъ Грозный, во дворцѣ между боярами произошла смута: кому изъ двухъ сыновей Іоанна быть московскимъ государемъ — Ѳеодору или малолѣтнему царевичу Димитрію? *). «Димитрій—младенецъ, но въ немъ виденъ умъ отцовскій; а Ѳеодоръ хоть и взрослый, да разумомъ ребенокъ». Но сторонники Ѳеодора оказались сильнѣе: царевича Димитрія въ ту же ночь услали съ матерью на житье въ Угличъ, а Ѳеодору Ивановичу присягнули.

Но Ѳеодоръ не занимался государственными дѣлами: былъ онъ слабъ здоровьемъ, любилъ читать божественныя книги, подолгу молился,—жилъ во дворцѣ, какъ въ монастырѣ инокъ. Всѣ дѣла царь поручилъ своему шурину—Борису Годунову.

Годуновъ происходилъ изъ татарскаго рода. Былъ онъ человѣкъ умный, изворотливый, а главное — чрезвычайно осторожный. Задумавъ что-нибудь, онъ шелъ къ своей цѣли какъ бы крадучись, потихоньку. А у него была одна забота: хотѣлось ему стать выше другихъ бояръ родовитыхъ, искалъ онъ почестей и власти.

Женился Годуновъ на дочери Малюты Скуратова, самаго лютаго изъ опричниковъ и любимцевъ Іоанна, и чрезъ тестя приблизился

*) Ѳеодоръ и Димитрій были дѣти отъ разныхъ матерей.

къ царю и былъ у него въ милости и почетѣ. Но не запятналъ себя осторожный Годуновъ кровавыми дѣлами, уберегся онъ и отъ царскаго гнѣва.

Въ послѣдніе годы жизни Іоанна, царевичъ Ѳеодоръ женился на сестрѣ Годунова — Иринѣ, и черезъ это Годуновъ вошелъ въ родство съ самимъ государемъ, поднялся еще выше. Полюбился добродушному Ѳеодору умный и ловкій Борисъ, и Ѳеодоръ предался ему всею душою.

Послѣ вѣнчанія на царство, Ѳеодоръ осыпалъ Годунова и почестями, и богатствомъ. Царь назначилъ его намѣстникомъ Казанскаго и Астраханскаго царствъ, наградилъ большимъ жалованьемъ, отдалъ доходы со многихъ областей, подарилъ большія земли. И безъ того богатъ былъ Годуновъ, а теперь сталъ и выше, и богаче всѣхъ родовитыхъ бояръ московскихъ: во всемъ царствѣ только у царя одного было больше и богатства, и власти.

Наконецъ, Ѳеодоръ вручилъ Годунову управленіе всѣмъ государствомъ: самъ ни въ какія дѣла не входилъ и отчета у Годунова ни въ чемъ не спрашивалъ. Всѣ называли Годунова *правителемъ* и за всякимъ дѣломъ не къ царю, а къ нему обращались. Иностранные короли заискивали у Годунова дружбы. Родовитые бояре втайнѣ завидовали правителю, а наяву считали за честь себѣ его милость и ласку. Народъ любилъ и прославлялъ Годунова за мудрое правленіе: не давалъ онъ бѣдняка въ обиду, никому изъ сильныхъ не мирволилъ. Когда Годуновъ выѣзжалъ въ городъ, народъ сбѣгался къ нему толпами, ницъ падалъ на землю, какъ передъ самимъ государемъ. Сталъ Годуновъ по власти и славѣ самому царю равенъ.

Но все же эта власть и слава не долговѣчны. Умри бездѣтный Ѳеодоръ, и царемъ будетъ Димитрій; у Годунова отнимутъ тогда и власть, и богатство, а можетъ быть, лишатъ и жизни. Царевичу идетъ уже девятый годъ. Мать-царица и близкіе къ ней люди живутъ въ Угличѣ, будто въ ссылкѣ, подъ строгимъ надзоромъ. Они ненавидятъ Годунова, внушаютъ и царевичу тѣ же чувства. Борису уже не разъ доносили, что рѣзвый мальчикъ хвалится отплатить всѣмъ лиходѣямъ матери-царицы.

И младенецъ Димитрій казался страшнымъ и Годунову, и всѣмъ его приближеннымъ.

Убіеніе царевича Димитрія (*1591 г.*).

Былъ ясный майскій полдень. Няня царевича, боярыня Волохова, вывела Димитрія на крыльцо, а мать-царица замѣшкалась въ покояхъ. На дворѣ тогда стояли служилые при царевичѣ люди—двое Битяговскихъ, племянникъ ихъ, Качаловъ, да братъ няни, Осипъ Волоховъ. Одинъ изъ нихъ подходитъ къ царевичу, беретъ его за руку и спрашиваетъ:—«У тебя, государь, новое ожерельице на шейкѣ?»—«Нѣтъ, старое,»—отвѣчаетъ ребенокъ и довѣрчиво поднимаетъ головку, чтобы показать ожерелье. Сверкнулъ ножъ въ рукѣ убійцы,—но дрогнула рука злодѣя, и онъ промахнулся. Показалась въ дверяхъ кормилица, видитъ страшное дѣло, неистовымъ голосомъ закричала, ринулась къ царевичу, обвила руками, хочетъ заслонить его своимъ тѣломъ. Отступилъ злодѣй отъ своей жертвы, бросилъ ножъ и прочь кинулся въ страхѣ. Тутъ подоспѣли остальные убійцы, вырвали несчастнаго царевича изъ рукъ кормилицы и зарѣзали его, какъ ягненка, а сами скрылись. Бѣжитъ на шумъ мать-царица, но ужъ поздно: бездыханное тѣло младенца на ея отчаянный вопль послѣднимъ трепетомъ затрепетало.

Ударилъ кто-то въ набатъ, — и страшная вѣсть облетѣла Угличъ въ одну минуту. Сбѣжался народъ,—видятъ кровь и трупъ царевича съ перерѣзаннымъ горломъ. Царица въ отчаяніи рыдаетъ. Кормилица вопитъ, что это дѣло—Бориса Годунова. Народъ въ ярости кинулся разыскивать злодѣевъ, всѣхъ до одного переловили, — и тутъ же совершилась кровавая расправа.

Изъ Углича въ Москву гонцы полетѣли, везутъ они царю грамоту о страшномъ злодѣйствѣ. Но до царя гонцовъ не допустили. Грамоту, по приказу Годунова, у гонцовъ отобрали и написали другую, объяснивъ въ ней, что царевичъ, играя ножомъ, самъ себя зарѣзалъ въ припадкѣ падучей болѣзни. Годуновъ самъ доложилъ царю обо всемъ этомъ дѣлѣ. Царь Ѳеодоръ неутѣшно плакалъ о своемъ наслѣдникѣ-братѣ и велѣлъ произвести строгое дознаніе, чтобы наказать виноватыхъ, — однихъ за недосмотръ, другихъ — за самоуправство.

Годуновъ послалъ въ Угличъ людей, на которыхъ онъ вполнѣ полагался (въ томъ числѣ былъ князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій),

и тѣ донесли, что все происходило точь-въ-точь такъ, какъ доказывалъ о томъ Борисъ государю. Чтобы совсѣмъ скрыть концы злодѣйскаго дѣла, царицу въ монахини постригли и сослали на житье въ далекую пустынь; ея братьевъ по дальнимъ городамъ разослали и засадили въ темницы; двѣсти человѣкъ угличанъ казнили смертью, другимъ — кому отрѣзали языкъ, кого навѣки заточили, кого въ Сибирь сослали.

Открытъ теперь путь къ престолу, и Борисъ ни въ комъ соперниковъ себѣ не видитъ. А въ народѣ тогда же прошелъ слухъ, что царевичъ Димитрій зарѣзанъ по приказу Годунова.

Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ.

Крестьяне на Руси изстари считались вольными людьми. Были крестьяне-собственники, которые сидѣли на своихъ участкахъ; были крестьяне-общественники, владѣвшіе землей сообща, были и безземельные крестьяне, которые жили по свободному уговору на государевыхъ и монастырскихъ земляхъ у мелкихъ и крупныхъ землевладѣльцевъ. Земля составляла собственность владѣльца, а крестьянинъ былъ человѣкъ вольный, жилъ, гдѣ и у кого ему любо, промышлялъ, чѣмъ хотѣлъ. Только холопы считались кабальными *).

Съ населенной земли, со всякихъ промысловъ и торговли казна брала подати. Главными плательщиками податей были крестьяне; но не всѣ они платили равномѣрно. Земли духовенства, монастырей и крупныхъ землевладѣльцевъ пользовались большими льготами, и крестьянамъ на этихъ земляхъ жить было гораздо легче. Труднѣе приходилось крестьянамъ, которые жили на земляхъ мелкопомѣстныхъ служилыхъ людей. Служилые люди получали вмѣсто жалованья населенную землю и должны были по первому же призыву явиться въ назначенное мѣсто—«конны, людны и оружны» (т.-е. снаряжать на свой счетъ отрядъ вооруженныхъ ратниковъ), и крестьяне терпѣли отъ нихъ великіе поборы. Тяжелѣе же всѣхъ жилось крестьянамъ-собственникамъ и общественникамъ: и податей, и разныхъ повин-

*) Т.-е. принадлежащими господину и вполнѣ зависящими отъ его воли,—какъ рабы. Въ кабалу попадали за неоплатные долги и за преступленія; несчастные люди сами продавались въ холопство.

ностей съ нихъ сходило больше, и всякія притѣсненія они терпѣли отъ намѣстниковъ и отъ судейскихъ приказныхъ, защиты ни въ комъ не находили.

Крупнымъ землевладѣльцамъ было выгодно, чтобы на ихъ земляхъ жило, какъ можно больше народа, и они давали крестьянамъ разныя льготы, сманивали ихъ на свои земли. И крестьяне шли къ нимъ охотно: и податей сходило здѣсь меньше, и жилось за сильнымъ бояриномъ, какъ за каменною стѣной. Мало-по-малу стали переводиться на Руси крестьяне-собственники и общественники, пустѣли и земли мелкопомѣстныхъ служилыхъ. И казна несла большой ущербъ отъ такихъ порядковъ. Мало собиралось податей; мелкопомѣстные служилые люди не ставили ратниковъ, отговариваясь нищетой и безлюдьемъ.

Чтобы оградить землевладѣльцевъ отъ разоренья и казну отъ ущерба, правительство распорядилось, чтобы крестьяне переходили отъ одного помѣщика къ другому только разъ въ годъ, осенью, около Юрьева дня, когда окончены полевыя работы, и сведены съ помѣщикомъ всѣ счеты.

Но не такъ-то легко было свести эти счеты: помѣщикъ строилъ по первоначалу новопоселенцу избу, давалъ ему скотину и полное хозяйственное обзаведеніе, такъ что крестьянинъ всегда состоялъ предъ помѣщикомъ въ долгу неоплатномъ. Эти неоплатные долги мало-по-малу и прикрѣпили крестьянина къ землѣ, и онъ сдѣлался самъ собственностью землевладѣльца.

Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ было выгодно и государству, и служилымъ людямъ. Но тяжелѣе прежняго стало отъ этого крестьянамъ: подати, налоги и всякіе поборы по-прежнему остались, а помѣщикъ, къ тому, еще воленъ былъ съ подневольнымъ работникомъ дѣлать, что хочетъ. Не могли крестьяне переходить съ земли на землю, потеряли и свободу договариваться съ помѣщикомъ за занятую землю и мало-по-малу сравнялись съ холопами,—кабальными людьми. Отъ тяжелой подневольной жизни крестьяне въ бѣга уходили, и все больше и больше разросталось число бродягъ и нищихъ; усиливалось воровство, умножались разбои.

Царь Борисъ Годуновъ.

Умеръ бездѣтный Ѳеодоръ (1598 г.), прекратился царскій родъ, и Годуновъ достигъ своей завѣтной цѣли—сдѣлался царемъ московскимъ. Щедрыми милостями и мудрымъ правленіемъ думалъ Годуновъ закрѣпить любовь народную и престолъ царскій за собою и за своимъ родомъ.

При вѣнчаніи на царство, Годуновъ всенародно сказалъ патріарху *):—«Отче, великій патріархъ, Богъ свидѣтель, что отнынѣ не будетъ въ моемъ царствѣ нищихъ и бѣдныхъ!»—и, взявшись за воротъ своей рубашки, прибавилъ:—«и сію послѣднюю раздѣлю съ народомъ!»

Въ первый годъ своего царствованія, Борисъ выдалъ служилымъ людямъ двойное жалованье, освободилъ на годъ торговыхъ людей отъ пошлинъ, а крестьянъ—отъ податей. Вдовъ, сиротъ, калѣкъ и нищихъ кормилъ и одѣвалъ, щедро одѣлялъ казною. Ни одинъ бѣднякъ-проситель не уходилъ отъ него съ пустыми руками.

Много заботился Борисъ и о просвѣщеніи и доброй нравственности народной. Своего сына-наслѣдника онъ обучилъ разнымъ свѣтскимъ наукамъ, чего никогда не дѣлали до него московскіе государи. Хотѣлось Борису учредить на Руси низшія и высшія школы для дѣтей разныхъ сословій. Выписывалъ онъ изъ-за границы мастеровъ и ученыхъ, посылалъ молодыхъ людей учиться за границу. Никогда на Руси не были иностранцы въ такомъ почетѣ, какъ при Годуновѣ.

Желая истребить грубые пороки, Годуновъ запретилъ пьянство и содержаніе кабаковъ. Онъ объявилъ, что скорѣе помилуетъ вора и убійцу, чѣмъ содержателя питейнаго дома:—«Пусть каждый ѣстъ и пьетъ дома, сколько хочетъ».

Показалъ Годуновъ свою мудрость и въ дѣлахъ внѣшнихъ. На южныхъ окраинахъ построилъ онъ много крѣпостей для защиты отъ крымцевъ; завелъ сношенія съ иностранными государями и безъ войны старался соблюсти выгоды Россіи.

Казалось, золотое время настало для земли Русской. Но это благополучіе продолжалось недолго.

---

*) Борисъ Годуновъ учредилъ при Ѳеодорѣ патріаршество въ Россіи.

Несмотря на великія щедроты и мудрое правленіе, никто не любилъ Бориса. Родовитые бояре не забыли, что Годуновъ—татарскаго рода:—«не ему, а намъ, Рюриковымъ потомкамъ, слѣдуетъ владѣть Русскимъ царствомъ»,—думали властолюбцы. И крестьяне на Бориса роптали. Въ недовольномъ народѣ не угасала, а съ годами крѣпла молва злая, что царевичъ Димитрій живъ и скрывается у бояръ, своихъ друзей близкихъ и вѣрныхъ.

Дошли эти темные толки до Бориса, и роковая вѣсть наполнила страхомъ его душу. Откуда идутъ эти опасные слухи? Что замышляютъ враги его—бояре? Это ихъ рукъ дѣло! это они, завистники, его погибели ищутъ.

Борисъ перемѣнился: онъ сдѣлался подозрительнымъ, мрачнымъ, свирѣпымъ. Начались розыски, пытки, ссылки и заточенья. Пострадали близкіе къ царевичу люди, въ томъ числѣ и семья бояръ Романовыхъ, болѣе всѣхъ любимая народомъ: Ѳеодора Никитича Романова постригли въ монахи подъ именемъ Филарета, постригли и жену его подъ именемъ Марѳы, и обоихъ ихъ съ дѣтьми разлучили. Много было схвачено и перемучено людей невинныхъ, а что нужно Борису,—не узнали, никакого заговора не открыли.

А про Димитрія-царевича говорятъ въ народѣ все громче да громче. Разсказываютъ, что вѣрные царевичу люди укрыли его въ Польшѣ, что Димитрій скоро и на Русь придетъ отнимать у Бориса царство. Розыски стали еще строже. Борисъ хотѣлъ знать, кто съ кѣмъ, и о чемъ говоритъ у себя въ домѣ, о чемъ думаетъ, что замышляетъ. Пошли клеветы и доносы. Невинные страдали, а доносчиковъ щедро награждали. На рубежѣ Польши разставили строгіе караулы, чтобы никого не пропускать ни въ Польшу, ни изъ Польши. Много тѣсноты терпѣлъ народъ, и всѣ возненавидѣли Бориса.

лучился въ это время на Руси страшный голодъ, какого не помнили ни прадѣды, ни дѣды. Господа гнали отъ себя слугъ и холоповъ, отцы—дѣтей, чтобы только не кормить ихъ. Люди умирали голодною смертью *). По улицамъ и дорогамъ валялись трупы. Борисъ отворилъ свои житницы и велѣлъ по дешевой цѣнѣ продавать хлѣбъ, а бѣднымъ раздавать деньги. Но чиновники раздавали деньги своимъ роднымъ и знакомымъ, а бѣдныхъ палками отъ себя гнали.

*) См. ниже статью—«Ульяна Устиновна Осорьина».

Тогда Борисъ велѣлъ прекратить раздачу денегъ,—задумалъ дать голодающимъ работу и началъ въ Москвѣ огромныя постройки *). А вѣсть о раздачѣ хлѣба и денегъ быстро разнеслась повсюду, и въ Москву тысячами стекались голодные скитальцы, бѣглецы и разные бродяги; изъ нихъ составлялись разбойничьи шайки, и не было по дорогамъ ни прохода, ни проѣзда. Особенно много скопилось бродягъ и бѣглыхъ близъ польской границы.

Народъ глухо волновался, и всѣ говорили, что Богъ наказываетъ землю за грѣхи царя Бориса, и его самого накажетъ, — отниметъ у него царство. Въ это время среди озлобленныхъ бродягъ и нищихъ разнеслась грозная вѣсть, что Димитрій царевичъ ужъ идетъ въ Москву изъ Польши отнимать у Бориса отцовское наслѣдство.

Думы Бориса Годунова. *(А. С. Пушкина).*

Достигъ я высшей власти;
Шестой ужъ годъ я царствую спокойно.
Но счастья нѣтъ моей душѣ...
Напрасно мнѣ кудесники сулятъ
Дни долгіе, дни власти безмятежной,—
Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ:
Предчувствую небесный громъ и горе.
Мнѣ счастья нѣтъ. Я думалъ свой народъ
Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
Щедротами любовь его снискать,—
Но отложилъ пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна,
Они любить умѣютъ только мертвыхъ.
Безумны мы, когда народный плескъ **)
Иль ярый вопль тревожатъ сердце наше.
Богъ насылалъ на землю нашу гладъ,
Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая,
Я отворилъ имъ житницы; я злато
Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы,—
Они жъ меня, бѣснуясь, проклинали!
Пожарный огнь ихъ домы истребилъ,—
Я выстроилъ имъ новыя жилища:

---

*) Тогда была построена и колокольня Ивана Великаго.
**) Рукоплесканія, одобреніе.

Они жъ меня пожаромъ упрекали! *)
Вотъ черни судъ: ищи жъ ея любви!
Въ семьѣ моей я мнилъ найти отраду,
Я дочь мою мнилъ осчастливить бракомъ;
Какъ буря, смерть уноситъ жениха:
И тутъ молва лукаво нарекаетъ
Виновникомъ дочерняго вдовства
Меня, меня, несчастнаго отца!.. **)
Кто ни умретъ,—я всѣхъ убійца тайный:
Я ускорилъ Ѳеодора кончину,
Я отравилъ свою сестру-царицу,
Монахиню смиренную... все я!
Ахъ, чувствую: никто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина развѣ совѣсть,—
Такъ, здравая, она восторжествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клеветою;
Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелося,
Тогда бѣда: какъ язвой моровой
Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ стучитъ въ ушахъ упрекомъ;
И все тошнитъ, и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ...
И радъ бѣжать, да некуда... Ужасно!
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть не чиста.

Борисъ Годуновъ съ дѣтьми. *(А. С. Пушкина).*

Царскія палаты. Царевна Ксенія держитъ портретъ своего умершаго жениха и плачетъ. Царевичъ Ѳеодоръ чертитъ географическую карту.

Ксенія *(цѣлуетъ портретъ).* Милый мой женихъ, прекрасный королевичъ! Не мнѣ ты достался, не своей невѣстѣ, а темной мо-

---

*) Это было при Ѳеодорѣ. Государь уѣхалъ на богомолье, а въ Москвѣ случился страшный пожаръ. Враги Годунова распустили молву, что это онъ поджегъ Москву, чтобы государь воротился, а ѣхалъ онъ будто бы въ Угличъ узнать правду объ убіеніи царевича Димитрія.

**) Женихъ Ксеніи, принцъ датскій, пріѣхалъ въ Москву, и здѣсь вскорѣ умеръ отъ горячки. Враги Годунова говорили, что онъ уморилъ принца, видя къ нему любовь всего народа.

гилкѣ, на чужой сторонкѣ. Никогда не утѣшусь, вѣчно по тебѣ буду плакать.

(Входитъ Борисъ).

Царь. Что, Ксенія? Что, милая моя?
Въ невѣстахъ ужъ печальная вдовица?
Все плачешь ты о мертвомъ женихѣ.
Дитя мое! Судьба мнѣ не судила
Виновникомъ быть вашего блаженства.
Я, можетъ-быть, прогнѣвалъ небеса,
Я счастіе твое не могъ устроить;
Безвинная! Зачѣмъ же ты страдаешь?..
А ты, мой сынъ, чѣмъ занятъ? Это что?

Ѳеодоръ. Чертежъ земли московской; наше царство
Изъ края въ край. Вотъ видишь: тутъ Москва,
Тутъ Новгородъ, тутъ Астрахань. Вотъ—море.
Вотъ—Пермскіе дремучіе лѣса,
А вотъ—Сибирь.

Царь. А это что такое
Узоромъ здѣсь вїется?

Ѳеодоръ. Это Волга.

Царь. Какъ хорошо! Вотъ сладкій плодъ ученья!
Какъ съ облаковъ, ты можешь обозрѣть
Все царство вдругъ: границы, грады, рѣки.
Учись, мой сынъ: наука сокращаетъ
Намъ опыты быстротекущей жизни.
Когда-нибудь, и скоро, можетъ-быть,
Всѣ области, которыя ты нынѣ
Изобразилъ такъ хитро на бумагѣ,
Всѣ подъ руку достанутся твою.
Учись, мой сынъ, и легче и яснѣе
Державный трудъ ты будешь постигать.

ЛѢТОПИСЕЦЪ. (*А. С. Пушкинъ.*).

Сцена въ Чудовомъ монастырѣ. (Ночь).

Отецъ Пименъ, Григорій (спящій).

Пименъ. *(Пишетъ передъ лампадой).*
Еще одно, послѣднее сказанье,—
И лѣтопись окончена моя;
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ, грѣшному. Недаромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ

И книжному искусству вразумилъ:
Когда-нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безыменный;
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду,
И, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ.
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро,
А за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляютъ...
    На старости я сызнова живу;
Минувшее проходитъ предо мною...
Давно ль оно неслось, событій полно,
Волнуясь, какъ море-океанъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Немного лицъ мнѣ память сохранила,
Немного словъ доходитъ до меня,
А прочее погибло невозвратно!..
Но близокъ день, лампада догораетъ,—
Еще одно, послѣднее сказанье. (*Пишетъ*).

Григорій. (*Пробуждается*). Все передъ лампадой
Старикъ сидитъ да пишетъ—и дремотой,
Знать, во всю ночь онъ не смыкалъ очей.
Какъ я люблю его спокойный видъ,
Когда, душой въ минувшемъ погруженный,
Онъ лѣтопись свою ведетъ; и часто
Я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ:
О темномъ ли владычествѣ татаръ?
О казняхъ ли свирѣпыхъ Іоанна?
О бурномъ ли новогородскомъ вѣчѣ?
О славѣ ли отечества? Напрасно!
Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ;
Все тотъ же видъ—смиренный, величавый...
Такъ точно дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый,
Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Пименъ. Проснулся, братъ?
Григорій. Благослови меня,
Честный отецъ!

Пименъ. Благослови, Господь,
Тебя и днесь, и присно, и вовѣки.

Григорій. Давно, честный отецъ,
Хотѣлось мнѣ тебя спросить о смерти
Димитрія-Царевича; въ то время
Ты, говорятъ, былъ въ Угличѣ.

Пименъ. Охъ, помню!
Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ
На нѣкое былъ усланъ послушанье.
Пришелъ я въ ночь. Наутро, въ часъ обѣдни,
Вдругъ слышу звонъ... ударили въ набатъ;
Крикъ, шумъ... Бѣгутъ на дворъ царицы. Я
Спѣшу туда жъ, а тамъ уже—весь городъ.
Гляжу:—лежитъ зарѣзанный царевичъ;
Царица-мать въ безпамятствѣ надъ нимъ,
Кормилица въ отчаяньи рыдаетъ,
А тутъ народъ, остервенясь, волочитъ
Безбожную предательницу мамку...
Вдругъ между нихъ, свирѣпъ, отъ злости блѣденъ,
Является Іуда — Битяговскій.
—„Вотъ, вотъ злодѣй!"—раздался общій вопль,
И вмигъ его не стало. Тутъ народъ
Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ убійцамъ;
Укрывшихся злодѣевъ захватили
И привели предъ теплый трупъ младенца,
И чудо,—вдругъ мертвецъ затрепеталъ!
—„Покайтеся!"—народъ имъ завопилъ:
И въ ужасѣ, подъ топоромъ, злодѣи
Покаялись—и назвали Бориса.
Сей повѣстью плачевной заключу
Я лѣтопись свою. Съ тѣхъ поръ я мало
Вникалъ въ дѣла мірскія.—Но звонятъ
Къ заутренѣ... Благослови, Господь,
Своихъ рабовъ!.. Подай костыль, Григорій! *(Уходитъ).*

Григорій. Борисъ, Борисъ! Все предъ тобой трепещетъ,
Никто тебѣ не смѣетъ и напомнить
О жребіи несчастнаго младенца;
А между тѣмъ отшельникъ въ темной кельѣ,
Здѣсь на тебя доносъ ужасный пишетъ:
И не уйдешь ты отъ суда мірского,
Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда.

Димитрій Самозванецъ (*1605 г.*).

Богатый польскій вельможа, князь Адамъ Вишневецкій, жилъ по-царски и держалъ при себѣ большую деревню, цѣлые отряды тѣлохранителей, охотниковъ и всякаго званія людей служилыхъ (такъ жили и всѣ богатые польскіе паны.) Въ число слугъ князя поступилъ какой-то безвѣстный скиталецъ,—выходецъ московскій. Онъ вскорѣ занемогъ, слегъ въ постель и, готовясь къ смерти, позвалъ къ себѣ православнаго священника. На исповѣди говоритъ онъ такія рѣчи:—«Когда умру, похорони меня, какъ царскаго сына. Возьми тогда изъ-подъ моей подушки бумагу, и все про меня узнаешь; а теперь пока никому не говори объ этомъ ни слова». Но священникъ сейчасъ же доложилъ обо всемъ Вишневецкому, а тотъ приказалъ взять у больного бумагу, а въ ней было написано, что подъ видомъ слуги скрывается сынъ Грознаго, царевичъ Димитрій; онъ, будто бы, чудесно спасся отъ убійцъ, посланныхъ Годуновымъ.

Вишневецкому было пріятно, что въ числѣ его слугъ оказался сынъ царскій; ему хотѣлось, чтобы весь свѣтъ узналъ объ этомъ. Бродягу старательно лѣчили, и онъ выздоровѣлъ вскорѣ. Гордый вельможа одѣлъ самозванца въ богатое платье, приблизилъ къ себѣ и сталъ всѣмъ показывать. Съѣхались родные, друзья и знакомые, пошли разгульные пиры, удалыя потѣхи. Самозванецъ говорилъ умно и пріятно, а въ удали и лихомъ наѣздничествѣ не уступалъ и самимъ панамъ. Всѣмъ онъ полюбился, а за несчастную судьбу его жалѣли, и всѣ порѣшили, что это—истинный царевичъ Димитрій. Радовался князь Вишневецкій и говорилъ, что этого дѣла такъ нельзя оставить, что надо помочь царевичу занять престолъ отцовскій.

Повезъ Вишневецкій самозванца къ своему тестю, Сандомирскому воеводѣ, Юрію Мнишекъ. И тотъ обрадовался, какъ узналъ, какого гостя привезъ къ нему Вишневецкій. Домъ Мнишка закипѣлъ гостями, начались шумные пиры, цѣлыя ночи напролетъ танцовали. Не уступалъ никому самозванецъ ни въ танцахъ, ни въ ловкомъ обращеніи съ дѣвицами. А изъ всѣхъ дѣвицъ не было нарядпѣе и краше дочери стараго Мнишка,—красавицы Марины. Полюбилась самозванцу разгульная жизнь польскихъ пановъ, полюбилась и красавица Марина, да сказать объ этомъ пока еще не смѣлъ онъ ни

слова. Видѣлъ все это старый Мнишекъ и про себя думалъ, что хорошо бы Маринѣ быть Московскою царицей.

Явилось теперь много друзей у самозванца: Вишневецкій и Мнишекъ, ихъ знакомые, и родные, и множество дворянъ польскихъ. Явились и еще болѣе сильные друзья,—католическіе монахи-іезуиты.

Іезуиты имѣли въ Польшѣ большую силу, ихъ слушались всѣ—и король, и вельможи, и простые люди. Іезуиты обѣщались во всемъ помогать самозванцу, если онъ вмѣстѣ съ московскимъ народомъ приметъ католическую вѣру и подчинится Римскому папѣ. Самозванецъ съ радостью на все согласился.

Привезли самозванца къ польскому королю Сигизмунду. Королю было выгодно, чтобы на Руси загорѣлась смута: легко тогда будетъ взять верхъ надъ сильнымъ и опаснымъ сосѣдомъ. Милостиво принялъ король самозванца, призналъ его Димитріемъ, княземъ московскимъ, назвалъ своимъ другомъ, назначилъ ему жалованье, хоть и не очень большое, и позволилъ набирать въ Польшѣ войско, чтобы воевать съ Борисомъ.

Торжественно возвратился самозванецъ къ Юрію Мнишку и сталъ теперь гораздо смѣлѣе. Полетѣли отъ него грамоты въ Россію, чтобы русскій народъ отрекся отъ Бориса и покорился ему, законному государю.

А у воеводы Мнишка, тѣмъ временемъ, опять пошли пиры и веселье, и самозванецъ открылся теперь въ своей любви Маринѣ.— «Когда займешь престолъ московскій, тогда и буду я твоею женою»— сказала самозванцу гордая полька. А старый Мнишекъ, не откладывая дѣла, взялъ у самозванца запись, что онъ женится на Маринѣ, что выдастъ большую сумму денегъ на приданое и на дорогу невѣстѣ, что уплатитъ долги будущаго тестя и отдастъ ему во владѣніе нѣсколько городовъ и областей русскихъ.

Вишневецкій и Мнишекъ стали вербовать самозванцу войско. Собралось 1600 человѣкъ всякаго сброда, падкаго до грабежа и разгула. Стали приходить бѣглецы и бродяги изъ Россіи искать у самозванца милости и службы. Пришла и казацкая вольница съ Дона. Съ этимъ сбродомъ и двинулся самозванецъ добывать престолъ московскій.

Противъ самозванца Борисъ послалъ къ польской границѣ большое войско. По всему русскому царству объявлено было, что идетъ

изъ Польши не царевичъ Димитрій, а бѣглый монахъ изъ Чудова монастыря, Гришка Отрепьевъ, принявшій на себя Димитрія царевича имя. Гришку Отрепьева, какъ самозванца, по всѣмъ церквамъ всенародно проклинали. А народъ про себя думалъ:—«пусть проклинаютъ Отрепьева,—Димитрію царевичу до этого нѣтъ никакого дѣла».

Самозванецъ уже перешелъ русскую границу, и вездѣ народъ встрѣчалъ его съ хлѣбомъ солью, кричали ему многая лѣта. Города сдавались безъ боя. Только Новгородъ Сѣверскій оказалъ сопротивленіе: воевода Басмановъ разбилъ самозванца, и сбродное войско чуть не разбѣжалось. Но сила самозванца была не въ немъ самомъ и не въ его войскѣ, а въ смутѣ народной.

Борисъ видѣлъ шаткость войска и народа, увѣренъ былъ, что противъ него—и всѣ бояре; понималъ онъ, что не одолѣть ему смуты, и мучился въ страшной душевной тревогѣ. Однажды утромъ онъ всталъ здоровымъ и веселымъ, а послѣ почувствовалъ сильное колотье, пошатнулся, упалъ, хлынула кровь изъ ушей и носа,—и Борисъ скоропостижно умеръ.—Въ народѣ прошелъ слухъ, что Борисъ отравился.

Въ войскахъ, высланныхъ противъ самозванца, произошла смута, и всѣ передались на сторону самозванца.

Теперь самозванецъ, безъ всякій препятствій, торжественно, какъ царь, въ Москву идетъ: вездѣ его встрѣчаютъ при колокольномъ звонѣ—съ хоругвями и образами, съ хлѣбомъ и солью.—«Будь здоровъ, царь Димитрій Иванычъ!»—радостно кричатъ несмѣтныя толпы народа.

И въ Москвѣ бояре и народъ объявили себя за самозванца. Сынъ Бориса Годунова былъ убитъ вмѣстѣ съ матерью своею, и безвѣстный скиталецъ возведенъ смутою на престолъ царей московскихъ,—на тяжкую погибель русскаго народа.

Окружилъ себя самозванецъ поляками и нѣмцами и сталъ управлять дѣлами государства. Онъ часто говаривалъ своимъ приближеннымъ:—«Есть два способа властвовать надъ людьми: милосердіемъ и щедростью, или же суровостью и казнями; я избралъ первый способъ и далъ Богу обѣтъ не проливать крови моихъ подданныхъ». И самозванецъ старался показать себя ко всѣмъ милостивымъ и справедливымъ.

Но не покинулъ самозванецъ обычаевъ польскихъ, и не по душѣ были русскимъ людямъ привычки новаго государя: передъ обѣдомъ и послѣ обѣда онъ не умывалъ рукъ и не молился; во время царскаго стола музыка играла; ѣлъ самозванецъ кушанья запретныя (телятину) и постовъ не соблюдалъ; послѣ обѣда спать не ложился, а пѣшкомъ прогуливался по городу, запросто разговаривалъ съ каждымъ встрѣчнымъ. Любилъ самозванецъ удалыя, молодецкія потѣхи: какъ простой охотникъ, выходилъ одинъ на-одинъ на дикаго звѣря, на лихихъ коняхъ любилъ ѣздить. Подведутъ ему дикаго степного скакуна, онъ мигомъ вскочитъ и понесется вихремъ, будто лихой казакъ-наѣздникъ.—«Не по-царски и не по-русски живетъ новый государь»,—думали про себя степные русскіе люди:—«ужъ царскій ли, полно, онъ сынъ? Настоящій ли онъ русскій?»

А всего больше возмущались русскіе люди тѣмъ, что самозванецъ не соблюдаетъ древнихъ обычаевъ и обрядовъ церковныхъ, равнодушенъ къ православной вѣрѣ. Въ откровенной бесѣдѣ самозванецъ говаривалъ такія рѣчи:—«У насъ на Руси соблюдаютъ только обряды, смысла ихъ не знаютъ. Вы поститесь, почитаете иконы, но совсѣмъ не понимаете смысла христіанской вѣры. Считаете себя самымъ праведнымъ народомъ въ мірѣ, а другъ друга любите мало и мало добра творите. Зачѣмъ вы иновѣрцевъ презираете? Они образованнѣе васъ, и живутъ лучше, да и вѣра ихняя такая же христіанская, какъ и ваша». Такія рѣчи и великая любовь самозванца къ иновѣрцамъ всѣхъ возмущали, и благочестивые люди стали думать:—«Ужъ не отрекся ли царь отъ православной вѣры! Не еретикъ ли онъ?»

Недовольство еще больше усилилось, когда прибыли въ Москву Юрій Мнишекъ съ Мариной, царскою невѣстой. Съ ними наѣхало въ Москву множество пановъ съ большими отрядами войска. Марина не захотѣла перемѣнить своей вѣры, а ее и короновали и съ царемъ повѣнчали. Вѣнчанье совершилось противъ правилъ церковныхъ—подъ пятницу, да еще наканунѣ Николина дня. Пошли шумные пиры. Всѣ ночи напролетъ во дворцѣ музыка гремѣла, а самъ самозванецъ, лихой танцоръ, плясалъ до упаду. И все это творилось въ Кремлѣ, среди древнихъ соборовъ и вѣковой Святыни. До этого раздавался здѣсь только благовѣстъ, слышалось церковное пѣніе, а теперь шелъ буйный разгулъ, гремѣла музыка.

А хвастливые и буйные поляки, вмѣстѣ съ вольницей казацкою, вели себя въ Москвѣ нагло и безчинно, рубили встрѣчныхъ саблями, вламывались въ дома и творили всякія насилія.—«Вся царская казна перейдетъ въ наши руки», хвалились буяны. «Что вашъ царь! Мы дали царя въ Москвѣ: что захотимъ, то и сдѣлаемъ!»

Но недолго веселился съ полками самозванецъ. На девятый день послѣ свадьбы, въ три часа утра, когда во дворцѣ всѣ мертвымъ сномъ спали послѣ шумнаго пира, вдругъ по Москвѣ—во всѣхъ церквахъ разомъ—загудѣлъ набатъ зловѣщій. Толпы народа съ дубинами, съ ружьями и саблями хлынули въ Кремль.—«Поляки хотятъ убить царя! Бейте поляковъ!»—ревѣла толпа. Впереди всѣхъ ѣхалъ верхомъ на конѣ князь Василій Ивановичъ Шуйскій съ крестомъ въ одной рукѣ, съ мечемъ—въ другой. Онъ и составилъ противъ самозванца заговоръ. Нужно было Шуйскому перебить поляковъ, а главное надо было убить самозванца; но не посмѣли заговорщики сказать этого народу, а сказали другое,—будто поляки хотятъ убить царя; искони вѣковъ глубоко уважалъ народъ санъ царскій и не поднялъ бы руки на самозванца. Ворвались заговорщики во дворецъ, перебили всю стражу, вломились въ царскіе покои. Самозванецъ думалъ найти себѣ спасенье на внутреннемъ дворѣ, гдѣ стояла стража изъ стрѣльцовъ, спустился изъ окна по лѣсамъ (въ это время дворецъ перестраивался), но сорвался, упалъ и сильно расшибся. Стрѣльцы окружили самозванца и подали ему помощь. Онъ сталъ просить, чтобы отнесли его на площадь къ народу, и за это сулилъ раздать стрѣльцамъ имѣнья бояръ мятежныхъ. Стрѣльцы обѣщались постоять за своего государя, но появились заговорщики; и пригрозили стрѣльцамъ, что пойдутъ въ ихъ домы и перебьютъ дѣтей и женъ, а имѣнье отдадутъ народу на разграбленіе. Стрѣльцы уступили. Тогда заговорщики схватили самозванца, сорвали съ него одежду, ругались надъ нимъ, били, поволокли ко дворцу и на дорогѣ убили. А разъяренная толпа избивала въ это время поляковъ. Шесть часовъ сряду гремѣлъ набатъ и совершалась дикая расправа. Народу было объявлено, что царствовалъ не сынъ Іоанна Грознаго, а самозванецъ-обманщикъ.

Истерзанный трупъ самозванца веревками поволокли на Красную площадь и бросили тамъ на всеобщее поруганіе. Одинъ бояринъ положилъ на трупъ маску и волынку, а въ ротъ всунулъ дудку: «ско-

морохъ-де былъ самозванецъ, любилъ музыку, пляску и всякія потѣхи». Черезъ три дня трупъ свезли за городъ, зарыли было въ землю, но потомъ опять отрыли и сожгли на кострѣ, а пепелъ съ порохомъ смѣшали, зарядили пушку и выстрѣлили въ ту сторону, откуда пришелъ самозванецъ.

Царствовалъ самозванецъ безъ трехъ дней одиннадцать мѣсяцевъ.

Народная смута и боярское своевольство возвели безвѣстнаго скитальца на престолъ царскій; но та же смута и заговоръ бояръ властолюбивыхъ низвергли самозванца и предали его всенародному поруганію.

Воцареніе Василія Шуйскаго.

Съ крестомъ въ рукѣ шелъ противъ самозванца князь Шуйскій,— но не за православную вѣру, не за родную землю обнажилъ онъ свой мечъ: Шуйскому хотѣлось захватить царскую власть въ свои руки. Послѣ низверженія самозванца, пособники Шуйскаго провозгласили его царемъ, не спросивъ на то согласія земли Русской.

Какъ только Шуйскій вѣнчался на царство, бояре завистники и противники его стали говорить, что онъ незаконно занялъ престолъ царскій: «Шуйскій ложно объявилъ, будто царь Димитрій—самозванецъ-обманщикъ; да онъ и не погибъ лютою смертью, а живъ, и ужъ собираетъ новое войско себѣ на защиту».

Многіе вѣрили этимъ слухамъ, а иные только притворялись, что вѣрятъ.

Шуйскій объявилъ народу, что царевичъ Димитрій въ Угличѣ злодѣями зарѣзанъ, и приказалъ перенести мощи царевича въ Москву.

Со всѣмъ духовенствомъ и съ боярами царь Шуйскій вышелъ на край Москвы навстрѣчу мощамъ, самъ несъ ихъ по всему городу вплоть до Архангельскаго собора. При этомъ прославляли святость невиннаго младенца, погибшаго подъ ножами убійцъ. Но всѣ помнили, какъ Шуйскій при Борисѣ Годуновѣ показывалъ, что царевичъ самъ себя зарѣзалъ въ припадкѣ падучей болѣзни, и Шуйскому никто ужъ теперь не вѣрилъ.

Бѣглый холопъ Болотниковъ.

Князь Шаховской, пострадавшій за свою преданность самозванцу, собираетъ ополченіе на защиту царя Димитрія, скрывшагося, будто бы, изъ Москвы. У Шаховского нашелся способный на злое дѣло помощникъ—бѣглый холопъ Иванъ Болотниковъ. Это былъ человѣкъ, много на своемъ вѣку испытавшій: жилъ онъ въ плѣну у татаръ, оттуда его продали въ неволю туркамъ, изъ плѣна бѣжалъ, проживалъ за границей и явился на родину, когда услыхалъ о великой на Руси смутѣ. Болотниковъ хорошо зналъ военное дѣло и понималъ, чѣмъ можно къ себѣ привлечь народъ. Въ своихъ грамотахъ онъ призывалъ крестьянъ къ возстанію, отъ имени царя Димитрія сулилъ имъ волю, а за вѣрную службу обѣщалъ всѣмъ почести и богатство.

Цѣлыми толпами хлынули къ мятежнику бѣглые холопы и гулящіе люди, промышлявшіе воровствомъ и разбоемъ. Но за этимъ сбродомъ стали являться къ Болотникову и всѣ тѣ, кто оставался вѣрнымъ присягѣ Димитрію. Приходили посадскіе и служилые; собирались стрѣльцы изъ разныхъ городовъ; явился дворянинъ Прокопій Ляпуновъ, поднявшій за Димитрія всю Рязанскую область. Со всѣхъ сторонъ шли цѣлыя ополченія, и смута по Руси разлилась, словно бурное пламя пожара при сильномъ вѣтрѣ.

Шуйскій выслалъ противъ мятежниковъ войско; но оно было разбито и разбѣжалось. Помѣщики и служилые люди не хотѣли оставаться при царскомъ войскѣ и бѣжали домой—къ своимъ семьямъ, которымъ грозила опасность.

Болотниковъ безпрепятственно дошелъ до Москвы и расположился близъ столицы станомъ. Шайки Болотникова грабили обозы, опустошали окрестности. Въ Москвѣ страдали отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ. Изъ своего стана Болотниковъ разсылалъ во множествѣ подметныя письма, поднимая чернь противъ высшихъ сословій.

Но этотъ дикій призывъ къ грабежу и убійству былъ по душѣ лишь ворамъ да разбойникамъ: Прокопій Ляпуновъ и другіе лучшіе люди образумились, отошли отъ мятежниковъ и явились со своими отрядами къ царю Шуйскому съ повинною головою. Царь принялъ ихъ съ радостью, простилъ имъ вину и даже обласкалъ и наградилъ всѣхъ.

Подъ стѣнами Москвы произошла битва. Царскій племянникъ юный князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій разбилъ Болотникова и разогналъ его разбойничье войско.

Болотниковъ бѣжалъ въ Тулу и долго еще защищался, но принужденъ былъ сдаться и получить достойную казнь вмѣстѣ съ другими вожаками народнаго возмущенія.

Но русскую землю ожидали впереди еще болѣе тяжкія испытанія.

Тушинскій воръ. *(Второй самозванецъ).*

Болотниковъ поднялъ бунтъ именемъ Димитрія, но самого его онъ и въ глаза никогда не видѣлъ.

Новый самозванецъ (второй Лжедимитрій), наконецъ, явился. Кто онъ былъ, никто и до сихъ поръ не знаетъ. Но всѣ, кромѣ темнаго люда, и тогда понимали, что это завѣдомый обманщикъ: онъ даже и на лицо не похожъ былъ на перваго самозванца. Случайно назвавшись Димитріемъ, онъ самъ отрекался отъ своего самозванства, порывался бѣжать, но его крѣпко держали всѣ, кому выгодна была смута.

Главную силу второго самозванца составляли поляки и казаки. Явился въ Литвѣ знаменитый наѣздникъ Лисовскій, бѣжавшій отъ смертной казни; пріѣхали съ большими отрядами польскіе вельможи, охотники до разгульной жизни; цѣлыми сотнями приходили польскіе дворяне; должники, бѣжавшіе отъ заимодавцевъ, промотавшіеся и проигравшіеся гуляки. Явились въ большомъ числѣ запорожскіе и донскіе казаки (послѣднихъ привелъ атаманъ Заруцкій). Эти полчища бродягъ и хищниковъ, какъ стаи волковъ, голодныхъ и жадныхъ, хлынули на Русь и безъ того уже истерзанную смутой.

Не надѣясь поднять извѣрившійся народъ однимъ именемъ Димитрія, самозванецъ въ своихъ грамотахъ отдавалъ крестьянамъ земли вѣрныхъ Шуйскому бояръ и помѣщиковъ, разрѣшалъ грабить господъ, избивать ихъ.

Грамоты самозванца читались въ народѣ, и чернь бушевала. Нашлись и между боярами такіе, которые не побоялись заклеймить себя навѣки позоромъ,—подговаривали народъ и войско отречься отъ

царя Василія и предаться самозванцу. Городъ за городомъ сдавались—иные по доброй волѣ, а другіе изъ страха. Самозванецъ—къ Москвѣ и расположился станомъ при селѣ Тушинѣ (почему и названъ Тушинскимъ воромъ).

Узнавъ, что Мнишекъ съ дочерью возвращается въ Польшу, самозванецъ перехватилъ ихъ на дорогѣ. Отцу онъ пообѣщалъ триста тысячъ рублей и нѣсколько городовъ въ подарокъ; и этотъ продажный человѣкъ уговорилъ свою дочь забыть женскій стыдъ и честь и признать бродягу своимъ мужемъ. Это сильно увеличило въ народѣ вѣру въ самозванца.

Съ каждымъ днемъ усиливалось войско мятежниковъ, приходили новыя и новыя шайки поляковъ и русскихъ. Село Тушино стало городомъ оживленнымъ. Въ разноплеменномъ станѣ шелъ дикій разгулъ и буйное веселье.

Немного уже оставалось городовъ, вѣрныхъ царю Шуйскому,—они казались мелкими островками на бурномъ, мятежномъ океанѣ. Самозванецъ не хотѣлъ брать Москвы приступомъ только потому, что со дня на день ждалъ добровольной сдачи.

Польскіе воеводы рѣшили завладѣть послѣднимъ оплотомъ Москвы—Троицкой лаврой, которая славилась притомъ и своимъ богатствомъ. Шуйскій выслалъ, было, противъ нихъ большое войско, но поляки разбили на голову царское войско и забрали множество плѣнныхъ.

Ужасъ объялъ столицу. Казалось, исчезалъ послѣдній лучъ надежды и конецъ приближался. Народъ толпами повалилъ изъ Москвы къ самозванцу. За народомъ поѣхали знатные бояре и служилые люди. Нашлось много безчестныхъ людишекъ, которые клялись царю въ вѣрности, получали отъ него жалованье и награды и сейчасъ же уходили въ Тушино, чтобы и тамъ получить деньги. Иные такіе «перелеты» по пяти по шести разъ туда и сюда перебѣгали, забывая честь и совѣсть. Жадные до наживы торговцы везли въ Тушино всякіе припасы и товары, даже оружіе, и потомъ опять возвращались въ Москву, какъ ни въ чемъ не бывало. Не хотѣли думать всѣ эти своекорыстные люди, что они дѣйствуютъ заодно съ мятежниками, губятъ вмѣстѣ съ ними родную землю, готовятъ гибель себѣ и своимъ дѣтямъ.

Но царь Василій Шуйскій не теряетъ бодрости и надежды. Окруженный боярами вѣроломными, чиновниками продажными, чернью

мятежною, Шуйскій изыскиваетъ всякія средства, чтобы одолѣть смуту и спасти Русь отъ конечной погибели. Когда голодная чернь толпами приступала къ царю и кричала, что нѣтъ больше силъ терпѣть, Шуйскій вмѣстѣ съ патріархомъ усовѣщеваетъ богатыхъ хлѣботорговцевъ сбавить на хлѣбъ цѣну,—но корыстолюбцы были глухи и не знали ни совѣсти, ни состраданья. Тогда царь съ патріархомъ прибѣгаютъ къ помощи Троицкой лавры, имѣвшей въ Москвѣ громадные склады хлѣба. Появленіе этого хлѣба на базарѣ понизило цѣны и нѣсколько успокоило голодную чернь. Царь повсюду разсылаетъ указы, чтобы дворяне ѣхали въ Москву на службу, грозитъ ослушникамъ смертною казнью. Не находя средствъ для борьбы въ своемъ народѣ, Шуйскій посылаетъ своего племянника Михаила Скопина-Шуйскаго искать помощи у шведовъ. Въ то же время воевода Шеинъ собираетъ рать въ Смоленскѣ, а Шереметевъ—въ Нижнемъ-Новгородѣ и Поволжьѣ.

Но болѣе всего помогли ослабить смуту сами же мятежники. Шайки самозванца чинили по селамъ и городамъ разбои, насилія и всякія злодѣйства: церкви, монастыри разграблены; святыня поругана; въ безлюдныхъ городахъ и селахъ ютятся дикіе звѣри, а люди въ лѣсъ убѣжали. Это дикое насиліе образумило народъ, и въ разныхъ мѣстахъ возстали противъ мятежниковъ крестьяне; поднялись противъ воровъ города и цѣлыя области, чтобы водворить порядокъ, безъ чего и жить невозможно.

А князь Скопинъ-Шуйскій собралъ ужъ въ новгородскихъ земляхъ ополченіе и ведетъ стройную рать Шведовъ.

Въ то же время Сигизмундъ, король польскій, желая воспользоваться смутой, самъ двинулся съ войскомъ къ Смоленску и послалъ приказъ въ станъ самозванца, чтобы всѣ поляки шли къ нему, королю, не медля.

Самозванецъ, опасаясь, что поляки его покинутъ, спрашиваетъ главнаго предводителя своихъ войскъ:—«Послушаются или нѣтъ поляки королевскаго приказа?» А тотъ ему отвѣтилъ:—«Какое тебѣ до этого дѣло? Чортъ знаетъ, кто ты таковъ! Довольно мы крови за тебя пролили, а пользы для себя никакой не видимъ».—Въ ту же ночь самозванецъ, переодѣвшись въ крестьянское платье, сѣлъ въ розвальни и сбѣжалъ въ Калугу. За нимъ поспѣшила и Марина. Тогда поляки порѣшили, что имъ въ Тушинѣ нечего больше дѣлать, и

пошли подъ Смоленскъ къ королю на службу.—Такъ и опустѣлъ станъ Тушинскаго вора.

Осада Троицко-Сергіевской лавры (*1610 г.*).

Въ то время, когда на Руси царствовало своевольство, и каждый думалъ только о своей пользѣ, иноки Троицко-Сергіевской лавры показали, какъ надо стоять за родину и вѣру.

Монастырь давалъ пріютъ всѣмъ беззащитнымъ—женщинамъ и дѣтямъ, больнымъ и калѣкамъ. Великая тѣснота была тамъ. Но иноки, по завѣту св. Сергія, не только никому не отказывали въ призорѣ, но и сами разыскивали и подбирали раненыхъ и всякихъ несчастныхъ.

Кромѣ того, обитель содержала въ своихъ стѣнахъ около двухъ тысячъ людей ратныхъ. То и дѣло выѣзжали изъ монастыря вооруженные отряды, разбивали разбойничьи шайки, отбивали воровскіе обозы, отнимали награбленное добро.

Служила Троицкая лавра родной землѣ и святымъ горячимъ словомъ: иноки разсылали по всей Руси грамоты, призывали всѣхъ постоять за провославную вѣру, за русскую святыню, за царя Василія Ивановича Шуйскаго, а измѣнникамъ грозили страшнымъ судомъ Господнимъ.

Много вреда причиняла лавра самозванцу, и онъ послалъ большой отрядъ войска (30 тысячъ), подъ начальствомъ Лисовскаго и Сапѣги, разорить обитель. Въ отрядѣ этомъ были и поляки, и казаки, и русскіе измѣнники. Войско со всѣхъ сторонъ окружило лавру, такъ что нельзя было ни войти въ обитель, ни выйти оттуда.

А защитники лавры цѣловали крестъ на гробѣ св. Сергія, что будутъ сидѣть въ осадѣ, за крѣпкими монастырскими стѣнами, безъ измѣны и до смерти стоять за гробъ св. Сергія.

Присылаетъ Сапѣга грамоту въ обитель: «Сдавайтесь царю Димитрію добровольно, тогда получите пощаду и большія награды; а будете сопротивляться, такъ не оставимъ камня на камнѣ и всѣхъ васъ погубимъ злою смертью».

Защитники лавры отвѣчали: — «Да вѣдаетъ ваше темное державство, что напрасно прельщаете насъ, малое стадо Христово. И мла-

денцы у насъ смѣются вашему безумному совѣту. Богатство всего міра не возьметъ за свое крестное цѣлованье».

Сапѣга хотѣлъ порѣшить дѣло сразу—и рѣшительно ударилъ на обитель. Но защитники отразили приступъ и много непріятеля перебили. Поубавилось спеси у поляковъ, и рѣшили они взять обитель *«изморомъ»*.

Началась тяжкая для троицкихъ *«сидѣльцевъ»* осада. Но въ монастырѣ не унывали, а иноки служили для всѣхъ примѣромъ: они неустанно молились, поочередно работали въ пекарнѣ и въ поварнѣ, служили больнымъ и немощнымъ, дни и ночи оставались на стѣнахъ,—съ крестомъ въ одной рукѣ, съ мечемъ въ другой, на смерть рубились съ непріятелемъ.

Наступила зима, и все тяжелѣе становилось осажденнымъ. Всѣ сбились въ малыхъ коморкахъ и кельяхъ. Припасы истощались, питались однимъ хлѣбомъ, да и то не до-сыта. За дровами выходили съ оружіемъ въ рукахъ и брали ихъ съ боя. Отъ тѣсноты и всякихъ лишеній начались болѣзни. Похоронное пѣніе и плачъ раздавались каждый день—съ утра и до ночи. Но всѣ по-прежнему говорили, что лучше умереть, чѣмъ сдаться.—Наступила весна, и всѣмъ стало полегче.

Шестнадцать мѣсяцевъ длилась тяжкая осада. Надоѣло это полякамъ, и рѣшили они опять сдѣлать рѣшительный приступъ. Замѣтили это въ обители и приготовились къ оборонѣ. Всѣ высыпали на стѣны—и монахи, и женщины, и дѣти. Архимандритъ со старцами молились въ церкви.

Вечеромъ, когда стемнѣло, грянулъ пушечный выстрѣлъ. Съ громкими криками, съ трубными звуками повалили враги на приступъ, лѣзли по лѣстницамъ, громили машинами стѣны. А «сидѣльцы» разили непріятеля изъ пушекъ и пищалей, метали со стѣнъ камни, обдавали кипящею смолою, бросали въ лицо зажженную сѣру, засыпали глаза мелкою известкой. Непріятель отступилъ на разсвѣтѣ съ большимъ урономъ. На слѣдующій день приступъ возобновился, но опять безуспѣшно.

Тутъ пришла вѣсть, что на помощь обители идетъ князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій, и мятежники сняли осаду.

Эта доблестная защита показала всѣмъ, какъ надо стоять за свя-

тую вѣру и родную землю, и навѣки покрыла Троицкую обитель неувядаемою славой.

Ночь передъ приступомъ. (*Гр. А. Толстого*).

Поляки ночью темною,
Предъ самымъ Покровомъ,
Со сбродною дружиною
Сидятъ передъ огнемъ,

Брянчатъ цыганки бубнами,
Наѣздники шумятъ;
Дѣлами душегубными
Грозитъ ихъ ярый взглядъ.

И всѣ стучатъ стаканами:
„Да здравствуетъ Литва“.
Такъ возгласами пьяными
Встрѣчаютъ Покрова.

А тамъ, едва замѣтная
Межъ сосенъ и дубовъ,
Во мглѣ стоитъ завѣтная
Обитель чернецовъ;

Монахи съ вѣрой пламенной
Во тьму вперили взоръ,
Вокругъ твердыни каменной
Ведутъ ночной дозоръ.

Всю ночь они морозную,
До утренней поры,
Рукою держатъ грозною
Кресты иль топоры.

Не разъ они предъ битвою
Презрѣвъ ночной покой,
Смиренною молитвою
Встрѣчали день златой;

Не разъ, сверкая взорами,
Они въ глубокій ровъ
Сбивали шестоперами *)
Литовскихъ удальцовъ.

Ни на день въ ихъ обители
Гласъ Божій не затихъ;
Блаженные святители
Въ окладахъ золотыхъ

Глядятъ на нихъ съ любовію;
Святыхъ ликуетъ хоръ:
Они своею кровію
Литвѣ дадутъ отпоръ!

Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій.

Пушечною и ружейною пальбою, радостными криками встрѣчали въ Новгородѣ русскіе своихъ новыхъ союзниковъ — шведовъ. Шведскій вождь Яковъ Делагарди ѣхалъ рука объ руку съ русскимъ полководцемъ Скопинымъ-Шуйскимъ, и народъ не могъ на нихъ налюбоваться. Оба они — почти юноши: Делагарди 27 лѣтъ, а Скопину всего 23 года. Князь Скопинъ-Шуйскій красивъ собою, статенъ, ласковъ, всѣхъ привлекаетъ къ себѣ благородною душою.

*) *Шестоперъ*, — боевое оружіе, булава, палица.

Трудное дѣло выпало на долю юнаго князя: нужно собрать въ опустѣвшей и разоренной землѣ и войско, и деньги, и припасы; придется шагъ за шагомъ отнимать у тушинцевъ города и села, водворить вездѣ порядокъ, оберегать освобожденныхъ отъ насилій. На юный князь уменъ и твердъ духомъ, а главное,—въ немъ горитъ страстное желаніе послужить несчастному отечеству, положить за него свою душу; а это утроило его силы и всѣхъ къ нему привлекло.

Юнаго полководца уже всѣ на Руси знали, всѣ въ него вѣрили, и всѣ его любили. Приказы Скопина повсюду исполнялись охотно. Собиралось ополченіе. Города, монастыри и всѣ лучшіе люди присылали деньги и припасы. И войско по одному его слову готово было идти въ огонь и въ воду. Уважали Скопина и шведы, а съ Делагарди онъ былъ въ самой тѣсной дружбѣ.

Соединенная рать двинулась къ Москвѣ, и первая же надъ мятежниками побѣда обнадежила всѣхъ въ дальнѣйшемъ успѣхѣ. Народъ жаждалъ конца смутѣ, искалъ защиты отъ насилій. Городъ за городомъ отрекались отъ Тушинскаго вора, клялись въ вѣрности царю Василію.

Самозванецъ выслалъ противъ Скопина большое войско, но оно было разбито. Тушинцы двинули на Скопина еще больше силы, а онъ пошелъ къ мятежникамъ навстрѣчу и прогналъ ихъ. Тогда главный тушинскій воевода самъ выступилъ со всѣмъ своимъ войскомъ противъ счастливаго героя. Произошла кровопролитная битва. Верхъ одержалъ опять Скопинъ, и тушинцы съ большимъ урономъ воротились въ свой воровской лагерь. Тушинскому вору приходилось плохо.

Скопинъ и Делагарди медленно, но твердо подвигались къ Москвѣ, очищая отъ мятежниковъ землю. Съ каждымъ шагомъ росло довѣріе народа къ своему герою, съ каждымъ днемъ росли и его силы: присылали ему запасы и деньги, со всѣхъ сторонъ шли къ нему отрядъ за отрядомъ. На Скопина всѣ смотрѣли, какъ на избранника Божія, посланнаго для спасенія погибающей Руси.

Вездѣ громко говорили въ народѣ, что Михаилъ Скопинъ-Шуйскій царскаго вѣнца достоинъ, что бездѣтный царь Василій объявитъ его наслѣдникомъ царскаго престола. А смѣлый и нетерпѣливый Прокопъ Ляпуновъ уже шлетъ къ Скопину посольство отъ Рязани, проситъ его быть царемъ московскимъ. Но не искалъ Скопинъ поче-

стей и славы, не желалъ и царской власти. Разорвалъ онъ грамоту Прокопа Ляпунова и съ гнѣвомъ отослалъ его посольство. Одно лишь желаніе было у героя: одолѣть смуту, разогнать мятежниковъ, освободить Москву, даровать Русской землѣ миръ и порядокъ.

А самозванецъ въ то время бѣжалъ отъ своего стана, поляки ушли подъ Смоленскъ,—опустѣлъ тушинскій лагерь. Москва стала свободна, отовсюду повезли въ столицу припасы.

Съ небывалою радостью и торжествомъ встрѣтила Москва излюбленнаго героя. Несмѣтныя толпы за городъ вышли, кланялись Скопину до земли, своимъ избавителемъ его величали. Бояре поднесли Михаилу хлѣбъ-соль. Самъ царь со слезами на глазахъ обнималъ и цѣловалъ его предъ народомъ. Пошли на радостяхъ пиры. Царь угощалъ и русскихъ и шведовъ, подарками щедро одѣлялъ всѣхъ. Хлѣбосольные москвичи наперерывъ зазывали къ себѣ гостей своихъ и иноземныхъ, всячески выражая имъ великую благодарность.

Скопинъ ужъ думалъ идти со шведами на выручку Смоленска, но Богъ судилъ иначе: нежданная смерть скосила надежду Россіи. На одномъ пиру вдругъ сдѣлалось Скопину дурно, кровь хлынула изъ носа, и черезъ нѣсколько дней онъ скончался. Видно, еще не исполнилась чаша народныхъ бѣдствій...

Роковая вѣсть поразила всѣхъ, какъ громомъ. Безчисленная толпа народа тѣснилась около гроба. Мать и жена обезпамятѣли съ отчаянья и горя. Громко и неутѣшно рыдалъ и царь Василій; хоронилъ онъ надежду Россіи, опускалъ въ могилу и свою опору.

Князя Скопина-Шуйскаго похоронили въ Архангельскомъ соборѣ, среди гробницъ Московскихъ государей.

Сверженіе Василія Шуйскаго.

Избавилась Русь отъ тушинскаго вора, а съ запада новая гроза поднялась: Сигизмундъ, король польскій, стоялъ съ большимъ войскомъ подъ Смоленскомъ, забиралъ города на западной и южной границѣ и заставлялъ всѣхъ присягать королевичу Владиславу, своему сыну. Наконецъ, онъ послалъ къ Москвѣ 30 тысячъ войска, чтобы взять столицу и объявить Владислава царемъ русскимъ.

Царь Василій Шуйскій отправилъ противъ поляковъ большое войско, подъ начальствомъ своего брата (Димитрія Шуйскаго). Встрѣтились оба войска, и русскіе отъ перваго же натиска поляковъ побѣжали. Поляки пошли къ Москвѣ и приводили на пути всѣхъ къ присягѣ королевичу Владиславу. Грамоты о присягѣ Владиславу читали всенародно на улицахъ и площадяхъ московскихъ. А подъ Москвой опять появился Тушинскій самозванецъ, собравшій вновь большое войско.

Василія Шуйскаго и прежде не любили, а теперь всѣ его обвиняли и въ смерти Михаила Скопина, и въ пораженіи войска, и во всѣхъ бѣдахъ и напастяхъ, какія обрушились на Русскую землю. Въ Москвѣ, по совѣту Прокопа Ляпунова, составился заговоръ, чтобы свести Шуйскаго съ престола, а потомъ избрать всею землею новаго государя изъ православныхъ—русскихъ. Шуйскій принужденъ былъ отречься отъ царской власти, и его насильно постригли въ монахи.

Присяга Владиславу.

Русь осталась безъ государя. Верховную власть взяли въ свои руки бояре; но въ числѣ ихъ не было Прокопа Ляпунова. Патріархъ Гермогенъ со всѣмъ духовенствомъ, лучшими гражданами и народомъ желали избрать въ цари либо князя Голицына, либо юнаго Михаила Романова (сына Филарета). Но теперь некогда было думать о созывѣ выборныхъ со всей Руси для избранія царя: подъ Москвой стояли съ одной стороны Тушинскій воръ, а съ другой—поляки.

Чтобы спасти Москву отъ самозванца, правители-бояре согласились присягнуть королевичу Владиславу, но съ тѣмъ, чтобы онъ до пріѣзда въ Москву принялъ православную вѣру. Снарядили къ Сигизмунду торжественное посольство—просить королевича на царство. По настоянію поляковъ, въ посольство избрали и князя Голицына, и митрополита Филарета, которыхъ считали опасными для Владислава. Гермогенъ заклиналъ пословъ не измѣнять православной вѣрѣ и Русскому государству, а Филаретъ отвѣчалъ за всѣхъ, что они скорѣе умрутъ, чѣмъ измѣнятъ.

Польское войско въ то же время вошло въ Москву и заняло Кремль, какъ бы для защиты столицы отъ Тушинскаго вора и водворенія на Руси порядка. И дѣйствительно, самозванецъ убѣжалъ изъ-подъ Москвы, и по всей Руси стали присягать Владиславу. Многіе радовались, что наступаетъ конецъ смутѣ; другіе-же, а въ числѣ ихъ и патріархъ Гермогенъ, скрывали свою горесть, ничего добраго впереди не ожидая.

Патріархъ Гермогенъ.

Не успѣла еще вся Русь присягнуть Владиславу, какъ Сигизмундъ потребовалъ, чтобы присягу перемѣнили: цѣловали бы крестъ ему самому, а не Владиславу, отдали бы ему немедленно Смоленскъ и во всемъ бы положились на его королевскую волю. Сигизмундъ замышлялъ присоединить Россію къ Польшѣ.

Московскіе правители-бояре, которыхъ Сигизмундъ щедро одарилъ московскою же казною, готовы были на все согласиться. Но поляки и русскіе измѣнники встрѣтили несокрушимое препятствіе въ патріархѣ Гермогенѣ. Когда они принесли ему подписать отвѣтную грамоту Сигизмунду о своемъ согласіи, Гермогенъ сказалъ:—«Напишите въ грамотѣ, чтобы король далъ своего сына на царство и вывелъ бы изъ Москвы поляковъ, чтобы королевичъ принялъ греческую вѣру, и тогда я приложу къ грамотѣ свою руку и васъ всѣхъ благословлю на это. А цѣловать крестъ королю не благословлю. Если и королевичъ воцарится, да вѣры единой съ нами не приметъ и не выведетъ отъ насъ поляковъ, тогда я благословлю всѣхъ идти на Москву и страдать до смерти«.

Патріархъ на другой день говорилъ проповѣдь въ соборѣ: изобличалъ правителей въ измѣнѣ, увѣщевалъ всѣхъ твердо стоять за православную вѣру.

Разослалъ Гермогенъ по всей Руси грамоты и въ нихъ писалъ это же:—«Если королевичъ не перемѣнитъ вѣры, а поляки не уйдутъ отъ насъ, то королевичъ намъ не государь».

Пришли отъ Филарета недобрыя вѣсти: пословъ держали, какъ плѣнниковъ, въ неволѣ, и принуждали ихъ покориться во всемъ Сигизмунду. Но Филаретъ и все посольство держались присяги, уго-

варивали и воеводу Шеина не сдавать полякамъ Смоленска, не слушаться приказа бояръ московскихъ.

Теперь ужъ и граждане, и народъ не хотѣли больше ни Сигизмунда, ни Владислава. Грамоты Гермогена призывали всю Русь возстать на защиту православной вѣры и идти въ Москву спасать отъ поруганія завѣтную святыню. Быстро разносились эти грамоты изъ города въ городъ; священники читали ихъ въ церквахъ, за обѣдней.

Какъ отъ сна, пробудился православный народъ. Города переписывались и сговаривались другъ съ другомъ; составлялись ополченія. Прокопій Ляпуновъ шелъ съ большою ратью для освобожденія Москвы отъ поляковъ.

Видятъ засѣвшіе въ Москвѣ поляки, что собирается гроза, и, вмѣстѣ съ русскими измѣнниками, приступили къ Гермогену, котораго держали въ темницѣ:— «Ты по городамъ разсылалъ грамоты, ты призывалъ всѣхъ на Москву идти: отпиши имъ, чтобы не ходили; не то, смотри,—не пройдетъ тебѣ это даромъ!» Гермогенъ отвѣчалъ:—«Если вы, измѣнники, вмѣстѣ съ поляками покинете Москву, я отпишу своимъ, чтобы вернулись, а нѣтъ, — посылаю имъ свое благословенье!»

Патріархъ Гермогенъ.

Одинъ изъ русскихъ измѣнниковъ выхватилъ изъ-за пояса ножъ и замахнулся на патріарха.

— «Не боюсь твоего ножа!»—сказалъ мужественно старецъ и, осѣнивъ злодѣя крестнымъ знаменіемъ, прибавилъ,—«вотъ противъ ножа моя защита; а измѣнники да будутъ прокляты въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ!»

Ни угрозами, ни насиліемъ не могли поколебать неустрашимаго старца. Говорятъ, что его уморили въ темницѣ голодною смертью.

Прокопій Ляпуновъ и казаки подъ Москвою.

Съ разныхъ концовъ русской земли собралось подъ Москвой народное ополченье. Первымъ пришелъ съ рязанцами Прокопій Ляпуновъ, который больше всѣхъ и хлопоталъ о созывѣ земской рати. Пришли со своими воеводами нижегородцы, владимірцы, костромичи, ярославцы и другіе. Явились и казаки съ атаманами своими—Трубецкимъ и Заруцкимъ. Земская рать осадила поляковъ въ Москвѣ со всѣхъ сторонъ крѣпко.

Но съ первыхъ же дней объявилось между воеводами великое несогласіе. Ратные люди ото всѣхъ полковъ сошлись тогда на совѣтъ и объяснили, что отъ множества воеводъ ратному дѣлу замѣшательство выходитъ; не знаютъ, кого и слушать.—Тутъ всѣ согласились и выбрали себѣ главными начальниками Трубецкого, Заруцкаго и Ляпунова.

Но согласія между главными начальниками было мало. Ляпуновъ одно держалъ въ мысляхъ: выгнать изъ Москвы поляковъ, очистить Русь отъ мятежниковъ и потомъ избрать всею землею законнаго государя. Всѣхъ губителей Русской земли Прокопій Ляпуновъ ненавидѣлъ, а всего больше—казаковъ: они грабили и зорили землю, а вожаки ихъ — атаманы — забирали себѣ безъ мѣры и доходы съ областей, и вотчины, и помѣстья.

А у Заруцкаго съ Трубецкимъ были особыя мысли: и самозванцу они служили только ради своей корысти, и подъ Москву пришли, чтобы здѣсь поживиться. Имъ выгодна была смута; имъ хотѣлось бы сдѣлать царемъ тушинскаго воренка, сына Марины, чтобы подольше своевольничать и грабить. Потому-то Ляпуновъ съ казацкими атаманами ни въ чемъ и не могъ согласиться.

По наущенію Ляпунова, ратные люди отъ всѣхъ полковъ опять собрались на совѣтъ и написали начальникамъ челобитную, чтобы они были между собою въ совѣтѣ, чтобы ратныхъ людей жаловали по заслугамъ, и себѣ бы жалованье и вотчины брали въ мѣру, а остальныя бы вотчины и земли отписали въ казну, на нужды государства.

Казацкимъ атаманамъ эта челобитная не полюбилась. Но Ляпуновъ настоялъ на томъ, чтобы вотчины, помѣстья и доходы распре-

дѣлялись ровно, а кто заберетъ себѣ не въ мѣру, у того отнимать силой. За это казаки возненавидѣли Ляпунова еще больше.

За ссорами и раздорами не забылъ Ляпуновъ и главнаго дѣла: онъ почти каждый день водилъ земскую рать на битву. Прогнали изъ-подъ Москвы Сапѣгу съ войскомъ, которое шло на помощь полякамъ, очистили Москву и подошли къ самымъ стѣнамъ кремлевскимъ. Заперлись въ кремлѣ поляки, и надолго бы они тамъ продержались; но злодѣи-казаки погубили все дѣло.

Ходили и казаки биться съ поляками, но охотнѣе всего они разбойничали по селамъ да по большимъ дорогамъ. Ляпуновъ много разъ говаривалъ казацкимъ атаманамъ, чтобы унимали они разбойниковъ-казаковъ. Но атаманы отговаривались, что грабить и воровать они никому не позволяютъ, а если кто тайно ѣздитъ, такъ надо тѣхъ ловить и казнить смертью. Ляпуновъ разослалъ тогда по городамъ грамоты, чтобы воровъ и разбойниковъ ловить и представлять начальникамъ для расправы.

Стали казаки ѣздить на грабежъ цѣлыми станицами, человѣкъ въ 200 и 300: какъ ихъ переловишь? Однако, подъ Москвой, какъ-то удалось осилить такую воровскую шайку, и 28 казаковъ попались въ руки, и всѣхъ ихъ тутъ же въ рѣкѣ утопили.

Озлобились казаки, поднялись на Ляпунова и позвали его къ себѣ на сходку, будто для земскаго дѣла. Не хотѣлъ, было, идти Ляпуновъ, да поклялись атаманы, что не сдѣлаютъ ему казаки никакого худа. Ляпуновъ пришелъ на казацкую сходку, а Заруцкій съ Трубецкимъ не явились. Поднялся великій шумъ, споры. Какой-то казакъ схватился за саблю и сталъ рубить Ляпунова. Только одинъ честный человѣкъ среди казаковъ нашелся—Иванъ Ржевскій, прежній недругъ Ляпунова: онъ сказалъ смѣлое слово, что губятъ Прокопа неповинно. Но и Ржевскаго злодѣи изрубили за одно съ Ляпуновымъ.

Теперь казаки своевольничали уже безъ помѣхи и навели на всѣхъ такого страху, что служилые люди поспѣшили изъ-подъ Москвы убраться, опасаясь участи Ляпунова. Земское ополченіе пришло въ разстройство. Подъ Москвой остались одни казаки.

Такъ погибъ народный вождь—Прокопій Ляпуновъ, сложившій голову за православную вѣру и родную землю; но не погибло его великое, святое дѣло.

Мининъ и Пожарскій *(1611 г.)*.

Патріархъ Гермогенъ писалъ въ Нижній, что казацкіе атаманы еще опаснѣе поляковъ, что хотятъ они избрать въ цари тушинскаго воренка, сына Марины.

Разнеслась по всѣмъ городамъ и новая скорбная вѣсть, что защитника Христовой вѣры, Прокопа Ляпунова, казаки изрубили, и теперь предстоитъ конечная всей Руси погибель.

Эти страшныя вѣсти разносились изъ Нижняго въ Казань и въ Пермь, и по всему Поволожью, и по всѣмъ сосѣднимъ кореннымъ городамъ русскимъ. Народѣ волновался. Всѣ видѣли и знали, что помощи нельзя ждать ни откуда, что только въ самихъ себѣ надо искать спасенія.

Молніей пронеслась въ народѣ мысль, что надо прежде всего отречься отъ своевольства, очистить себя отъ клятвопреступленій, чтобы начать жить по-новому. И весь православный народъ, по своему собственному изволенію, наложилъ на себя строгій постъ; три дня ничего не ѣли, не пили, два дня сухо ѣли. Народъ былъ готовъ,— всѣ ждали только начала. Починъ народному дѣлу положилъ Нижній-Новгородъ.

Въ октябрѣ 1611 года нижегородцы получили троицкую грамоту, и старшіе въ городѣ люди, вмѣстѣ съ духовенствомъ, собрались для совѣта. Земскій староста Козьма Мининъ-Сухоруковъ сказалъ при этомъ:—«Св. Сергій явился мнѣ во снѣ и велѣлъ возбудить уснувшихъ: прочтите грамоту Діонисіеву *) въ соборѣ, а тамъ,—что будетъ угодно Богу».

На другой день нижегородцы, по звону большого колокола, собрались въ соборѣ. Протопопъ Савва прочелъ троицкую грамоту и увѣщевалъ всѣхъ постоять за православную вѣру. Въ церкви слышались плачъ и рыданіе. Послѣ протопопа сказалъ свое слово Мининъ:— «Православные! Коли хотимъ помогать Московскому государству, такъ не жалѣть намъ имѣнья своего, не жалѣть ничего,—дворы продавать, женъ и дѣтей закладывать».

---

*) Архимандритъ Троице-Сергіевской лавры.

Послѣ этого начались частыя сходки. Мининъ продолжалъ свои увѣщанія.—«Что же намъ дѣлать?»—спрашивали его.—«Ополчаться»,—отвѣчалъ Мининъ,—«сами мы не искусны въ ратномъ дѣлѣ, такъ кличъ кликнемъ, вольныхъ, служилыхъ людей станемъ звать».—«А казны откуда взять на жалованье служилымъ людямъ?»—опять послышались вопросы».—«Я, убогій, съ товарищами своими собрали между собой 1700 рублей; брали третью деньгу, у меня было 300 р., и я 100 рублей въ сборныя деньги принесъ: то же и вы сдѣлайте»,—говорилъ Мининъ.—«Будь такъ, будь такъ!»—закричали въ одинъ голосъ.

Начался сборъ денегъ. Каждый приносилъ по своему достатку. Кто не хотѣлъ отдавать волею, у тѣхъ брали силой.

Прежде чѣмъ скликать ратныхъ людей, надо было найти воеводу. Въ это время въ Суздальскомъ уѣздѣ проживалъ воевода—князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій: онъ пріѣхалъ изъ Москвы домой отъ ранъ лѣчиться. На него-то, какъ на человѣка вѣрнаго и честнаго, и указалъ Мининъ. Послали къ нему изо всѣхъ чиновъ лучшихъ людей низко кланяться и просить принять на себя воеводство. Послѣ многихъ отказовъ, Пожарскій, наконецъ, согласился. А чтобы было кому казну собирать и беречь, Пожарскій и нижегородцы выбрали Козьму Захарьевича Минина.

Стали съѣзжаться къ Пожарскому въ Нижній бояре, воеводы, дворяне и всякіе служилые люди, и всѣ цѣловали крестъ на томъ, чтобы очистить Московское государство отъ поляковъ, казаковъ и русскихъ измѣнниковъ, а потомъ всею землею выбрать благочестиваго государя.

Но все еще рати и казны было мало, и Пожарскій, вмѣстѣ со всѣми служилыми и земскими людьми, разослалъ по всѣмъ русскимъ городамъ грамоту, чтобы всѣмъ соединиться и заодно дѣйствовать противъ поляковъ и казаковъ. Вездѣ уже готовы были къ возстанію. Отовсюду шли въ Нижній ратные люди, города казну присылали. И между всею земскою ратью, между нижегородцами и гостями, былъ великій совѣтъ и любовь.

Собрались теперь въ Нижнемъ послѣдніе, *основные* русскіе люди, пошли на враговъ русскаго государства,—и не устоять лиходѣямъ и измѣнникамъ противъ такой несокрушимой силы!

Козьма Захарьевичъ Мининъ-Сухоруковъ.

(Дѣйствіе происходитъ на площади Нижегородскаго Кремля, подлѣ собора. Заря занимается. Народъ выходитъ изъ собора. Всѣ утираютъ слезы).

Проходятъ двое.—**1-й.** Экой плачъ! Эко рыданіе во всемъ соборѣ!

2-й. Да, и было отчего. Все тебѣ, какъ на ладонкѣ, видно, какъ Москва гибнетъ, какъ вѣру православную попираютъ. Какъ же тутъ не заплакать! Что мы—каменные, что ли? (*Проходятъ*).

Старикъ и женщина.—*Старикъ.* Гибнетъ, говорятъ, все наше государство! Гибнетъ вѣра православная! Легко сказать—гибнетъ вѣра православная! Скажи ты мнѣ, каково слышать?

Женщина. Тяжко-то оно слышать, тяжко, а хорошо, кабы почаще намъ эти слова напоминать! А то живемъ тутъ, бѣды большой надъ собой не видимъ, никакой муки не терпимъ: этакъ не то, что своихъ ближнихъ, и Бога-то забудешь. (*Проходятъ*).

Проходятъ четверо.—**1-й.** Мы за вѣру православную должны до смерти стоять! Слышите?—до смерти!

2-й. А кто же прочь? Да хоть сейчасъ умирать!

3-й. Потому, коли ты за вѣру пострадалъ, небесное царствіе наслѣдуешь.

4-й. Безпремѣнно. (*Проходятъ*).

(Выходитъ народъ и становится стѣнами, образуя улицы для выходящихъ изъ собора. Выходятъ: Воевода, Аксеновъ (богатый торговый человѣкъ), Поспѣловъ (боярскій сынъ), Темкинъ, Губанинъ (торговые люди).

Поспѣловъ. Выходишь отъ обѣдни, помолясь съ усердіемъ и досыта поплакавъ, и такъ тебѣ легко на сердцѣ станетъ: и подъ ногами ты земли не чуешь, и ногъ не слышишь, и заря-то ярче горитъ на небѣ; точно сладкій медъ, пьешь воздухъ утренній. Такое диво! Какая легкость для души молитва! Взялся бы съ мѣста, да и полетѣлъ! А день придетъ,—забота за заботой навалятся, опять отяжелѣешь.

Аксеновъ. Вѣстимо, утромъ человѣкъ помягче, пока не заболтался въ суетѣ, и разумъ крѣпче, да и воля тверже, а особливо, помолясь

усердно. Сейчасъ наказывалъ Козьма Захарьичъ сказать народу, чтобъ не расходился. Пожалуй, послѣ всѣхъ и не сберешь, да и сердца-то огрубѣть успѣютъ. Теперь въ соборѣ заказалъ молебенъ онъ Ангелу-Хранителю, Косьмѣ-Безсребреннику. Вы поговорите съ народомъ-то, пока молебенъ кончатъ.

(*Темкинъ и Губанинъ отходятъ къ народу—одинъ въ одну сторону, другой въ другую*).

Темкинъ. Почтенные! Маленько подождите. Козьма Захарьичъ хочетъ говорить.

Губанинъ. Коль не во трудъ, повремените малость: Козьма Захарьичъ приказалъ просить.

(*Мининъ выходитъ изъ собора*).

Мининъ *) (*съ Лобнаго мѣста*). Друзья и братья! Русь святая гибнетъ! Друзья и братья! Православной вѣрѣ, въ которой мы родились и крестились, конечная погибель предстоитъ. Святители, молитвенники наши, о помощи взываютъ, молятъ слезно. Вы слышали ихъ слезное прошенье! Поможемъ, братья, родинѣ святой. Что жъ, развѣ въ насъ сердца окаменѣли? Не всѣ ль мы дѣти матери одной? Не всѣ ль мы братья отъ одной купели?

Голоса. Мы всѣ, Козьма Захарьичъ, всѣ хотимъ помочь Москвѣ и вѣрѣ православной.

Мининъ. И еще братья, похотимъ помочь,—не пожалѣемъ нашихъ достояній! Не пощадимъ казны и животовъ! Мы продадимъ дворы свои и домы! А будетъ мало,—женъ и дѣтей заложимъ.

Голоса. Заложимъ женъ! Дѣтей своихъ заложимъ!

Мининъ. Что мѣшкать даромъ? Время насъ не ждетъ! Нѣтъ дѣла ратнаго безъ воеводы: изыщемъ, братія, честнаго мужа, которому то дѣло за обычай,—вести къ Москвѣ и земскимъ дѣломъ править. Кто воеводой будетъ?

Голоса. Князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій!—Князь Пожарскій! Другого намъ не надо.

Мининъ. Воля Божья! Пожарскаго мы избрали всѣмъ міромъ, ему и править нами. Гласъ народа—гласъ Божій. Выборныхъ людей пошлемъ просить и кланяться, чтобы шелъ къ намъ на-спѣхъ. Теперь, друзья, несите, кто что можетъ, на дѣло земское, на помощь рат-

*) Земскій староста Нижняго посада.

нымъ. Я,—Господи, благослови начало!—свои копленные и трудовые—всѣ, до послѣдняго рубля, кладу.

Нѣсколько голосовъ. И мы, и мы всѣ за тобой готовы отдать свою копейку трудовую.

Другіе голоса. Что деньги! Деньги наживное: какъ живы будемъ, наживемъ опять.

Мининъ. Да изъ собора я послалъ Нефеда *), чтобъ изъ дому несли, что подороже: жены Татьяны поднизи и серьги, весь жемчугъ, перстни, ферязи цвѣтныя, камку и бархатъ, соболь и лисицу; да взяли бъ у святыхъ иконъ взаймы, на время только, ризы золотыя. Пошлетъ Господь, оправимъ ихъ опять.

Голоса. Все отдадимъ! Теперь не до нарядовъ! Въ нарядахъ суета мірская ходитъ! (*Начинается приношеніе*).

Мининъ. Ты, Петръ Аксенычъ, стань, блюди казну. Ты дѣдушка, не знаю, какъ назвать-то, постой у денегъ. Принимайте вмѣстѣ.

Аксеновъ и старикъ входятъ на Лобное мѣсто и принимаютъ приношенія. Мининъ сходитъ. Народъ болѣе и болѣе тѣснится у Лобнаго мѣста. Начинаютъ приносить даже вещи.

Губанинъ (*Темкину*). Пойти домой, принесть свое хоботье! Оставлю чашку щей да хлѣба на день, съ меня и будетъ.

Темкинъ. Погоди, успѣешь! Мы первые пошли на это дѣло,—не спятимся.

(*Входитъ Колзаковъ, стрѣлецкій сотникъ*).

Колзаковъ (*Минину*). А я что дамъ? До нитки промотался! А надо бы беречь на черный день. И у меня добра довольно было, да сплыло все. Теперь людямъ завидно. Не то завидно, милый человѣкъ, что хорошо живутъ да чисто ходятъ, а то завидно, что добро несутъ, а мнѣ вотъ нечего! И одежонка вся тутъ. Да! Погоди! Тѣльникъ на шеѣ, серебряный, большой. Ну, слава Богу! Нашлось-таки что Господу отдать. (*Снимаетъ*). Возьми! Возьми! Пускай хоть разъ-то въ жизни пойдетъ на дѣло и моя копейка.

(*Входятъ Татьяна Юрьевна, жена Минина, и Нефедъ. За ними несутъ сундуки и ларцы*).

*) Сынъ Минина.

Нефедъ. Какъ, батюшка, изволилъ приказать, такъ точно мы по твоему приказу и сдѣлали: все принесли сюда.

Mининъ. Вонъ видишь, Петръ Аксенычъ собираетъ! Кладите въ кучу,—послѣ разберутъ.

Татьяна Юрьевна. Вотъ, государь ты мой, Козьма Захарьичъ, ты приказалъ женѣ своей, Татьянѣ, прислать тебѣ жемчугъ и ожерелья и съ камушками перстеньки, и всю забаву нашу бабью. Я не знаю, на что тебѣ: я все въ ларецъ поклала, не думавши, взяла и принесла. Ты—дума крѣпкая, Козьма Захарьичъ, ты—слово твердое,—такъ что намъ думать!

Mининъ. Сама Петру Аксенычу отдай.

Татьяна Юрьевна. Все, государь, исполню, что прикажешь.

(*Уходитъ. Входитъ Марѳа Борисовна, богатая вдова; за нею несутъ сундуки и ларцы*).

Марфа Борисовна. Богатое наслѣдство мнѣ осталось отъ мужа моего и господина. Отцы и дѣды прежде накопили, а онъ своимъ умомъ и счастьемъ много къ отцовскому наслѣдію прибавилъ, и умеръ въ раннихъ лѣтахъ; не судилъ ему Господь плоды трудовъ увидѣть, покрасоваться нажитымъ добромъ. Благословенья не было отъ Бога мнѣ на дѣтей, — однимъ-одна осталась хозяйкою добра несчетнаго чужого,—я съ собою мало въ домъ принесла. Искала я родныхъ,—родни его ни близкой не осталося, ни дальней. Вздумала я, догадалась раздать казну за упокой души,—и весело мнѣ стало, что заботу такую дорогую Богъ послалъ. И вотъ, благословясь, я раздавала по храмамъ Божьимъ, на поминъ души, и нищей братьѣ по рукамъ, въ раздачу, убогимъ, и слѣпымъ, и прокаженнымъ, сиротамъ и въ убогіе дома, колодникамъ, и въ тюрьмахъ заключеннымъ, въ обители—и въ Кіевъ, и въ Ростовъ, въ Москву и Угличъ, въ Суздаль и Владиміръ, на Бѣлоозеро и въ Галичъ, и въ Поморье, и въ Грецію, и на святую Гору,—и не могла раздать. Все прибавлялося,—то долгъ несутъ, то кортому съ угодій. И не внуши намъ Богъ такого дѣла, ни въ жизнь бы мнѣ не разсчитаться съ долгомъ. Тутъ много тысячъ! Сыпьте, не считайте! На добрыя дѣла, на обиходъ еще немного у меня осталось. Коли нужда вамъ будетъ, такъ возьмете. А мнѣ на что! Съ меня и такъ довольно,—одних угодій хватитъ на прожитокъ.

(*Отходитъ къ сторонѣ. Народу все больше прибываетъ на площадь*).

Одинъ изъ толпы. Вотъ шесть алтынъ, двѣ деньги!

Другой. Зипунишко! (*Подаютъ. Къ лобному мѣсту подходятъ толпами*).

Голоса. Вотъ наши деньги изъ квасного ряду!—Изъ рукавичнаго!—Отъ ярославцевъ!—Костромичи собрали,—принимайте! Стрѣльцы Колзакова, Баима сотни!

Поспѣловъ. Вотъ праздникъ, такъ ужъ праздникъ! Ну, веселье!

Мининъ. И я смотрю, душа во мнѣ растетъ. Не явно ли благословенье Божье! Теперь у насъ и войско, и казна, и полководецъ. Не далеко то время, когда, вооружаясь и окрылатѣвъ, какъ непоборные орлы помчимся и грянемъ на враговъ. Пусть лютый врагъ, какъ левъ, зіяетъ, бѣсомъ вооружаемъ; не страшенъ намъ злохитрый ковъ его! За насъ — молитвы цѣлаго народа, дѣтей и женъ, и старцевъ многолѣтнихъ, и пѣнье иноковъ, и клиръ церковный, елей лампадъ, куреніе кадилъ! За насъ—угодники и чудотворцы, и легіоны грозныхъ силъ небесныхъ, полкъ ангеловъ и Божья благодать!

А. Н. Островскій.

Освобожденіе Москвы отъ Поляковъ *(1612 г.)*.

Нижегородцы не торопились: они всю осень и всю зиму собирали казну, снаряжали ополченіе. Великимъ постомъ ополченіе тронулось вверхъ по Волгѣ, къ Ярославлю. Вездѣ встрѣчали земскую рать съ великою радостью, доставляли казну, собирали войско.

Въ Ярославлѣ ополченіе позамѣшкалось: здѣсь назначенъ былъ сборъ всѣмъ отрядамъ, а главное,—изъ Москвы были получены недобрыя вѣсти. Московскіе измѣнники-бояре, засѣвшіе въ Кремлѣ вмѣстѣ съ поляками, писали Пожарскому еще въ Нижній, чтобы онъ образумился, распустилъ бы ополченье и оставался вѣренъ Владиславу. И казакамъ хотѣлось разстроить ополченіе нижегородцевъ. Заруцкій подослалъ даже къ Пожарскому тайныхъ убійцъ. Казакъ Стенька хотѣлъ пырнуть въ Пожарскаго ножомъ, но, къ счастію, промахнулся. Злодѣя схватили, переловили и товарищей его и въ тюрьму ихъ посадили. А убить ни единаго изъ нихъ князь Пожар-

скій не далъ: не хотѣлъ онъ разжигать раздора, а хотѣлъ всѣхъ склонить къ согласію.

Изъ Ярославля князь Пожарскій разсылалъ во всѣ концы грамоты, чтобы прислали къ нему выборныхъ отъ всѣхъ городовъ для совѣта въ общественномъ дѣлѣ. Два слишкомъ мѣсяца простоялъ

Памятникъ Минину и Пожарскому.

Пожарскій въ Ярославлѣ и дождался, что тушинскіе бояре прислали ему повинную, а изъ городовъ пришли и выборные, и войско, и деньги. Нижегородское ополченіе стало теперь всенароднымъ, а великое дѣло Минина и Пожарскаго—всеобщимъ русскимъ дѣломъ.

Двинулось, наконецъ, ополченіе изъ Ярославля, пришло къ Тро-

ицкой Лаврѣ и было встрѣчено съ великою честью. Пришла сюда изъ Москвы вѣсть, что польскій воевода Ходкевичъ идетъ спѣшно къ Москвѣ,—къ полякамъ на помощь. Отпѣли молебны, и, съ благословенія троицкой братіи, ополченіе двинулось къ столицѣ.

Не доходя пяти верстъ до Москвы, ополченіе остановилось. Трубецкой звалъ ихъ къ себѣ, стоять вмѣстѣ съ казаками; но земская рать наотрѣзъ отказалась, опасаясь измѣны.

Въ то же время подошелъ къ Москвѣ и Ходкевичъ. У него было искусное въ ратномъ дѣлѣ войско. А Трубецкой съ казаками отошелъ подальше и выпросилъ у Пожарскаго пять сотенъ коннаго войска, будто бы себѣ на подмогу. Ходкевичъ послалъ на нижегородцевъ свою конницу, и Пожарскій боролся съ нею только своими силами: отъ Трубецкого ни одинъ казакъ не вышелъ на помощь, не пускали въ бой даже и присланныхъ сотенъ. Казаки только, какъ псы, лаяли и поносили нижегородцевъ:—«Богаты пришли изъ Ярославля, пускай одни отбиваются отъ гетмана!» Нижегородцы бились до послѣднихъ силъ, а гетманъ наступалъ жестоко. Отосланные къ Трубецкому конныя сотни не вытерпѣли и бросились къ своимъ на помощь, не слушаясь запрещенія атамана. За ними ринулись и прямые люди изъ казаковъ, крикнувъ Трубецкому:—«Для чего не помогаешь погибающимъ? Изъ вашей (воеводской) вражды только пагуба творится и государству, и ратнымъ людямъ».—Ходкевича отъ Москвы отбили.

Отступилъ Ходкевичъ, но не совсѣмъ. Подошелъ онъ къ Москвѣ съ другой стороны, гдѣ стояли казаки, и сталъ жестоко нападать на русскихъ: смялъ полки, втопталъ ихъ въ рѣку; устоялъ со своимъ полкомъ одинъ Пожарскій. А Трубецкой съ казаками отодвинулся отъ Москвы еще подальше. Пожарскій много разъ посылалъ просить помощи у казаковъ, а они идти съ нимъ не хотѣли. Пожарскій, наконецъ, отправилъ къ казакамъ троицкаго старца Авраамія (монастырскаго эконома), и тотъ посулилъ имъ много денегъ. Казаки на обѣщаніе склонились и двинулись съ нижегородцами на поляковъ. Непріятеля побили много, но полнаго успѣха все же не имѣли.

Тутъ Козьма Мининъ разгорѣлся сердцемъ, выпросилъ у Пожарскаго роту ратниковъ, а дворянъ три сотни и ударилъ съ великою прыткостью на двѣ роты поляковъ, стоявшихъ отдѣльно. Тѣ дрогнули и побѣжали. Козьма еще прытче погнался за ними. Видятъ рус-

скіе и казаки, что гонитъ Козьма поляковъ, со всѣхъ сторонъ ринулись на гетманское войско, — оно не выдержало и побѣжало, побросавъ всѣ свои запасы. На добычу первыми бросились казаки и разграбили все до-чиста. На утро Ходкевичъ убѣжалъ отъ Москвы со всѣмъ своимъ войскомъ.

Въ Кремлѣ въ это время наступилъ страшный голодъ. Стали выпроваживать оттуда всѣхъ неспособныхъ къ защитѣ. Дошла очередь до женъ и дѣтей боярскихъ. Просятъ Пожарскаго бояре взять ихъ женъ и дѣтей подъ свою охрану. Пожарскій самъ встрѣтилъ беззащитныхъ у воротъ кремлевскихъ и проводилъ ихъ въ безопасное мѣсто. А казаки хотѣли убить за это нижегородскаго вождя: они собирались ужъ грабить боярынь.

Скоро сдались и поляки. Въ переговорахъ съ Пожарскимъ о сдачѣ они просили и за себя, и за бояръ-измѣнниковъ не погубить ихъ, принять всѣхъ подъ свою защиту. Князь Пожарскій самъ пришелъ со своимъ полкомъ принять ихъ. Какъ только казаки завидѣли выходящихъ изъ Кремля бояръ и поляковъ, поднялись всѣмъ таборомъ, распустили знамена и пошли на добычу. Едва-едва дѣло обошлось безъ кровавой ссоры. Трубецкой принялъ для охраны одинъ изъ полковъ польскихъ,—казаки всѣхъ поляковъ ограбили и многихъ перебили. А другой польскій полкъ взялъ къ себѣ князь Пожарскій, и ни единаго человѣка русскіе не ограбили и не убили.

25-го октября 1612 года русскіе торжественно въ Кремль вступили. Впереди съ крестами и иконами шло духовенство. Въ Успенскомъ соборѣ торжественно отслужили благодарственный молебенъ.

Великое дѣло совершили Пожарскій и Мининъ съ послѣдними *основными* русскими людьми; согласили всѣхъ и очистили Москву отъ враговъ Русской державы. Осталось теперь избрать православнаго царя—всею землею.

Избраніе Михаила Ѳеодоровича Романова (*1613 г.*).

Послѣ освобожденія Москвы отъ лиходѣевъ, собрался со всей земли соборъ земскій. Царемъ единодушно былъ избранъ шестнадцатилѣтній отрокъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ-Юрьевъ, котораго еще Гермогенъ при жизни своей хотѣлъ благословить на царство.

Романовы были знатны родомъ, всегда честно служили, не причастны были смутѣ. Сохранилась въ народѣ добрая память и о царицѣ Анастасіи, происходившей изъ этого рода.

Когда выборные вышли на Красную площадь, а именитые люди вошли на Лобное мѣсто,—раздался громкій крикъ народа: «Михаилу Θеодоровичу Романову быть царемъ-государемъ?»

Михаилу присягнула Москва, а за нею—и вся Россія.

Земскій совѣтъ отправилъ въ Кострому торжественное посольство молить инокиню Марθу благословить сына на царство, а Михаила—принять вѣнецъ царскій.

Иванъ Сусанинъ.

Быстро разнеслась повсюду радостная вѣсть объ избраніи на царство Михаила. Мать и сынъ жили въ это время въ родовой своей вотчинѣ—въ селѣ Домнинѣ (близъ Костромы). Шайка поляковъ, которые тогда повсюду разбойничали, пробиралась въ Домнино, чтобъ убить новоизбраннаго царя. Въ селеніи Деревницы, близъ Домнина, поляки остановились на роздыхъ у крестьянина Ивана Сусанина и велятъ ему провести ихъ въ усадьбу Романовыхъ. Догадался старикъ, что не за добрымъ дѣломъ идетъ буйная ватага къ беззащитному Михаилу. Тайно посылаетъ Сусанинъ своего сына извѣстить государя объ опасности, и самъ ведетъ поляковъ на противоположную отъ Домнина сторону. Долго бродили они по лѣснымъ трущобамъ. Поляки увидѣли, наконецъ, обманъ, но было ужъ поздно. Въ ярости они начали терзать старика и убили его. Михаилъ былъ спасенъ: вмѣстѣ съ матерью своею онъ поспѣшилъ уѣхать въ Кострому и поселился въ келіяхъ Ипатьевскаго монастыря *).

Жизнь за царя.

Идутъ, а снѣгъ имъ по колѣни,
И къ вечеру ужъ близокъ день,
Устали ляхи **); слышны пени... ***)

*) Михаилу Θеодоровичу и Сусанину поставили потомъ въ Костромѣ памятникъ.

) Поляки. *) Жалобы.

Не видно селъ, ни деревень.
Въ сердцахъ таится подозрѣнье.
Во взорахъ ихъ ожесточенье.
—„Куда ведешь ты насъ, сѣдой?
„Гляди, весь лѣсъ сплелся стѣной!
„Нѣтъ ни тропинки, ни дороги,—
„Въ какую глушь заведены!
„Однѣ медвѣжьи тутъ берлоги
„Чапыжникомъ завалены!“
— „Путь дологъ кажется, родные,
Тому, кто въ первый разъ идетъ;
Но волоса мои сѣдые —
Вамъ знакъ, что я найду вамъ слѣдъ“.
Повелъ ихъ въ чащу межъ елями,—
Здѣсь хлещетъ лѣсъ въ глаза вѣтвями,
И слышенъ межъ нагихъ деревъ
Крикъ птицъ ночныхъ, звѣриный ревъ.
Мятель клубится въ ночи темной,
Холодный зимній вѣтеръ вылъ;
Въ дубравѣ, снѣгомъ занесенной,
Волкъ за добычею слѣдилъ,
И совы зоркія летали.
Но вотъ со всѣхъ сторонъ оврагъ.
„Куда“,—Сусанину вскричали,—
„Куда ты насъ завелъ, злой врагъ?..
„Погибнешь ты!“—„Когда хотите,
Вотъ голова моя,—рубите!
Ищите сами вы пути,
А до царя вамъ не дойти!
Что стали? Говорю вамъ ясно:
Далеко наше солнце красно!
Мнѣ смерть близка, я знаю самъ,
За злато жъ душу не отдамъ!
У русскихъ не найдешь измѣны!“
И палъ Сусанинъ пораженный...
Онъ палъ за батюшку-царя.

Воцареніе Михаила.

Московское посольство прибыло въ Кострому. Съ привезенною изъ Москвы чудотворною иконою Владимірской Божіей Матери, съ крестами и хоругвями, двинулось посольство къ Ипатьевскому монасты-

рю. Въ то же время костромское духовенство подняло чудотворную икону Θедоровской Богоматери, и пошли изъ собора въ монастырь крестнымъ ходомъ. Въ городѣ, по церквамъ во всѣ колокола звонили. Собрались несмѣтныя толпы народа. Крестные ходы сошлись близъ монастыря.

Мароа и Михаилъ встрѣтили шествіе за монастырскими вратами и смиренно поверглись передъ иконами и крестами. Ихъ просили идти въ соборную церковь. Мароа, было, не хотѣла.—«Знаю, знаю»,—говорила она,—«что вы пришли звать сына моего въ цари,—но онъ не хочетъ, и я не благословляю!» Едва упросили ее идти въ храмъ помолиться, предоставляя будущее Божьей волѣ. Заливаясь слезами, мать и сынъ пошли въ церковь.

Отслужили молебенъ; тогда посольство, преклонившись предъ Михаиломъ, объявило ему, что онъ всенародно царемъ избранъ, и умоляли челобитья всей земли не презирать. Мароа и Михаилъ плакали, но упорно отрекались.—«Не хочу царствовать, и могу ли быть наслѣдникомъ великихъ царей русскихъ?» — говорилъ Михаилъ.—«Его ли, юнаго, отдамъ вамъ въ цари»,—говорила Мароа:—«люди русскіе! Вспомните прошлое. По грѣхамъ нашимъ всѣ мы измалодушествовались, и кому вы прямо служили, подъ клятвою отдавая свои души? Когда судомъ Божіимъ не стало царя Бориса, не вы ли клялись быть вѣрными его сыну,—и предались вору, разстригѣ, убійцѣ дѣтей Бориса? Когда погубленъ былъ разстрига, не вы ли клялись царю Василью,—и поѣхали къ Тушинскому вору, предали вашего царя, насильно постригли его въ монахи! И послѣ сихъ клятвопреступленій, позора, убійствъ, — какъ сѣсть на царство, зная ваши измѣны? И что же такое теперь наше Русское царство?—Сокровища и достояніе царское разграблены; народъ обѣднѣлъ и страждетъ. Чѣмъ будетъ царь вашъ жаловать людей служилыхъ, и какъ ему противъ враговъ стоять? И для того ли благословлю сына моего на царство, чтобы надъ отцомъ его, пребывающимъ въ польской неволѣ, враги всякое зло учинили?—Не благословлю сына моего на царство?»

Около шести часовъ продолжалось моленіе посольства, но Мароа и Михаилъ были непреклонны.

Тогда, какъ-будто вдохновленный Богомъ, архіепископъ Θеодоритъ взялъ образъ Владимірскія Богоматери, а старецъ Авраамій—образъ

московскихъ святителей-чудотворцевъ, и оба понесли святыя иконы къ мѣсту, гдѣ стояли Мароа съ Михаиломъ.—«Что дѣлаете!»—воскликнулъ благочестивый юноша въ страхѣ:—«Зачѣмъ сей подвигъ Божіимъ иконамъ, трудъ вамъ, и дѣло выше силъ моихъ мнѣ?»—«Если вѣришь имъ»,—сказалъ владыка, указывая на образа—«вѣрь, что ихъ, а не нашею волею ты избранъ, и что они дадутъ тебѣ силы царствовать и спасутъ твоего отца. По Божьей волѣ, сіи святыя иконы совершили путь изъ Москвы: преклонись же предъ ними и повинуйся!» Михаилъ бросился къ матери, которая обливалась слезами. Духовенство съ образами приблизилось къ ней; послы, воины, народъ—поверглись предъ нею на колѣни. Сквозь растворенныя двери храма видны были толпы воиновъ и народа, повергшіяся на землю и вопившія о пощадѣ.

— «Итакъ, вы не внемлете мольбамъ! — возгласилъ архіепископъ: «Совершилось! Да будетъ по вашему! Мы идемъ обратно и скажемъ пославшимъ насъ, что вы отвергли мольбы и слезы наши. Бѣдствуй, русская земля! Пусть возстанетъ прежнее безначаліе, пусть плачетъ снова народъ, пусть опозорятся Божіи церкви! Но предъ симъ святымъ образомъ говорю тебѣ, Михаилъ, что отнынѣ на тебя падетъ бѣдствіе отчизны! И ты, инокиня благочестивая, ты будешь отвѣчать предъ судомъ Божіимъ за неповинную кровь и слезы христіанъ православныхъ! Да настанетъ вновь междоусобіе, да расточится царство Московское, да придутъ враги и расхитятъ насъ!» Голосъ владыки казался какъ бы грознымъ голосомъ Самого Бога.

Ницъ повергласъ предъ святыми иконами инокиня Мароа и изрекла свое согласіе. Өеодоритъ благословилъ Михаила; возложили на него наперстный крестъ, вручили царскій посохъ. Послѣ благодарственнаго молебна провозгласили многолѣтіе царю всея Россіи Михаилу. Сидя на тронѣ, юный царь принималъ поздравленья.

Звонъ колоколовъ, радостный кликъ народа оглашали воздухъ, когда Михаилъ, въ царскомъ великолѣпіи, вышелъ изъ храма. Три дня продолжался колокольный звонъ, и тогда же духовенство и бояре установили на вѣчныя времена праздникъ въ Костромѣ иконѣ Өедоровскія Богоматери въ 14 день марта, когда Михаилъ принялъ престолъ царскій.

Вѣсти изъ Костромы пришли въ Москву вечеромъ наканунѣ Благовѣщенія. На другой день, раннимъ утромъ, вся Москва ужъ объ

этомъ знала, и Кремль былъ переполненъ народомъ. Въ Успенскомъ соборѣ пѣли благодарственный молебенъ. Веселье было, какъ на Свѣтлый праздникъ.

Сопровождаемый посольствомъ, духовенствомъ и множествомъ разнаго званія людей, Михаилъ, въ предшествіи святыхъ иконъ, отправился въ Москву. Мать слѣдовала за нимъ. Путь до Ярославля казался торжественнымъ ходомъ: народъ выбѣгалъ на дорогу съ хлѣбомъ и солью, духовенство встрѣчало царя при церквахъ съ образами. Ярославль весь двинулся на срѣтеніе Михаилу. Путь отъ Троицы до Москвы былъ истиннымъ торжествомъ дѣтей, встрѣчающихъ отца своего. Москвичи ѣхали, шли, бѣжали навстрѣчу государю и съ восторгомъ смотрѣли на благолѣпнаго, кроткаго, юнаго властителя земли Русской.

Московское духовенство и бояре, съ иконами и крестами, вышли за городъ царю на встрѣчу. Улицы переполнились плачущимъ отъ радости народомъ.

Помолившись въ Успенскомъ соборѣ и поклонясь гробницамъ предковъ въ Архангельскомъ соборѣ, Михаилъ вошелъ въ царскіе чертоги. Мароа благословила сына и поселилась въ Вознесенскомъ монастырѣ (близъ царскаго дворца).

Изъ царствованія Михаила Ѳеодоровича

Русь послѣ смуты. (*1613 г.*).

Ужасно было состояніе Руси въ первые годы царствованія юнаго Михаила.

Земля въ конецъ разорена, люди обнищали. Многія селенія и вовсе опустѣли,—народъ разбѣжался. На мѣстѣ селъ и деревень чернѣли пепелища. Много и городовъ выжжено до-тла; сама Москва лежала въ развалинахъ. Опустѣли селенія,—пустовали и поля, пріостановилось землепашество, пришли въ упадокъ промыслы и торговля. Всюду—страшная нищета. Гибнутъ люди съ холоду и съ голоду.

А разоренную и обнищавшую землю все еще терзаютъ и свои воры, и чужеземные враги.

Воровскихъ шаекъ много осталось отъ безначальнаго времени. Лихіе люди отнимаютъ послѣднее достояніе, звѣрски мучатъ, безъ числа бьютъ беззащитныхъ. Трудно переловить злодѣевъ на широкомъ, безлюдномъ просторѣ; нелегко одолѣть ихъ и въ бою открытомъ: воровскія скопища разрослись въ тысячи. Атаманы разбойничьихъ полчищъ открыто нападаютъ на села, на большіе города, подходятъ къ самой Москвѣ, держатъ всѣхъ въ тревогѣ и въ страхѣ.

Еще страшнѣе воровъ и разбойниковъ—летучіе, конные отряды поляковъ, подъ начальствомъ Лисовскаго, наѣздника лихого. Изъ конца въ конецъ, по всей Русской землѣ, вихремъ носятся эти головорѣзы, грабятъ, жгутъ имущество, безпощадно людей губятъ.

А на Окѣ и на Волгѣ разбойничаютъ инородцы и татары,—нѣтъ отъ нихъ проѣзда по рѣкамъ, по дорогамъ,—нѣтъ защиты отъ нихъ по деревнямъ и селамъ.

Всѣ эти свои и чужіе воры и разбойники грабятъ имущество, губятъ жизнь людей; а на окраинахъ Русской земли утвердились враги еще страшнѣе: грозятъ они отнять у Михаила вѣнецъ царскій,—все русское царство погубить хотятъ.—На низовьяхъ Дона, Волги и Урала вольничаютъ казаки. Атаманъ ихъ, Заруцкій, объявилъ царемъ Маринина сына, затѣваетъ поднять на Русь Персію, татаръ и турокъ.—Поляки и шведы ведутъ съ нами войну, захватили себѣ наши западныя окраины, хотятъ посадить на московское царство своихъ королевичей.

И своихъ, и чужихъ враговъ было много у обнищалаго русскаго народа, а средствъ для борьбы съ ними у юнаго царя было мало.

Сокровища царскія разграблены, вотчины расхищены, денегъ въ казнѣ нѣтъ,—и нечего взять съ разореннаго народа.

Обнищалъ народъ, обнищала казна,—обнищали и служилые, ратные люди: они неотступно просятъ жалованья и, не получая денегъ, самовольно расходятся по домамъ, бросаютъ ратную службу; иные идутъ и на большую дорогу.

Пріучились къ беззаконіямъ въ безначальное смутное время и сами бояре, и служилые люди: тѣснятъ они слабыхъ, берутъ на судѣ

взятки, обманываютъ государя. Много тогда развелось на Руси людей своекорыстныхъ, и мало было избранниковъ, готовыхъ честно послужить на пользу истерзаннаго отечества.

Но юный царь былъ силенъ любовію и волей народной. Забылъ теперь и думать народъ о безначаліи и смутѣ, съ надеждой смотрятъ всѣ на законнаго государя, какъ на избавителя отъ безпорядковъ и беззаконій. И эта любовь народная служила царю твердой опорой и давала силу для борьбы съ врагами. Союзъ царя съ народомъ былъ крѣпокъ, и въ этой силѣ — спасеніе Русскаго царства.

Очищеніе Руси отъ враговъ.

Какъ побороть враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ? Откуда взять на борьбу денегъ? Для рѣшенія этихъ и другихъ важныхъ вопросовъ Михаилъ Ѳеодоровичъ много разъ собиралъ къ себѣ на совѣтъ выборныхъ людей ото всѣхъ городовъ и волостей русскихъ (*земскіе соборы*).

Отъ царя и отъ собора разослали повсюду указы,—какъ можно скорѣе собирать подати, пошлины и недоимки. Умоляли всѣхъ зажиточныхъ людей жертвовать и давать казнѣ все, что могутъ,—деньги, хлѣбъ, сукно и всякіе запасы. Облагали всѣхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, смотря по достатку, и особыми налогами на нужды государства. Такъ, царь самъ писалъ богатымъ Строгановымъ: «Не пожалѣйте своего имущества, хоть и себя приведете въ скудость. Разсудите сами: если будетъ конечное разореніе Русскому государству, то въ тѣ поры и у всѣхъ православныхъ христіанъ имущества и домовъ совсѣмъ не будетъ».

Хоть и съ великимъ трудомъ, все же стали понемногу собираться казна и всякіе запасы, явились и ратные люди. Такъ какъ служилые люди были не совсѣмъ надежны, государь приказалъ собирать побольше наемныхъ стрѣльцовъ изъ охочихъ вольныхъ людей, кто стрѣлять умѣетъ.

Прежде всего нужно было расправиться съ внутренними врагами. Отъ царя, отъ духовенства и бояръ были посланы увѣщательныя грамоты Заруцкому и казакамъ на Донъ и на Волгу. Заруцкому обѣ-

шано помилованіе, а казакамъ послали и жалованье, чтобы они, видя къ себѣ царскую милость, служили государю и противъ измѣнниковъ стояли. Заруцкій увѣщаній не послушалъ, и отрядъ царскихъ стрѣльцовъ подступилъ къ Астрахани, гдѣ засѣлъ Заруцкій. Тогда и

Михаилъ Феодоровичъ.

астраханцы, и многіе изъ казаковъ поднялись противъ вора, и Заруцкій бѣжалъ вверхъ по Волгѣ. Стрѣльцы его догнали, разбили его войско и самого его изловили вмѣстѣ съ Мариной и ея сыномъ.

Заруцкаго и сына Марины казнили, а Марину въ тюрьму посадили.—Такъ Астрахань и юго-восточный край и успокоились понемногу.

Стали теперь уговаривать и другихъ воровъ и разбойниковъ отстать отъ воровского дѣла. Обѣщано было прощеніе и царское жалованье тѣмъ, кто отстанетъ отъ воровъ и пойдетъ на царскую службу, а крѣпостнымъ обѣщана и воля. Но немногіе сдались на эти обѣщанья. Тогда царь послалъ боярина Лыкова съ войскомъ ловить и избивать воровъ и разбойниковъ. Лыковъ во многихъ мѣстахъ разбилъ воровскія шайки и много переловилъ злодѣевъ. Хоть и долго еще потомъ слышались изъ разныхъ мѣстъ жалобы на грабежи и воровство, но главная воровская сила была все же сломлена.

Противъ Лисовскаго отрядили князя Пожарскаго съ большимъ войскомъ. Долго и безуспѣшно гонялся за Лисовскимъ князь Пожарскій. Лисовскій съ необычайной быстротой переносился отъ города къ городу, истребляя все, что на пути попадалось. Къ счастію, Лисовскій какъ-то упалъ съ лошади и до смерти убился.

Управившись немного съ внутренними врагами, царь обратилъ силы на враговъ внѣшнихъ—на шведовъ и поляковъ. Война со шведами шла не совсѣмъ удачно, войска наши терпѣли частыя пораженія. Только Псковъ прославилъ себя доблестной защитой. Самъ король шведскій, считавшійся тогда лучшимъ полководцемъ, долго и безуспѣшно стоялъ подъ Псковомъ. Боясь, что война затянется надолго, король, наконецъ, на миръ согласился. Шведы возвратили намъ Новгородъ и Старую Руссу съ областями, а мы принуждены были уступить шведамъ и все побережье Финскаго залива и прилегающія къ Балтійскому морю земли.—Тяжелы были эти уступки: у Россіи было отнято море, и мы надолго потеряли возможность сообщаться съ западной Европой.

Еще труднѣе было поладить съ Польшей. Владиславъ не хотѣлъ и слышать объ отреченіи отъ Московскаго престола. Съ польскимъ и казацкимъ войскомъ онъ подступилъ къ самой Москвѣ и хотѣлъ взять столицу. Но всѣ приступы поляковъ были отбиты. Измѣнниковъ въ Москвѣ ужъ больше не оказалось. Владиславъ пошелъ тогда на Троицкую лавру и потребовалъ, чтобы монастырь сдался. Со стѣнъ монастыря ему отвѣтили изъ пушекъ. А наступила ужъ зима, въ войскѣ Владислава поднялся ропотъ. И королевичъ принужденъ

былъ на миръ согласиться. Россія уступила Польшѣ коренныя свои области—Смоленскую, Черниговскую, Сѣверскую. Обмѣнялись и плѣнными, въ числѣ которыхъ возвратился въ Россію родитель государя, митрополитъ Филаретъ.

Тяжелою цѣною купила Россія миръ со Швеціей и Польшей. Но необходимо было покончить съ разорительною войной, чтобы всѣ силы устремить на возстановленіе въ землѣ порядка. Дѣла предстояло много: нужно установить правильный и для всѣхъ безобидный сборъ податей и пошлинъ, обуздать своеволіе воеводъ и приказныхъ, избавить народъ отъ поборовъ, придти на помощь торговлѣ, позаботиться о просвѣщеніи.

Отецъ и сынъ.

Торжественна и трогательна была встрѣча Филарета Никитича съ царемъ-сыномъ. За десять верстъ отъ Москвы вышли духовенство и бояре, и на всемъ пути, до самой столицы, не прерывались торжественныя встрѣчи. Толпы народа тянулись отъ Москвы по всей дорогѣ.

Царь, окруженный боярами и людьми всякаго званія, выѣхалъ за пять верстъ навстрѣчу. Девять лѣтъ Михаилъ былъ въ разлукѣ съ отцомъ, томившимся въ тяжкомъ плѣну у поляковъ. Много перемѣнъ произошло въ это время на Руси и въ жизни Михаила!.. И вотъ, наконецъ, встрѣтились отецъ съ сыномъ. Оба поклонились другъ другу въ ноги: Филаретъ преклонился передъ царемъ-самодержцемъ, а царь—передъ отцомъ и страдальцемъ за Русскую землю. Долго не могли они вымолвить и слова. Изъ глазъ лились радостныя слезы.

Съ восторгомъ встрѣтилъ и народъ великаго страдальца и своего стараго любимца, попросту называя его Никитичемъ. Отъ мала до велика всѣ спѣшили поглядѣть на него и не могли наглядѣться.

При звонѣ всѣхъ колоколовъ, вступилъ Филаретъ въ столицу. Царь шелъ пѣшій передъ колымагой, въ которой везли Филарета. За ними слѣдовали бояре и несмѣтныя толпы народа.

Въ Москвѣ давно ужъ ожидалъ Филарета осиротѣвшій престолъ патріаршій. Черезъ десять дней послѣ пріѣзда, Филарета возвели въ санъ Всероссійскаго патріарха.

Отецъ и сынъ раздѣлили труды по управленію государствомъ. Юный Михаилъ былъ отъ природы кротокъ сердцемъ, милостивъ, довѣрчивъ; а его окружали люди хитрые, своекорыстные: искали они власти ради почестей и богатства, мало заботились о пользѣ разоренной Россіи. Умудренный опытомъ, твердый характеромъ, горячо любящій родину,—Филаретъ сталъ главнымъ руководителемъ государя. Безъ отца Михаилъ не рѣшалъ ни одного важнаго дѣла. Во всѣхъ грамотахъ и указахъ тогда писали: «Государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Россіи и великій государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ Московскій и всея Россіи указали».

До самой своей смерти неустанно трудился патріархъ Филаретъ, дабы излѣчить тяжкія раны родной земли, потрясенной невзгодами безначальнаго времени.

Царская невѣста и нареченный тесть.

По приказу царя Михаила Ѳеодоровича, собрались въ Москву со всѣхъ городовъ дѣвицы знатныхъ фамилій, чтобы выбралъ изъ нихъ государь себѣ невѣсту.

Наканунѣ выбора разослали по Москвѣ царскія повозки и привезли дѣвицъ въ Кремль, въ государевы палаты. Матери и ближнія родственницы, сопровождавшія дѣвицъ, представили ихъ царицѣ—инокинѣ Марѳѣ Ивановнѣ, а сами разъѣхались по домамъ. При каждой дѣвицѣ осталась только прислужница.

Показали царю всѣхъ дѣвицъ, и спрашиваетъ послѣ того царица-мать государя-сына,—на кого палъ его выборъ? Михаилъ Ѳеодоровичъ говоритъ ей:—«Евдокія Стрѣшнева мнѣ по сердцу».— А Евдокія Стрѣшнева была прислужницей при своей знатной родственницѣ.

Изумилась царица и ушамъ не вѣритъ, что сынъ-государь выбралъ себѣ такую невѣсту: недостойна она царскаго сана; что скажутъ князья и знатные бояре?— Уговариваетъ царица сына, велитъ ему отказаться отъ такого желанья, приказываетъ избрать другую.

Говоритъ царь кротко матери-царицѣ:—«По волѣ Божіей, и по

твоей материнской волѣ, принялъ я вѣнецъ царскій, и ни въ чемъ не посмѣю быть тебѣ ослушнымъ,—исполню все, что ты прикажешь. Только не властенъ я въ своемъ сердцѣ,—не выберетъ, не полюбитъ оно другой дѣвицы! Правда, не знатнаго она рода, жила въ бѣдности, терпѣла много горя; но, вѣдь, и я въ своей жизни не мало претерпѣлъ гоненій и напастей, и вотъ теперь лишаюсь невѣсты при самомъ избраніи».—И полились тутъ слезы изъ очей государя.

Не устоять материнскому сердцу противъ слезъ покорнаго сына. И говоритъ со слезами мать Михаилу:—«А я развѣ не терпѣла напастей и горя? Ты одинъ былъ мнѣ въ скорбяхъ утѣшеньемъ. Воля Божія да будетъ надъ тобою: возьми ту, которая пришлась тебѣ по сердцу, а я буду любить ее, какъ дочь свою родную!»

Посылаетъ царица развѣдать о родѣ и племени, о жизни и нравѣ прежней прислужницы, а теперь—невѣсты царской. Докладываютъ царицѣ, что Евдокія Лукьяновна — дочь бѣднаго дворянина Лукьяна Степановича Стрѣшнева. Самъ Лукьянъ Стрѣшневъ живетъ въ деревнѣ, пашетъ землю. А дочь его, Евдокію, взяли изъ милости дальніе родственники въ прислужницы къ своей дочери. Скромна и тиха была Евдокія и много горя терпѣла отъ гордой, своенравной дочери боярской.

Нарядили Евдокію Лукьяновну въ богатыя одѣянья. Царица Маѳа своей дочерью ее называетъ. Царь Михаилъ передъ всѣмъ духовенствомъ объявляетъ Евдокію своею невѣстой. Заблаговѣстили къ молебну. Въ это время приводятъ на поклонъ къ царской невѣстѣ всѣхъ дѣвицъ—дочерей княжескихъ и боярскихъ. Смутилась кроткая Евдокія, не допускаетъ дѣвицъ цѣловать руку,—сама всѣхъ цѣлуетъ. Въ страхѣ подходитъ къ Евдокіи и ея знатная родственница и въ слезахъ припадаетъ къ ногамъ царской невѣсты:—«Не попомни, государыня, моей вины передъ тобою!»—Поднимаетъ ее Евдокія, кланяется ей низко, цѣлуетъ, говоритъ со слезами:—«И меня прости, если чѣмъ тебя прогнѣвила, а тебя Богъ проститъ».

На другой день торжественно совершено было обрученіе государя съ Евдокіей Лукьяновной Стрѣшневой.

Посылаетъ царь со своей царской грамотой и съ богатыми дарами

пословъ къ Лукьяну Степановичу Стрѣшневу,—къ своему нареченному тестю.

Пріѣзжаютъ царскіе послы въ деревню, спрашиваютъ, гдѣ живетъ Лукьянъ Степановичъ Стрѣшневъ? Показываютъ имъ на ветхую избушку, подъ соломенной крышей,—«а самъ Лукьянъ»,—говорятъ,—въ полѣ, полосу пашетъ».

Взяли послы провожатаго, поѣхали въ поле, видятъ,—пашетъ мужикъ близъ дороги. — «Вотъ это — самый и есть Лукьянъ Стрѣшневъ»—говоритъ посламъ провожатый.

Подходятъ послы къ Лукьяну, сняли шапки, говорятъ съ поклономъ: — «По волѣ Божьей и изволенію государя, дочь твоя, Лукьянъ Степановичъ, наречена царской невѣстой».

— «Ошиблись вы, добрые люди»,—отвѣчаетъ Лукьянъ Стрѣшневъ,—«не ко мнѣ вы посланы, не мнѣ и слушать ваши рѣчи».

Еще ниже поклонились послы нареченному царскому тестю, подаютъ ему грамоту за царскою печатью.—Упалъ тутъ Стрѣшневъ на колѣни, поцѣловалъ грамоту, самъ крестится, и всего только промолвилъ:—«Божья воля!»

Просятъ послы Лукьяна Степановича сѣсть въ присланную ему отъ царя повозку. — «И пѣшкомъ дойду, родные»!—говоритъ имъ Стрѣшневъ.

Перепрягъ Лукьянъ свою лошадь, перевернулъ соху и пошелъ, за сохой въ деревню, а за нимъ ѣдутъ послы въ царскихъ повозкахъ.

Пріѣхали къ дому. Поставилъ Лукьянъ на мѣсто соху, обрядилъ лошадь и проситъ съ поклономъ гостей къ себѣ въ избу.

Вошли послы за хозяиномъ въ тѣсную, черную избу, принялъ Лукьянъ отъ пословъ грамоту, положилъ ее на божницу передъ образами, сотворилъ три земныхъ поклона.

Привезли съ собой послы разные припасы и гостинцы, угощаютъ Лукьяна. А Лукьянъ проситъ гостей не побрезговать,—прежде его хлѣба-соли откушать. Собрала древняя старуха-домовница столъ, положила на столъ коровай хлѣба, поставила чашку щей сѣрыхъ,—и поѣли, чѣмъ Богъ послалъ, Стрѣшневъ съ царскими послами.

— «Собирайся, Лукьянъ Степанычъ,—говорятъ послы,—въ Москву, поѣдемъ къ государю».

— «Подождите, добрые люди,—отвѣчаетъ Стрѣшневъ, дайте мнѣ управиться съ дѣлами».

На другой день, рано поутру идетъ Стрѣшневъ въ церковь, отслужилъ молебенъ, сходилъ къ родителямъ на могилку, простился съ ними, попросилъ святого родительскаго благословенья. Зоветъ Стрѣшневъ къ себѣ въ домъ священника и проситъ—присмотрѣть безъ него за избушкой,—чтобъ не пришелъ родительскій кровъ въ запустѣнье. Все скудное имѣнье свое раздѣлилъ Стрѣшневъ—на церковь, на бѣдныхъ, священнику на поминовенье, да на прокормленье старухѣ-домовницѣ. Только малую часть изъ одежи себѣ оставилъ. Одѣлся Стрѣшневъ въ присланные отъ царя богатые наряды, а свою одежку уложилъ въ коробъ:—«Это,—говоритъ,—съ собой въ Москву повезу, на память».

Собрался народъ къ избѣ Лукьяна. Стрѣшневъ со всѣми простился, каждаго поцѣловалъ, каждому поклонился низко. Отозвалъ потомъ священника къ сторонкѣ, отдалъ ему послѣднія, какія были, трудовыя деньги, — просилъ раздѣлить ихъ бѣднымъ крестьянамъ.

Принялъ Лукьянъ Степанычъ отъ священника послѣднее благословенье, сѣлъ въ царскую повозку и перекрестился, отправился въ путь-дорогу, на новую жизнь.

Пріѣхали въ Москву, прямо къ царскимъ палатамъ. На крыльцѣ встрѣтилъ Стрѣшнева самъ царь и повелъ его въ покои къ матери-царицѣ. Вывела мать-царица Евдокію и говоритъ Стрѣшневу:— «вотъ моя богоданная дочка!» А сама съ царемъ вышла изъ покоя.

Со слезами бросилась къ отцу на шею Евдокія, отъ рыданій не можетъ выговорить слова. Какъ поуспокоилась немного, сталъ говорить ей Лукьянъ Степановичъ: — «Богъ взыскалъ тебя милостью Своею, не забывай, что ты была убога и печальна. Всѣмъ сердцемъ будь повержена къ государю, своему мужу. Передъ людьми не возносись. Будь милосердна къ бѣднымъ. Только дѣлами своими мы и можемъ возблагодарить Господа Бога. И какая польза родствомъ быть высокимъ, а дѣлами—низкимъ».

Лукьяну Степановичу отвели въ царскихъ палатахъ особые покои, приставили къ нему прислужниковъ многихъ, осыпалъ его царь всякимъ богатствомъ и почетомъ. Но и въ царскихъ палатахъ не

позабылъ Стрѣшневъ своей прежней соломенной избушки. Въ одной потайной комнатѣ, за перегородкой, развѣсилъ Стрѣшневъ по стѣнѣ свою деревенскую одежду, опояску, лапти. И до самой своей смерти, каждое утро приходилъ сюда Стрѣшневъ. Отдернетъ занавѣску и промолвитъ:—«Помни, Лукьянъ, что былъ ты прежде! Не возносись надъ другими! Не утѣсняй бѣдныхъ, а дѣлись съ ними послѣднимъ: они твои братья! Не забывай, Лукьянъ, что богатство и бѣдность, убожество и сила—все отъ Господа-Бога!»

Азовское дѣло. *(1637 г.)*

Для защиты южныхъ окраинъ отъ татарскихъ набѣговъ московскіе цари издавна строили на границѣ укрѣпленія и содержали въ нихъ сторожевые отряды. Сюда, на далекія окраины, издавна же, со всѣхъ концовъ Руси стекались бѣглые холопы, крѣпостные крестьяне и всякіе гулящіе люди: кого гнали горе съ нуждою, а иныхъ манило вольное житье.

Трудно было нашимъ царямъ держать казацкую вольницу въ своей власти. Казаки творили, что хотѣли: самовольно нападали на татаръ и турокъ, грабили и разбойничали по берегамъ Чернаго моря. Московское правительство то совсѣмъ отъ нихъ отрекалось, какъ отъ воровъ и разбойниковъ, то посылало имъ щедрые подарки и жалованье, какъ защитникамъ окраинъ.

Затѣяли разъ донцы идти всѣмъ войскомъ подъ Азовъ—«промыселъ надъ нимъ учинить». Къ донцамъ пришли степью около тысячи запорожскихъ казаковъ. Помолились Богу, выступили въ походъ.

Той порой проѣзжалъ по Дону въ Москву турецкій посланникъ съ людьми своими. Казаки его перехватили. Посовѣтовавшись между собою, казаки собрались на сходку и послу турецкому объявляютъ:— «Слыхали мы, что ты хвалился донскихъ казаковъ разогнать и съ Дону свесть; писалъ ты въ Москву, чтобъ государь велѣлъ повѣсить нашего атамана; за такое твое воровство донскіе атаманы и все казацкое войско приговорили тебя казнить лютой смертью».—И казаки тутъ же саблями посла изрубили, перебили и всѣхъ людей, какіе съ нимъ были.

Черезъ короткое время послѣ этой самовольной расправы, казаки ужъ стоятъ подъ Азовомъ, и скоро его взяли, всѣхъ жителей безъ пощады перебили (не тронули однихъ грековъ), плѣнныхъ христіанъ освободили и засѣли въ городѣ, готовясь къ оборонѣ.

Тѣмъ временемъ посылаютъ казаки гонца въ Москву извѣстить царя, что они «турецкаго посланника со всѣми его людьми изрубили, городъ Азовъ взяли и ни одного азовскаго человѣка, ни на степи, ни на морѣ, не упустили,—всѣхъ изрубили».

Въ отвѣтъ на это царь объявляетъ строгій выговоръ казакамъ:— «Вы это, атаманы и казаки, учинили не дѣло, что турецкаго посла съ людьми побили самовольно. Нигдѣ не водится, чтобы пословъ побивать; хотя гдѣ и война бываетъ, то и тутъ послы свое дѣло дѣлаютъ, и никто ихъ не побиваетъ. Азовъ взяли вы безъ нашего царскаго повелѣнья, а атамановъ и казаковъ добрыхъ къ намъ не прислали, кого бы подлинно спросить, какъ тому дѣлу впередъ быть?»

Хоть для Руси и выгодно было владѣть Азовомъ, чтобъ держать отсюда татаръ въ страхѣ, но войны съ турецкимъ султаномъ царь опасался *) и написалъ султану грамоту, чтобъ онъ «досады и нелюбья на царя не держалъ, что казаки убили посла и взяли Азовъ самовольно, что султанъ можетъ дѣлать съ казаками, что хочетъ,—хоть ихъ, воровъ, всѣхъ въ одинъ часъ вели повѣсить».

Султанъ двинулъ къ Азову большое войско. Турокъ было болѣе двухсотъ тысячъ съ сотней осадныхъ орудій; да пришелъ на подмогу къ туркамъ и ханъ крымскій съ своей ордою. А казаковъ въ Азовѣ было много-много тысячъ пятнадцать, да казачекъ съ ними сотъ восемь (и онѣ усердно помогали своимъ мужьямъ въ оборонѣ). Но казаки засѣли въ Азовѣ крѣпко и отчаянно защищались: двадцать четыре приступа сдѣлали турки, и всякій разъ были отбиты съ большимъ урономъ. Турки пробовали бросать въ городъ письма, сулили большія деньги за измѣну; но ни перебѣжчикъ не являлся къ туркамъ, ни одинъ плѣнникъ, подъ самыми страшными пытками, не сказалъ даже и о числѣ защитниковъ Азова.—Пробились турки подъ

*) Крымъ и все побережье Чернаго моря считалось тогда подъ властію турокъ.

Азовомъ чуть не полгода, потеряли людей около 20 тысячъ, и принуждены были снять осаду.

Опять полетѣлъ гонецъ въ Москву изъ Азова. Извѣщаютъ казаки царя о своемъ дѣлѣ, просятъ принять отъ нихъ Азовъ подъ свою крѣпкую руку и прислать имъ подмогу. «Голодны мы, босы и наги», — пишутъ царю казаки, — «порохъ и свинецъ весь изстрѣляли; многіе изъ нашихъ собираются врозь пойти, а многіе переранены».

Молодецкая оборона пришлась въ Москвѣ всѣмъ по сердцу. Посылаетъ царь казакамъ щедрое жалованье и пишетъ: — «Мы васъ за эту службу вашу и радѣнье милостиво похваляемъ».

И выгодно и опасно было взять Азовъ отъ казаковъ. Созвалъ царь земскій соборъ, посовѣтоваться объ этомъ дѣлѣ. На соборѣ всѣ выборные люди объявили, что готовы жертвовать и жизнью, и всѣмъ достояніемъ, когда государь это прикажетъ. Но слышитъ царь отъ выборныхъ, что черный народъ все еще не оправился отъ разоренья, страдаетъ отъ тяжкихъ налоговъ и всякихъ поборовъ. Видитъ царь, что война съ турками будетъ за великую тягость народу, — посылаетъ сказать казакамъ, чтобъ они покинули Азовъ.

Не оставили казаки въ городѣ камня на камнѣ. Когда огромное турецкое войско пришло опять отнимать Азовъ у казаковъ, — нашли здѣсь только груды развалинъ.

Изъ царствованія Алексѣя Михайловича.

Югозападная Русь подъ властію Польши.

Послѣ нашествія татаръ югозападныя наши области (отъ Балтійскаго моря до Днѣпра и на югъ до Чернаго моря) одна за другою переходятъ подъ власть литовцевъ. Литовскіе князья не притѣсняли ни въ чемъ русскихъ, а православной вѣрѣ оказывали даже великое уваженіе: они позволяли и литовцамъ креститься въ православную вѣру, и сами крестились. Многіе изъ нихъ переженились на русскихъ княжнахъ, выучились говорить по-русски, обучались русской грамотѣ, перенимали русскіе обычаи и порядки. Литовскіе вельможи часто

приходили и въ Москву на службу. Скоро совсѣмъ обрусѣли бы литовцы, если бы Литва не соединилась съ Польшей, на великую бѣду и для себя, и для русскихъ.

Въ первое время послѣ этого соединенія и литовцамъ, и русскимъ хорошо жилось, какъ и прежде: литовцы не давали полякамъ боль-

Алексѣй Михайловичъ.

шой власти, и во всемъ держались своихъ старыхъ порядковъ. Но Польша съ завистью смотрѣла, какъ московскіе князья собираютъ Русь воедино; поляки опасались, какъ бы Москва не отняла у Литвы

и Польши коренныхъ земель русскихъ. И Польша всякими неправдами добилась, наконецъ того, что совсѣмъ завладѣла Литвою и Западною Русью и стала хозяйничать по-своему, стараясь ополячить и литовцевъ, и русскихъ.

Полякамъ не трудно было взять верхъ надъ русскими и литовцами: поляки стояли по образованію гораздо выше, и порядки въ землѣ были у нихъ другіе. Польскіе паны захватили власть въ свои руки и распоряжались государственными дѣлами, а король въ Польшѣ власти имѣлъ мало, паны его не боялись и во всемъ поступали, какъ хотѣли. Русскимъ дворянамъ даны были тѣ же вольности, какъ и польскимъ, и русскіе паны стали стараться, чтобъ ни въ чемъ не отличаться отъ поляковъ. И одѣвались и жили по-польски. Женились на полькахъ, воспитывали и учили дѣтей по-польски. Скоро совсѣмъ переродились дворяне и ужъ съ презрѣніемъ смотрѣли на все русское; стали, наконецъ, стыдиться и своей вѣры, какъ вѣры мужицкой, и переходили въ католическую вѣру.

Русскіе дворяне во всемъ сравнялись съ польскими и получили отъ того много выгодъ. Сравнялись и русскіе крестьяне съ польскими, — но жизнь ихъ отъ этого стала хуже татарской неволи. По законамъ польскимъ, помѣщикъ имѣлъ неограниченную власть надъ своими «*подданными*» (крестьянами); прогнѣвается панъ, и не только отнимаетъ у беззащитнаго холопа все, что у него есть, но и самого убьетъ, когда захочетъ, и за это ни отъ кого и дурного слова не услышитъ.

Пану требовалось много денегъ, потому что дворяне въ Польшѣ жили съ неслыханной роскошью. Бережливость считалась постыдною. Груды серебра и золота украшали панскіе столы за обѣдомъ. Нетолько въ праздникъ, но и въ будни подавалось къ обѣду множество всякаго яства, дорогія иноземныя вина; гремѣла музыка; раздавались хоры пѣсенниковъ; прислуживала большая толпа служителей нарядныхъ. Одѣвались паны въ бархатъ, въ золото, украшали себя драгоцѣнными камнями. При своемъ дворѣ содержалъ панъ множество челяди, цѣлые отряды дворянъ беземельныхъ (шляхтичей) и всякихъ другихъ дармоѣдовъ.—Много денегъ требовалось пану, и эти деньги съ крестьянъ собирали. — «Паны въ Польшѣ блаженствовали,—какъ тогда говорили,—будто въ раю, а крестьяне мучились, какъ въ аду.»

Сами паны веселились каждый день въ своихъ роскошныхъ дворцахъ, некогда имъ было управлять своими помѣстьями, и они отдавали ихъ въ аренду евреямъ, которые, какъ пауки, высасывали изъ крестьянъ послѣдніе соки. Помѣщикъ передавалъ арендатору-еврею всю свою власть надъ холопами,—надъ ихъ имуществомъ и самою жизнью, и арендаторъ могъ дѣлать съ крестьянами, что хочетъ. Жаловаться было некому.

Только въ прародительской вѣрѣ, въ православной церкви, холопъ и находилъ себѣ отраду. Но и это послѣднее утѣшеніе отняли у холоповъ іезуиты (католическіе монахи). Іезуиты вкрались понемногу въ довѣріе короля и знатныхъ вельможъ, стали властно распоряжаться всѣми дѣлами въ Польшѣ.—«Нужно насильно обратить православныхъ въ католическую вѣру»,—говорили іезуиты королю и вельможамъ: — «за это вы и царство небесное получите, и Польшу спасете: русскіе только тогда забудутъ свое происхожденіе и сольются въ одинъ народъ съ поляками, когда примутъ католическую вѣру».— И православныхъ насильно гнали въ католичество, притѣсняли ихъ всякими средствами. Ремесленнику и купцу, если онъ былъ православный, не позволяли заниматься своимъ дѣломъ, не разрѣшали даже и въ городѣ жить. Православныхъ не принимали на казенную службу. Православный священникъ не смѣлъ открыто идти къ больному со святыми Дарами, не смѣлъ хоронить покойниковъ по православному обряду. Дѣти умирали безъ крещенія, народъ—безъ исповѣди, безъ пріобщенія Св. Таинъ. Надъ православной святыней ругались и дѣлали всякія безчинства. Православные монастыри и храмы обращали въ католическіе, отдавали евреямъ въ аренду. Арендаторъ-еврей бралъ ключи отъ церкви и требовалъ денегъ за всякую церковную службу, и при этомъ еще надругался надъ церковью и вѣрой.

Находились избранники изъ русскихъ вельможъ (князь Острожскій), изъ духовенства (митрополитъ Петръ Могила), которые истощали всѣ средства въ борьбѣ съ іезуитами (заводили школы, печатали книги и проч.), но и они ничего не могли сдѣлать. Дворянство русское ополячилось, трудно было устоять и простому народу; но на защиту русской народности и вѣры православной отважно возстало неустрашимое и сильное казачество.

Малороссійскіе казаки.

Для защиты окраинъ отъ татарскихъ набѣговъ, литовскіе и польскіе короли, какъ и московскіе цари, строили на южной границѣ сторожевыя укрѣпленія и понемногу заселяли степи. Поселенцы занимались земледѣліемъ, рыбной ловлей, охотой; но имъ безпрестанно приходилось отбиваться отъ татаръ; нельзя было ни на минуту выпускать изъ рукъ оружія: и военное дѣло стало для нихъ занятіемъ обычнымъ *). Сюда, на далекія окраины, въ привольныя степи стекались бѣглецы-крестьяне (большею частію—русскіе)—изъ Литвы и Польши. И чѣмъ тяжелѣе приходилось холопамъ отъ пановъ, тѣмъ сильнѣе увеличивалось число украинскихъ казаковъ.—Султанъ какъто спросилъ у казаковъ:—«Сколько васъ всего на Украйнѣ?»—«У насъ гдѣ кракъ (кустъ), тамъ и казакъ; а гдѣ буеракъ, тамъ сто казакъ».—Скоро стали казаки опасны и грозны не только для татаръ и турокъ, но и для поляковъ.

Сперва казаки только отбивались отъ разбойничьихъ татарскихъ набѣговъ. Потомъ и сами стали ходить къ татарамъ за добычей: нападали на татарскія селенія, угоняли скотъ, грабили купеческіе караваны. Наконецъ, война съ татарами и турками стала для казаковъ ремесломъ настоящимъ. Собирались они въ большое войско, спускались на легкихъ «чайкахъ» (лодкахъ) въ открытое море и громили побережье Турціи не только въ Европѣ, но и въ Азіи, грабили корабли на морѣ. Много казацкой силы гибло въ этихъ походахъ; зато кто на родину возвращался, тѣ привозили богатую добычу,—и золото, и ковры, и парчу, и шелковыя ткани, и всякіе драгоцѣнные товары. Долго послѣ удачнаго похода идетъ пиръ горой у казаковъ,—пьютъ безъ мѣры, веселятся и бражничаютъ, пока есть въ карманѣ деньги.

Турецкій султанъ часто корилъ польскихъ королей за разбои казаковъ, грозилъ Польшѣ войною. Но королямъ и самимъ бы хотѣлось прибрать къ рукамъ казаковъ, да трудно было это сдѣлать. Король Стефанъ Баторій велѣлъ, было, записать въ списокъ шесть тысячъ лучшихъ казаковъ: подѣлилъ ихъ на полки, назначилъ жа-

*) Запорожскіе казаки образовали изъ себя особое военное братство—знаменитую Запорожскую Сѣчь (за порогами Днѣпра, на островѣ Хортицѣ).

лованье, чтобъ служили ему вѣрой и правдой. Всѣхъ остальныхъ казаковъ король приказалъ записать въ крѣпостные крестьяне. Жалованье казаки принимали, а слушаться короля и служить ему не пожелали; не хотѣли они переходить и въ крѣпостные. Остались казаки въ прежнемъ числѣ, принимали къ себѣ новыхъ выходцевъ, и своевольничали по-старому.

А въ Польшѣ все хуже да хуже жилось православнымъ крестьянамъ, и они толпами бѣжали на Украйну. Не по днямъ, а по часамъ росла казацкая сила, росла и разгоралась и ненависть—и къ панамъ, и къ евреямъ, и къ католическому духовенству. И, наконецъ, поднялись казаки на защиту своихъ православныхъ братьевъ. Пятьдесятъ лѣтъ не прекращаются насилія поляковъ; пятьдесятъ лѣтъ отчаянно борются казаки съ Польшей, и кровавая борьба становится все грознѣе и грознѣе.

Видятъ казаки, что одолѣть недруга не хватаетъ силы: все больше и больше стали поговаривать они,—не отдаться ли подъ защиту единокровной и единовѣрной Россіи?—Это великое дѣло соединенія двухъ родныхъ народовъ совершилъ гетманъ малороссійскій—Богданъ Хмельницкій.

Богданъ Хмельницкій.

Богданъ Хмельницкій былъ казакъ природный. Учился онъ сначала въ Кіевскомъ духовномъ училищѣ, а потомъ—и въ іезуитской школѣ. Служилъ Хмельницкій при дворѣ богатаго пана Потоцкаго, завѣдывалъ панскими конюшнями.

Однажды Потоцкій, напившись пьянъ, хотѣлъ, было, ради потѣхи, отрубить голову своему конюшему. Но Хмельницкому была дорога своя голова,—онъ убѣжалъ на Украйну и записался въ казаки.

За храбрость, смѣтливость и расторопность казаки Хмельницкаго полюбили, а за грамотность почитали, и скоро выбрали его главнымъ при гетманѣ писаремъ. Хмельницкій держалъ себя очень искусно: жилъ душа въ душу съ казаками, участвовалъ съ ними во всѣхъ возстаніяхъ; но въ то же время дружилъ съ поляками, и тѣ его за умъ и образованіе уважали. Но неожиданный случай заставилъ Хмельницкаго открыто возстать противъ поляковъ.

У Хмельницкаго былъ хуторъ «Субботово». Пану Чаплинскому понравился этотъ хуторъ, и онъ отнялъ его у Хмельницкаго, засѣкъ до смерти его сына, а съ женой повѣнчался. Хмельницкій жаловался въ судѣ, доходилъ до самого короля, но нигдѣ не нашелъ себѣ управы. Тогда онъ рѣшился взяться за саблю.

Ѣдетъ Хмельницкій изъ Варшавы на Украйну, останавливается подолгу въ каждомъ селеніи, подбиваетъ народъ къ возстанію противъ поляковъ. Пріѣхалъ Хмельницкій домой, оповѣстилъ своихъ знакомыхъ, собираетъ ихъ въ лѣсу для совѣта. Явилось много старыхъ казаковъ съ сивымъ усомъ, съ рубцами на лбу отъ польскихъ сабель.—«Въ Польшѣ нѣтъ намъ ни суда, ни защиты»,—говоритъ Хмельницкій:—«отцы наши саблями добывали правду, а намъ чего ждать?» — Загремѣли саблями сѣдые казаки, порѣшили подняться на поляковъ, а Хмельницкаго тутъ же гетманомъ избрали.

Поѣхалъ Хмельницкій къ запорожцамъ,—тѣ хоть сейчасъ на войну готовы. Побывалъ онъ въ Крыму и привелъ оттуда отрядъ татаръ въ нѣсколько тысячъ. Собралъ тогда Хмельницкій казаковъ на сходку и объявляетъ, что все готово. Весело зашумѣли казаки, въ одинъ голосъ порѣшили идти на поляковъ. Полетѣли во всѣ стороны гонцы, зовутъ и казаковъ, и крестьянъ къ возстанію.

Всколыхнулась вся Украйна; заволновались православные на Литвѣ и въ Польшѣ. Собираются къ Хмельницкому и казаки, и крестьяне. Выступило въ походъ казацкое войско, переправилось черезъ Днѣпръ, вошло въ польскія земли.

Начальникъ польскаго войска, Потоцкій, послалъ противъ Хмельницкаго два отряда,—одинъ по Днѣпру на лодкахъ, другой—сухопутьемъ. Узналъ Хмельницкій, что на судахъ все свои же—казаки, выѣхалъ къ нимъ навстрѣчу. Какъ увидали казаки своего «батьку» (такъ они называли своихъ атамановъ), шапками замахали, побросали начальниковъ-поляковъ въ воду, причалили къ берегу, кричатъ Богдану:—«Веди насъ, батько, на поляковъ!» Хмельницкій сказалъ имъ:—«Да будетъ вамъ извѣстно, что мы взялись за сабли не ради славы и добычи, а ради обороны жизни и чести. Всѣ народы защищаютъ жизнь свою и свободу, то же дѣлаютъ звѣри и птицы,—на то далъ имъ Богъ зубы и когти».

Повелъ Хмельницкій свое войско противъ сухопутнаго польскаго отряда (онъ стоялъ на рѣчкѣ «Желтыя воды»). Съ гикомъ кинулись на поляковъ съ одной стороны казаки, а съ другой—татары. Попрятались поляки въ своемъ обозѣ. Требуетъ Хмельницкій, чтобы поляки отдали свои пушки, обѣщаетъ за это всѣмъ людямъ милость. Поляки принуждены были согласиться, поднялись и пошли изъ стана. Отошли немного,—вдругъ на нихъ кинулись татары: кого изрубили, кого въ плѣнъ захватили, всѣхъ до-чиста обобрали. А казаки стоятъ поодаль и только смѣются.

Богданъ Хмельницкій.

Ничего не зналъ объ этомъ Потоцкій: спокойно стоялъ на мѣстѣ со всѣмъ своимъ войскомъ, проводилъ время въ веселыхъ пирахъ и попойкахъ. Хвастались на этихъ пирахъ поляки, что плетьми разгонятъ мужицкое войско.

Но вотъ Потоцкому доносятъ, что деревни кругомъ опустѣли, что въ перелѣскахъ показались вооруженные люди. Смутился Потоцкій, повелъ впередъ войско. Идутъ,—а вездѣ пусто, народъ будто вымеръ. Узнаетъ, наконецъ, Потоцкій отъ израненнаго поляка всю правду, испугался, поворотилъ назадъ съ своимъ войскомъ. А казаки ужъ тутъ,—по пятамъ идутъ, догоняютъ поляковъ. Послалъ Хмельницкій отрядъ доброконныхъ казаковъ обогнать польское войско, испортить впереди дорогу, и сдѣлалъ на пути въ лѣсу засаду. Какъ только дошли поляки до этого лѣса,—кинулись на нихъ съ двухъ сторонъ казаки и татары, завязалась лютая сѣча. Мало кому удалось спастись съ побоища цѣлымъ; кто ушелъ, тѣхъ окрестные крестьяне ловили и приводили къ казакамъ на расправу.

Быстро разнеслась во всѣ концы вѣсть объ истребленіи польскаго войска. Православное духовенство призывало всѣхъ возстать поголовно. Закипѣла и поднялась вся Украйна, поднялись всѣ русскіе въ Литвѣ и Польшѣ, въ Подоліи и на Волыни. Ни разу еще не было такого всеобщаго возстанія. Крестьяне становились въ ряды казацкаго войска,—шли добывать себѣ волю. Появилось множество и отдѣльныхъ небольшихъ отрядовъ (*гайдамаки*), разсыпались они по Литвѣ и Польшѣ—очищать русскую землю отъ евреевъ и поляковъ.

А поляки въ это страшное для нихъ время межъ собою враждовали и спорили о томъ, кого имъ избрать на мѣсто умершаго короля Владислава. Хмельницкій тѣмъ временемъ еще и еще жестоко разбилъ польское войско: гайдамаки безъ пощады избивали и вѣшали пановъ, евреевъ и монаховъ, жгли и грабили ихъ имѣнья, монастыри и церкви.

Избрали, наконецъ, поляки въ короли Казимира; объявлено было по всей Польшѣ поголовное ополченіе; самъ король принялъ начальство надъ войскомъ. А къ Хмельницкому пришли на подмогу татары, турки, черкесы, донскіе казаки. Кинулся Хмельницкій королю навстрѣчу. Подъ городомъ Зборовымъ произошла кровавая битва. Два дня отчаянно боролся съ поляками Хмельницкій. Плохо приходилось полякамъ, со всѣхъ сторонъ окружали ихъ казаки, и всѣхъ бы до единаго перебили, если бъ Хмельницкій не остановилъ бойни. Не хотѣлъ онъ воевать противъ своего государя и предложилъ Казимиру покончить дѣло миромъ. Тяжело было гордымъ полякамъ вступить съ мятежными холопами въ переговоры, но, дѣлать нечего, пришлось поневолѣ согласиться на уступки.

Миръ былъ заключенъ, и всѣ были имъ недовольны. Поляки только и думали какъ бы отомстить холопамъ и опять поставить все, какъ прежде было. А русскіе крестьяне ни за что не хотѣли больше оставаться у пановъ въ неволѣ. Ворчали на Хмельницкаго и казаки, что онъ не довелъ до конца такъ успѣшно начатаго дѣла. Опять составляются вольные отряды гайдамаковъ, опять пошла рѣзня, и война загорѣлась. Польское войско на этотъ разъ было велико, а казаковъ было мало. На голову было разбито казацкое войско, и разомъ лишились казаки всѣхъ выгодъ, добытыхъ потоками крови.

Видитъ Хмельницкій,—не одолѣть казакамъ Польши, и молитъ онъ царя московскаго (Алексѣя Михайловича), чтобы онъ принялъ Украйну подъ свою высокую руку.

Въ Покровъ день (1653 г.), послѣ обѣдни, собрался въ Москвѣ, въ кремлевскомъ дворцѣ, земскій соборъ, и царь объявилъ челобитную украинскаго народа. Духовенство и бояре, и всѣ выборные люди единогласно порѣшили:—«Малороссію подъ власть Россіи принять и войну Польшѣ объявить, если будетъ нужно».

Отправилъ царь къ Хмельницкому великое посольство, чтобы принять отъ украинскаго народа присягу на вѣчное соединеніе съ Московскимъ государствомъ.

Собралась въ Переяславлѣ великая рада (всенародная сходка). Раннимъ утромъ ударили въ бубны, повалилъ народъ на площадь. Всѣ крыши, всѣ заборы усыпаны были народомъ. Явился торжественно и старый гетманъ со всей войсковой старшиною. Поклонился Хмельницкій на всѣ четыре стороны народу и говоритъ громко:—«Панове, полковники, эсаулы, сотники, все войско запорожское, и всѣ православные христіане! Всѣмъ вамъ извѣстно, что враги наши хотятъ искоренить и церковь Божію, и всѣхъ насъ, чтобъ и имя русское не упоминалось въ землѣ нашей. Нельзя намъ больше безъ царя жить. Изберите себѣ государя, кого хотите: султана турецкаго, хана крымскаго, короля польскаго, или царя православнаго великой Россіи. Султанъ турецкій—бусурманъ, крымскій ханъ—тоже. Всѣмъ извѣстно, какое утѣсненіе терпятъ наши православные братья отъ невѣрныхъ. О польскихъ панахъ нечего и говорить: сами знаете, что они жида и собаку почитаютъ больше, чѣмъ нашего брата-христіанина. А православный царь московскій одного съ нами закона, едино мы тѣло съ православною великою Русью. Царь христіанскій склонилъ къ намъ теперь свое милостивое сердце и принимаетъ насъ подъ свою высокую руку.—А кто съ нами не согласенъ,—тому вольная дорога, иди, куда хочешь!» — Весь народъ, какъ одинъ человѣкъ, всѣ въ одинъ голосъ загремѣли:—«Хотимъ подъ царя московскаго, православнаго!» Тогда Хмельницкій громкимъ голосомъ сказалъ:—«Буди тако! Да утвердитъ насъ Господь подъ царскою крѣпкою рукою!»— А народъ загудѣлъ:—«Боже, утверди, Боже, укрѣпи! чтобы мы на-

вѣки всѣ были едино!»—И повалила радостная толпа въ церковь принимать присягу.

Такъ, послѣ долгой, кровавой борьбы, Малая Русь на-вѣки соединилась съ Великой Россіей. Больше десяти лѣтъ послѣ этого Польша вела войну съ царемъ московскимъ и тѣмъ въ конецъ истощила свои силы. Остались за Польшей Подолія, Волынь, Литовско-русскія земли: но и тамъ ужъ явилась теперь надежда, что московскій царь, рано или поздно, соберетъ всѣхъ русскихъ подъ свою державу.

Патріархъ Никонъ.

Никонъ былъ крестьянскій сынъ (Нижегородской области), звали его въ міру Никитой. Въ дѣтствѣ лишился Никита матери и спознался съ горемъ и нуждою: отецъ его женился на другой, мачеха не любила ребенка, бранила и била его и даже совсѣмъ извести хотѣла.

Но бѣдность и горе не всегда губятъ человѣка. Никита былъ мальчикъ даровитый: потихоньку отъ всѣхъ онъ выучился грамотѣ, доставалъ себѣ откуда-то книги, потихоньку отъ всѣхъ читалъ ихъ. Двѣнадцати лѣтъ Никита убѣжалъ изъ дому въ монастырь и рѣшилъ навсегда тамъ остаться. Неустанно трудился въ монастырѣ Никита, усердно читалъ церковныя книги, на удивленіе всѣхъ монаховъ.

Провѣдали родные, гдѣ скрывается Никита, домой его воротили, приневолили жениться, заставили крестьянствовать.

Грамотные люди были тогда и по городамъ на рѣдкость, и Никиту (двадцати лѣтъ) выбрали въ священники въ сосѣднее село, близъ города Макарьева. Въ Макарьевъ каждый годъ пріѣзжали на ярмарку купцы московскіе; познакомились они съ умнымъ и строгимъ въ жизни о. Никитой и увезли его въ Москву съ собою.

Десять лѣтъ прожилъ въ Москвѣ о. Никита; дѣти у него всѣ перемерли, и онъ опять надумалъ въ монастырь уйти; уговорилъ онъ жену постричься въ монахини, а самъ ушелъ на Бѣлое море, въ пустынный скитъ, гдѣ и постригся подъ именемъ Никона. Велъ онъ самую строгую жизнь, и его вскорѣ выбрали игуменомъ.

По монастырскимъ дѣламъ Никонъ однажды въ Москву пріѣхалъ, былъ у царя Алексѣя Михайловича. Полюбился Никонъ царю за умныя и смѣлыя рѣчи. Алексѣй Михайловичъ оставилъ Никона въ Москвѣ въ Новоспасскомъ монастырѣ архимандритомъ. Каждую недѣлю приходилъ Никонъ во дворецъ къ царю для духовной бесѣды.

Патріархъ Никонъ.

Часто при этомъ печаловался Никонъ за вдовъ и сиротъ, за обиженныхъ и притѣсненныхъ, выпрашивалъ у царя разныя милости бѣднымъ. И поручилъ Никону милостивый Алексѣй Михайловичъ прини-

мать просьбы ото всѣхъ, кто нуждается въ царскомъ милосердіи и защитѣ. Сдѣлался тогда Никонъ близкимъ къ царю человѣкомъ, а потомъ—и первымъ совѣтникомъ и другомъ.

Вскорѣ царь назначилъ Никона Новгородскимъ митрополитомъ, но и оттуда часто вызывалъ его въ Москву для совѣта по дѣламъ церковнымъ и гражданскимъ. Когда умеръ престарѣлый патріархъ Іосифъ, соборъ святителей избралъ Никона, по желанію государя, Московскимъ патріархомъ.

Но Никонъ отъ патріаршества отказался. Долго умоляли его, но онъ оставался непреклоннымъ. Тогда царь со всѣмъ духовенствомъ пали передъ Никономъ на землю и со слезами молили исполнить ихъ усердную просьбу. Прослезился тогда и самъ Никонъ и говоритъ:—«Мы называемся христіанами, но на дѣлѣ не исполняемъ ни заповѣдей евангельскихъ, ни правилъ церковныхъ. Коли хотите, чтобы я былъ у васъ патріархомъ, обѣщайтесь передъ Господомъ Богомъ, что во всемъ будете слушаться меня и дадите мнѣ исправить церковныя дѣла по правиламъ св. апостоловъ и св. отцевъ; тогда не стану больше отрекаться». Царь и весь соборъ духовенства произнесли передъ св. Евангеліемъ клятву, и Никонъ далъ тогда свое согласіе.

Еще ближе сталъ къ царю Никонъ въ патріаршемъ санѣ; Алексѣй Михайловичъ души въ немъ не чаялъ, ничего не дѣлалъ безъ его совѣта. Во время отсутствія царя изъ Москвы, Никонъ управлялъ и всѣми дѣлами государства, и царь величалъ его *„великимъ государемъ“*.

Съ первыхъ же дней своего патріаршества Никонъ съ великимъ рвеніемъ принялся за устроеніе дѣлъ церковныхъ. А безпорядковъ тогда было много и въ жизни духовенства, и въ богослуженіи церковномъ, и въ книгахъ церковныхъ.

Не только въ глухихъ селахъ, но и въ большихъ городахъ не рѣдкость было встрѣтить среди духовенства людей малограмотныхъ, суевѣрныхъ, порочныхъ. Духовенство мало чѣмъ отличалось отъ темнаго, невѣжественнаго крестьянства. Круто обходился съ духовенствомъ Никонъ: недостойныхъ лишалъ сана, жестоко наказывалъ виноватыхъ и никому не давалъ ни въ чемъ поблажки. Патріархъ требовалъ отъ духовенства примѣра трезвой и добродѣтельной жизни,

приказывалъ, чтобы священники учили народъ христіанской вѣрѣ, объясняли бы смыслъ церковной службы.—Тяжко пришлось духовенству подъ властной рукой крутого владыки; поднялся среди недовольныхъ глухой ропотъ.

Много было непорядковъ и въ богослуженіи церковномъ. Издавна укоренился по церквамъ обычай совершать церковныя службы „*многогласно*": пономарь читаетъ, дьячокъ поетъ, діаконъ ектенію произноситъ, священникъ возгласы говоритъ,—и все это въ одно и то же время. Не только понять, но и разобрать нельзя, что въ церкви творится. А прихожане приносили въ церковь каждый свою икону, называли ее своимъ «*богомъ*», и только предъ ней и молились. Въ церкви люди стояли безчинно,—разговаривали, шумѣли, межъ собой часто бранились.— Строго-на-строго запретилъ Никонъ многогласіе, требовалъ, чтобъ по церквамъ пѣли стройно, читали неспѣшно и внятно, совершали службы и молились благоговѣйно.—Тутъ ужъ и міряне вмѣстѣ съ духовенствомъ стали роптать на «*новшества*» патріарха.

Случилось около того времени солнечное затменіе, началось потомъ моровое повѣтріе: всѣ въ одинъ голосъ заговорили, что Богъ наказываетъ народъ за нечестіе патріарха.

Возсталъ Никонъ и противъ двухперстнаго сложенія; на Аѳонѣ и во всей Греціи издревле утвердилось трехперстное сложеніе, а на Руси вошло въ обычай молиться двумя перстами. Съ согласія восточныхъ патріарховъ, въ недѣлю православія, Никонъ всенародно въ Успенскомъ соборѣ предалъ анаѳемѣ всѣхъ, кто творитъ крестное знаменіе двумя перстами.—Въ ужасъ пришелъ темный народъ: двухперстнымъ сложеніемъ молились и святые угодники Божіи, и ихъ, значитъ, проклинаетъ Никонъ.

Еще большій ропотъ противъ Никона поднялся за исправленіе книгъ церковныхъ. И до этого исправляли церковныя книги, но справщики и сами малограмотны были и исправленіе вели по старымъ, неисправнымъ книгамъ; черезъ это въ церковныхъ книгахъ изстари укоренились грубыя ошибки, къ которымъ всѣ и привыкли. Царь съ патріархомъ взяли изъ всѣхъ древнихъ книгохранилищъ старинныя церковныя книги, посылали за древними греческими книгами на Аѳонъ и къ восточнымъ патріархамъ и собрали въ Москвѣ великое книжное богатство. Старыхъ, малоученыхъ справщиковъ

Никонъ отставилъ, выбралъ людей новыхъ, знающихъ и славянскій, и еврейскій языки, и поручилъ имъ исправить церковныя книги.

Когда новыя книги были готовы, Никонъ разослалъ ихъ по церквамъ, а по старымъ запретилъ совершать богослуженіе. Поднялся всеобщій ропотъ, и прежде всего въ духовенствѣ. Возсталъ противъ новшества коломенскій архіерей Павелъ. Возстали и прежніе справщики—протопопы: духовникъ царскій Стефанъ Вонифатьевъ, Иванъ Нероновъ, Аввакумъ и многіе другіе. Возстали почти всѣ монахи въ Соловкахъ. Никто не хочетъ молиться по новымъ книгамъ; всѣ считаютъ это за измѣну старой вѣрѣ. Жестоко наказалъ Никонъ противниковъ праваго дѣла,—лишалъ ихъ сана, сажалъ въ заточеніе, отправлялъ въ Сибирь на ссылку. А вражда отъ этого и къ Никону, и къ новымъ книгамъ росла и разгоралась еще больше. Священники мутили народъ, подбивали темный людъ до смерти постоять за старую будто бы вѣру. Пошли вездѣ толки и споры о двухперстномъ и трехперстномъ сложеніи, о тройной и двойной аллилуія, о хожденіи посолонь и противъ солнца, о правильномъ писаніи имени Господа (Исусъ или Іисусъ). Явились разные прорицатели и сновидцы, говорили народу, что придетъ Антихристъ. А иные Антихристомъ самого Никона называли, пострадавшихъ же отъ Никона священниковъ величали мучениками за старую вѣру.

Всѣ противъ Никона возстали,—и народъ, и духовенство. Много было враговъ у патріарха и среди бояръ именитыхъ. Завидовали бояре его власти и силѣ, злобились на него за крутой нравъ горделивый, за обиды, за вмѣшательство въ дѣла мірскія. Со всѣхъ сторонъ, тайно и явно, шли къ государю жалобы на патріарха. Бояре внушали царю, что Никонъ ни во что не ставитъ царской власти и себя почитаетъ выше самого царя. Хоть и сильно любилъ государь патріарха, но постоянныя жалобы и клеветы сдѣлали свое дѣло: въ душу царя закралось сомнѣніе, недовѣріе, недовольство; произошло между друзьями охлажденіе, а потомъ вскорѣ послѣдовалъ и полный разрывъ.

Видѣлъ Никонъ охлажденіе царя, но гордъ онъ былъ, не хотѣлъ съ царемъ объясниться и рѣшился на крайнее средство. Послѣ обѣдни въ Успенскомъ соборѣ, посылаетъ Никонъ изъ храма письмо государю: «Се вижу на мя гнѣвъ твой умноженъ безъ правды, и нынѣ отхожу отъ мѣста и града сего, и ты имаши отвѣтъ предъ

Господомъ Богомъ о всемъ дати». Объявилъ Никонъ и народу, что больше онъ не патріархъ имъ, снялъ облаченіе, надѣлъ простое монашеское платье и сѣлъ на ступеняхъ амвона. Ждалъ Никонъ, что царь придетъ въ соборъ и предъ всѣмъ народомъ станетъ просить его остаться. Царь не пришелъ, а только прислалъ боярина сказать Никону, чтобъ онъ не покидалъ патріаршаго престола. Никонъ вышелъ изъ собора, пѣшкомъ пошелъ на Воскресенское подворье. Прождалъ онъ здѣсь царя еще два дня, но не дождался и уѣхалъ изъ Москвы въ монастырь Воскресенскій *).

Враги Никона воспользовались этимъ и все больше разжигали вражду между царемъ и патріархомъ. Время шло, уходилъ годъ за годомъ. Церковными дѣлами Никонъ не занимался, а избрать новаго патріарха царь не рѣшался. Смуты и безпорядки церковныя тѣмъ временемъ увеличивались все больше и больше. Противниковъ Никона вернули изъ ссылки, и они стали проповѣдывать открыто, что надо стоять за старую вѣру, грозили отступникамъ вѣчнымъ мученьемъ.

Царь, наконецъ, собралъ соборъ судить патріарха. Пріѣхали въ Москву два восточныхъ патріарха, собралось десять митрополитовъ, много было и другихъ лицъ духовныхъ. Никона обвиняли въ томъ, что онъ самовольно покинулъ престолъ патріаршій, что церковь девять лѣтъ оставалась безъ верховнаго пастыря и потерпѣла много бѣдствій. На судѣ Никонъ держалъ себя гордо и непреклонно, отвѣчалъ патріархамъ рѣзко. Патріархъ Никонъ лишенъ былъ сана и священства и отправленъ въ ссылку.

Соборъ осудилъ Никона, а всѣ его дѣла церковныя одобрилъ. Нераскаянныхъ противниковъ Никона соборъ предалъ анаѳемѣ и послалъ въ ссылку. Но темный народъ не вѣрилъ собору, а вѣрилъ своимъ лжеучителямъ—пустосвятамъ.

Съ этого времени и пошло на Руси старообрядчество.

Стенька Разинъ.

Между донскими казаками были казаки «домовитые», вѣрные, и воровскіе казаки—голытьба, разные бѣглецы и бездомные скитальцы.

---

*) Воскресенскій монастырь (Новый Іерусалимъ) въ 45 верстахъ отъ Москвы.

Эта вольница всегда была готова на бунтъ и разбой, только бы нашелся коноводъ,—голова удалая.

Такимъ коноводомъ и объявился Стенька Разинъ,—казакъ богатырскаго сложенія, необъятной силы. Лицо у Стеньки суровое, дикое; взоръ пронзительный, лютый. Стенька былъ жестокъ и кровожаденъ, человѣкъ безъ совѣсти и чести, не вѣдалъ онъ ни человѣческихъ, ни божескихъ законовъ. Жизнью своей Стенька не дорожилъ, смерти не боялся, и суевѣрная толпа почитала его за чародѣя: всѣ вѣрили, что Стеньку не беретъ ни пуля, ни сабля, ни вода, ни огонь.

Быстро собралась вокругъ Стеньки удалая вольница. Не долго думая, снарядили они легкія лодочки и махнули на широкую Волгу—«зипуны добывать»,—купеческія и казенныя судна грабить. Раздобылись на Волгѣ разбойники всякимъ оружіемъ, набили карманы золотой казной, и уплыли въ море. Нежданно-негаданно явились они у береговъ персидскихъ, жгли и грабили богатыя селенія и города, безпощадно людей избивали. Вернулись разбойники съ богатой добычей. Нарядились воры въ шелкъ и бархатъ, изукрасили свои шапки золотыми обручами и самоцвѣтными камнями. Подошла шайка къ Астрахани, расположилась подъ городомъ станомъ.

Десять дней провели подъ Астраханью казаки. Ходили въ городъ, за безцѣнокъ сбывали шелкъ и бархатъ, золотыя вещи и драгоцѣнные камни. Алчные до наживы люди въ нѣсколько дней отъ воровъ обогатились, какъ-будто и сами на разбой ходили. Одинъ торгашъ похвалялся, что купилъ всего за сорокъ рублей золотую цѣпь въ цѣлую сажень, а въ той цѣпи, при каждомъ кольцѣ, было по пяти большихъ драгоцѣнныхъ каменьевъ.—Никому, видно, не было дѣла до того, что воровское богатство облито слезами и кровью. А передъ Стенькой всѣ снимали шапки, въ ноги кланялись злодѣю, величали его «батюшкой Степаномъ Тимоѳеичемъ». Стенька ласково разговаривалъ съ каждымъ встрѣчнымъ, полными горстями сыпалъ въ народъ деньги.

Изъ Астрахани Стенька вернулся на Донъ, устроилъ себѣ на островѣ крѣпость съ землянымъ валомъ. Не по днямъ, а по часамъ росла слава Стеньки, росла и воровская шайка. Собирался къ нему всякій сбродъ: выгнанные изъ службы приказные и дворяне, раз-

стриги—попы и монахи, бѣглые холопы и крестьяне,—все заклятые враги закона и порядка.

Подозрительно поглядывали на этотъ сбродъ домовитые казаки. Не на шутку тревожилось и московское начальство.

Прибылъ изъ Москвы на Донъ посланецъ, чтобы тайно развѣдать, что замышляетъ Стенька Разинъ. Провѣдалъ объ этомъ Стенька, велѣлъ схватить посланца и повѣсить. Заволновалась голытьба,—поднялася. Повелъ свою шайку Разинъ опять на Волгу.

Подошли разбойники къ Царицыну и взяли городъ.

Двинулся Стенька на Астрахань и ее безъ труда взялъ. Воеводу и начальниковъ злодѣи предали казни, въ городѣ ввели казацкое устройство, чтобы всѣ дѣла рѣшались на сходкахъ, чтобъ сходка же и начальниковъ-атамановъ себѣ выбирала.—Три недѣли пьянствовали и безобразничали въ Астрахани воры. Разинъ пилъ безъ просыпу, а съ похмѣлья лютыми казнями себя и народъ тѣшилъ.

Отъ Астрахани пошелъ Стенька вверхъ по Волгѣ, взялъ Саратовъ, взялъ Самару.—Вездѣ вводилъ казацкое устройство, вездѣ казнилъ воеводъ, дворянъ и приказныхъ.

Повсюду разсылаетъ Стенька свои воззванья, обѣщаетъ крестьянамъ волю. Заволновался темный народъ, и быть бы великой на Руси смутѣ, но, къ счастью, подъ Симбирскомъ потерпѣлъ разбойникъ неудачу. Храбро отбивался отъ Стеньки симбирскій воевода, а на выручку къ нему подоспѣлъ изъ Казани сильный отрядъ хорошо обученнаго войска. Не могла справиться съ обученнымъ войскомъ разбойничья шайка, и Стенька, послѣ неудачной битвы, убѣжалъ тихонько ночью внизъ по Волгѣ, съ малымъ отрядомъ, а все свое сбродное войско покинулъ на жертву заслуженнымъ казнямъ.

Образумила народъ неудача и предательство Стеньки. Изо всѣхъ городовъ и селеній понесли мятежники повинную, зачинщиковъ и коноводовъ выдавали, клялись, что бунтовали поневолѣ. Хотѣлъ Стенька пристать къ Самарѣ и Саратову, но горожане къ себѣ ужъ не пустили. И на Дону домовитые казаки встрѣтили разбойника враждебно. Казацкому донскому атаману удалось, наконецъ, схватить Стеньку и въ Москву въ кандалахъ отправить.

Шестого іюня (1670 г.), на Красной площади, собралась несмѣтная толпа народу. Стеньку Разина ввели на Лобное мѣсто. Прочи-

тали его кровавыя вины, произнесли приговоръ смертный и предали жестокой казни.

Жизнь въ древней Руси.

Обиходная жизнь русскаго человѣка.

Однообразно и просто жили встарину русскіе люди—отъ царя и до простолюдина. Царь вставалъ, обыкновенно, часа въ четыре, молился Богу, заутреню слушалъ. Послѣ заутрени царь принималъ царедворцевъ и бесѣдовалъ съ ними. Въ девять часовъ шелъ къ обѣднѣ. Послѣ обѣдни—опять бесѣда о дѣлахъ, а потомъ обѣдъ въ полдень. Обѣдъ продолжался долго: къ столу до семидесяти блюдъ подавали. Послѣ обѣда царь отдыхалъ часа три, потомъ слушалъ вечерню. Остальное до ужина время царь забавлялся пѣснями, сказками; его потѣшали карлики, шуты. Ужинали рано и спать ложились.

Похоже на это жили и бояре, и другіе богатые люди. Всѣ любили подолгу за столомъ сидѣть, часто бражничать, по-многу спать.

Бѣднаго и подневольнаго человѣка нужда заставляла много работать; но безъ нужды и бѣдные работать не любили и рады были праздному бездѣлью.

Невѣжество и просвѣщеніе.

Вѣковое невѣжество русскаго народа породило церковную смуту. Не зналъ темный народъ, въ чемъ православная вѣра Христова, и всей душой прилѣпился къ однимъ лишь внѣшнимъ обрядамъ. Родители своихъ дѣтей учили, какъ складывать персты для молитвы, какъ бить земные поклоны, а законовъ христіанскаго ученія они сами не знали. Когда просвѣщенные люди стали исправлять обряды и книги, темные люди возстали противъ *«новшествъ»*, полагая, что хотятъ перемѣнить самую вѣру.—Такъ, отъ невѣжества и произошелъ расколъ въ православной русской церкви.

Гдѣ невѣжество, тамъ нѣтъ и нравственности христіанской. Въ жизни личной—забота не о просвѣщеніи ума и сердца, а только о чувственныхъ (тѣлесныхъ) удовольствіяхъ: какъ бы получше и побольше поѣсть и попить, да поменьше работать. Въ жизни семейной—грубость, насиліе, безпутство. Въ жизни общественной—нѣтъ заботы о пользѣ другого, всякъ только думаетъ о своей выгодѣ и наживѣ. Алчность, лихоимство, насилія и всякія неправды доходятъ до крайнихъ предѣловъ. Ни на судѣ, ни у начальниковъ нельзя найти правды. Крѣпко вѣрилъ народъ въ одинъ только правый судъ—царскій; но бѣда въ томъ, что безъ бояръ и приказныхъ и до царя дойти трудно. Истощалось терпѣніе народа, и въ темнотѣ своей не зналъ онъ, чѣмъ помочь своему горю. Тутъ всякій ловкій проходимецъ можетъ ввести темную массу въ заблужденье. Явился Стенька Разинъ и обманулъ народъ жестоко, обѣщавши, что въ мятежѣ и безначаліи можно найти спасенье.—Такъ и дикое народное возстаніе произошло отъ всеобщей грубости нравовъ,—отъ невѣжества всего русскаго народа.

Нужно просвѣщенье и въ дѣлахъ вѣры, и въ дѣлахъ государственныхъ (чтобъ были мудрые правители, справедливые судьи, вожди, знающіе ратное дѣло). Нужно просвѣщеніе и для торговли, и для всякаго промысла, и для повседневной домашней жизни. Безъ просвѣщенія—ереси и суевѣрія, насилія и неправды, грубость и всякіе пороки, нищета и скудость.

Много тяжкихъ испытаній посылалъ Господь на Русскую землю, и некогда было русскому человѣку заботиться о своемъ просвѣщеніи: борьба съ азіатами, княжескія усобицы, татарскій погромъ и двухвѣковое рабство, боярское своевольство, самозванщина, частыя голодовки и пожары, моровыя повѣтрія,—всѣ эти злосчастія и бѣды истощали народныя силы, мѣшали мирному развитію. Но и въ самыя тяжкія времена лучшіе русскіе люди не переставали скорбѣть душою о невѣжествѣ и порокахъ родного народа, понимали, что необходимо нужно лѣчить застарѣлые народные недуги. Лучшіе люди знали и вѣрное противъ темныхъ недуговъ лѣкарство.

Ученый грекъ Паисій, проживавшій въ Россіи, говорилъ, что все зло на Руси отъ недостатка училищъ и библіотекъ.—«Если бы меня спросили»,—говорилъ онъ,—«какіе столпы вѣры и государства,—я бы отвѣтилъ: во-первыхъ—училища, во-вторыхъ — училища и въ третьихъ—училища».

Ученый монахъ, Симеонъ Полоцкій, умоляетъ царя въ своей проповѣди: — «Положи въ сердцѣ своемъ созидать училища, умножать учениковъ. А учиться слѣдуетъ каждому: монаху и мірянину, мужчинамъ и женщинамъ».

Другой монахъ-проповѣдникъ (изъ кіевскихъ ученыхъ), Епифаній Славинецкій, даетъ наставленія священникамъ: «Промышляйте всѣмъ сердцемъ, сколько силы станетъ, вездѣ устраивать училища, и за это, паче всѣхъ добродѣтелей, получите отъ Бога прощеніе всѣхъ грѣховъ своихъ».

Но откуда взять людей образованныхъ, чтобъ расплодить отъ нихъ по Руси просвѣщеніе? Южная Русь, по образованію, стояла несравненно выше Руси Московской; оттуда нерѣдко и приходили въ Москву ученые люди. Еще образованнѣе были поляки и западные народы: они шли впередъ и впередъ въ наукахъ и искусствахъ, въ торговлѣ, въ мастерствахъ и промыслахъ. И московскіе цари издавна призывали къ себѣ на службу иностранцевъ. Но русскій народъ не любилъ и чуждался иноземцевъ, называлъ ихъ «погаными еретиками». Русскіе за грѣхъ почитали ѣсть и пить съ ними изъ одной посуды. Чуждались русскіе и иноземной науки, почитая ее за волшебство, а людей ученыхъ «чернокнижниками» называли. Боялись русскіе, что иностранцы пошатнутъ у насъ православную вѣру и стародавніе обычаи. И противъ этой боязни возставали тогдашніе лучшіе люди.

Сербъ Юрій Крижаничъ писалъ тогда: «Мудрость нужна всѣмъ, а пріобрѣтается она ученіемъ и книгами. Скажутъ: между мудрыми рождаются ереси, а потому мы не должны учиться мудрости. На это отвѣчаю: а на Руси ереси встали развѣ не отъ глупыхъ мужиковъ некнижныхъ? Отъ мудрости ереси искореняются, а отъ невѣжества—пребываютъ во вѣки. Отъ огня, воды, желѣза умираютъ многіе,—а люди жить безъ нихъ не могутъ: такъ же точно и мудрость потребна людямъ».

И проповѣдникъ Епифаній Славинецкій возстаетъ противъ свѣтобоязни: — «Въ нынѣшнія времена мы видимъ много ослѣпленныхъ людей, которые возлюбили мракъ невѣдѣнія, ненавидятъ свѣтъ ученія; клеветами, лицемѣріемъ и обманомъ вредятъ тѣмъ, кто хочетъ просвѣтить людей. Подобно тому, какъ совы любятъ мракъ и скрываются, когда засіяетъ заря, такъ и эти мысленныя совы, ненавист-

ники науки, скроются въ любимый ими мракъ, когда государь захочетъ разрушить тьму и дастъ возсіять свѣту».

Боялись свѣта невѣжды, а лучшіе люди того времени и самъ царь Алексѣй Михайловичъ хорошо понимали, что на Руси неотложно надобно просвѣщеніе, что необходимо русскимъ сблизиться съ образованными иностранцами. Царскихъ дѣтей (царевича Ѳеодора, царевну Софію) обучалъ разнымъ наукамъ южнорусскій ученый монахъ, Симеонъ Полоцкій. Начинаютъ и бояре учить своихъ дѣтей наукамъ и языкамъ иностраннымъ. Молодыхъ людей посылаютъ учиться и за границу. А въ Москвѣ разрослась цѣлая большая слобода (Нѣмецкая), гдѣ жили иностранцы, и лучшіе русскіе люди понемногу перестаютъ чуждаться «нѣмцевъ».

Промышленность и торговля въ древней Руси.

Необъятны русскія земли,—на широкомъ просторѣ раскинулись русскія границы. На сѣверѣ—непроходимые лѣса, мертвыя тундры; на югѣ — пустынныя степи. И въ самой срединѣ Руси въ прежнее время простору было не мало: обработанныя поля попадались только мѣстами, гораздо больше пустырей и лѣсовъ. Вдоль малопроѣздныхъ дорогъ, по берегамъ безжизненныхъ рѣкъ разбросаны, далеко другъ отъ друга, небольшіе города, монастыри со слободами, бѣдныя села и деревушки, хутора и помѣщичьи усадьбы. Всюду—пустынно, одиноко.

Трудно малочисленному населенію на такомъ необъятномъ просторѣ и сообщаться другъ съ другомъ. Дороги были непроѣздны—отъ топей и болотъ, отъ грязи и снѣгу, отъ лихихъ людей—воровъ и разбойниковъ. До нашихъ дней сохранилась еще грозная слава лѣсовъ муромскихъ и брянскихъ; памятны по разсказамъ и волжскіе разбойники.

Домосѣдъ былъ русскій человѣкъ и безъ крайней нужды не покидалъ угла родного: все необходимое для жизни находилъ онъ у себя подъ рукою, все самъ себѣ припасалъ и изготовлялъ, какъ умѣлъ. Изъ своего лѣса помѣщикъ строилъ маленькій и низенькій домикъ, съ клѣтями и подклѣтями, съ амбарами и сарайчиками. Мелкопомѣстный дворянинъ жилъ въ простой избѣ подъ соломенной кры-

шей, а крестьянинъ—въ курной избушкѣ—въ дыму, въ копоти, въ грязи,—вмѣстѣ съ домашней скотиной. Изъ домашней шерсти и домашняго льна пряли дома нитки, ткали грубый холстъ и сукно. Изъ кожи шили обувь, изъ лыкъ плели лапти. Каждый все дѣлалъ для себя самъ.—Сыты, одѣты, обуты, — больше ничего и не требовалось.

Всякій домохозяинъ промышлялъ для своей семьи столько, сколько ему и семьѣ нужно,—лишковъ дѣвать было некуда, продавать почти некому (кромѣ горожанъ). И купить чего-нибудь, кромѣ самаго необходимаго, — и не укого, и не на что, — деньги тогда были рѣдки и очень дорого цѣнились.

Отъ этого не было въ древней Руси ни искусныхъ мастеровъ, ни ремесленниковъ, не было ни значительной промышленности, ни большой торговли.

Люди не обмѣнивались трудами своихъ рукъ, не улучшали домашней обстановки, и каждый жилъ такъ, какъ испоконъ вѣка жили его прадѣды и дѣды. Повсюду мертвый вѣковой застой.

Не такъ жили въ своихъ земляхъ иностранцы. Тамъ не было такихъ необъятныхъ пространствъ пустынныхъ, тамъ населеніе гуще, и городовъ несравненно больше. Поселяне обрабатывали землю, разное сырье добывали. А въ городахъ это сырье перерабатывалось на фабрикахъ и заводахъ, въ мастерскихъ ремесленниковъ и мастеровъ искусныхъ. Каждый старался хорошо научиться одному какому-нибудь дѣлу, прилежно трудился, желая довести свою работу до совершенства, чтобы скорѣе найти сбытъ для своего товара. Люди хлопотали побольше сработать, мѣнялись трудами рукъ своихъ, увеличивали и свое и общее благосостояніе, улучшали съ теченіемъ времени свою домашнюю обстановку. Всюду — живая дѣятельность, постоянное во всемъ стремленіе впередъ.

Добрые люди древней Руси.

I. Ульяна Устиновна Осорьина *).

Ульяна Устиновна была простая, добрая женщина-помѣщица. Она отличалась отъ другихъ развѣ только тѣмъ, что жалость къ бѣдному

*) Ульяна Устиновна Осорьина жила во время царствованія Бориса Годунова.

наполняла все ея существо и стала ежеминутнымъ влеченіемъ ея вѣчно дѣятельнаго сердца.

Еще до замужества, живя по смерти родителей у тетки, она обшивала въ деревнѣ всѣхъ сиротъ и вдовъ престарѣлыхъ, и часто до разсвѣта не гасла свѣча въ ея свѣтлицѣ.

Ульяна Устиновна вышла замужъ за богатаго помѣщика. Свекровь поручила ей вести домашнее хозяйство, и невѣстка оказалась умной, распорядительной хозяйкой. Но привычная мысль о бѣдномъ и убогомъ не покидала ея среди хлопотъ домашнихъ.

Бывало, ушлютъ ея мужа куда-нибудь далеко на царскую службу, года на два или на три. Оставшись дома и коротая одинокіе вечера, она шила и пряла, рукодѣліе свое продавала, а выручку тайкомъ раздавала нищимъ. Не считая себя въ правѣ брать безъ спроса что-нибудь изъ домашнихъ запасовъ, она однажды прибѣгла даже къ маленькому лукавству.

Случился одинъ изъ нерѣдкихъ тогда на Руси неурожаевъ, и наступилъ голодъ. Ульяна усилила тайную милостыню; но нужда была велика, и обычныхъ средствъ не хватало. До этого Ульяна была очень умѣренна въ пищѣ, только обѣдала, не завтракала и не полдничала, что очень тревожило свекровь, которая боялась за здоровье молодой невѣстки. Теперь вдругъ Ульяна стала спрашивать себѣ полностію и завтраковъ, и полдниковъ, которые, разумѣется, шли въ раздачу голоднымъ.

Свекровь шутливо замѣчаетъ:—«что это подѣлалось съ тобою, дочка? Когда хлѣба было вдоволь, такъ ты чуть не голодомъ себя морила; а теперь, когда хлѣба мало, у тебя охота къ ѣдѣ припала?»— «Пока не было у меня дѣтей,—отвѣчала невѣстка,—мнѣ ѣда и на умъ не шла; а какъ пошли ребята родиться, я отощала и никакъ не могу наѣсться: не только что днемъ, а часто и ночью такъ и тянетъ къ ѣдѣ,—только мнѣ стыдно, матушка, тебя этимъ безпокоить».— Свекровь, конечно, позволила невѣсткѣ брать пищи, сколько она захочетъ,—и днемъ, и ночью.

Эта сострадательная любовь къ ближнему, обиженному жизнью, помогла Ульянѣ побороть закоренѣлый предразсудокъ древней Руси. Глубокая пропасть тогда лежала между бариномъ и холопомъ: послѣдній былъ для перваго какъ бы не человѣкомъ, а простою вещью. Если

господинъ нечаянно убьетъ своего холопа, за это онъ не подвергался никакому наказанію.

Плохо одѣтые, всегда голодные, челядинцы составляли толпу жалкихъ домашнихъ нищихъ. И въ усадьбѣ Ульяны Устиновны челяди было много. Но Ульяна хорошо кормила и одѣвала своихъ челядинцевъ; не баловала ихъ, но щадила; не оставляла безъ дѣла, но задавала каждому работу по силамъ; не требовала ни отъ кого личныхъ услугъ, а все, что могла, сама все дѣлала для себя, не допускала даже разувать себя и подать себѣ воды умыться. Никогда не обращалась она къ холопамъ съ обычными тогда кличками—«*Ванька*», «*Мишка*», но каждаго и каждую называла настоящимъ полнымъ именемъ.

Ульяна Устиновна была уже вдовой престарѣлой, когда ее постигло тяжкое испытаніе. Похоронивъ мужа, вырастивъ сыновей и поставивъ ихъ на царскую службу, она уже помышляла о смерти, но все еще тлѣла передъ Богомъ любовью къ ближнему, какъ тлѣетъ передъ образомъ догорающая восковая свѣча. Нищелюбіе не позволяло ей быть запасливой хозяйкой. Домовое продовольствіе она разсчитывала только на годъ, раздавая остальное всѣмъ, кто нуждался. Бѣдный былъ для нея какой-то бездонной сберегательной кружкой, куда она съ ненасытнымъ скопидомствомъ прятала да прятала всѣ свои сбереженія и излишки. Порой у нея въ дому не оставалось ни копейки, и она занимала у сыновей деньги и шила на нихъ зимнюю одежду для нищихъ, а сама, шестидесятилѣтняя старуха, ходила всю зиму безъ шубы. Въ такомъ-то положеніи застигло Ульяну Устиновну страшное народное бѣдствіе: насталъ трехлѣтній жестокій голодъ (1601 г.). Съ полей своихъ она, какъ и всѣ, ни зерна не собрала, запасовъ не было, а скотъ почти весь палъ отъ безкормицы.

Но Ульяна Устиновна не упала духомъ, а бодро принялась за дѣло: распродала остатокъ скотины, платье, посуду, все цѣнное въ домѣ, и на вырученныя деньги купила хлѣба, который и раздавала голоднымъ.

Но больше всего заботилась она о томъ, чтобъ прокормить свою челядь. Другіе разсчетливые господа прогоняли со двора своихъ холоповъ, чтобы только не кормить ихъ; но отпускныхъ имъ не давали, чтобъ послѣ опять къ себѣ воротить ихъ. Брошенные на произ-

волъ судьбы холопы по-неволѣ принимались воровать и грабить. Этого-то больше всего Ульяна Устиновна и боялась: она кормила и поила своихъ холоповъ, сколько хватало силы.

Наконецъ, она дошла до полной нищеты, обобрала себя дочиста, такъ что ей не въ чемъ стало выйти и въ церковь. Выбившись изъ силъ, израсходовавъ весь хлѣбъ до послѣдняго зерна, она объявила своей дворнѣ, что кормить ее больше не можетъ: кто желаетъ, пусть беретъ отпускную и идетъ съ Богомъ на волю. Иные ушли, и Ульяна Устиновна проводила ихъ съ благословеніемъ и молитвой; но многіе отказались отъ воли и объявили, что скорѣй умрутъ съ своей госпожей, чѣмъ ее покинутъ.

Ульяна Устиновна разослала своихъ вѣрныхъ слугъ по лѣсамъ и полямъ собирать древесную кору и лебеду и принялась печь хлѣбъ, которымъ кормилась съ дѣтьми и холопами вмѣстѣ; даже ухитрялась дѣлиться этимъ хлѣбомъ и съ нищими, которыхъ въ то время безъ числа было много. Два года терпѣла она такую скудность и не опечалилась, не возроптала, а, напротивъ, была весела, какъ никогда прежде.

Тихо и безмятежно умерла Ульяна Устиновна послѣ голода вскорѣ.

II. Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ.

Любимецъ царя Алексѣя Михайловича, Ѳ. М. Ртищевъ, принадлежалъ къ числу лучшихъ, просвѣщенныхъ людей Алексѣева времени. Много занятый по государевой службѣ, Ртищевъ задачею своей частной жизни поставилъ служеніе страждущему люду. Помощь ближнему была постоянной потребностью его сердца, неизмѣннымъ нравственнымъ долгомъ. Наперекоръ исконнымъ людскимъ привычкамъ, въ заповѣди Христовой—«*любить ближняго, какъ самого себя*»,—Ртищевъ исполнялъ только первую половину: онъ и самого себя любилъ только для ближняго. Высокое положеніе при царѣ не сдѣлало Ртищева высокомѣрнымъ, а лишь дало ему возможность узнать и увидѣть, сколько живетъ на свѣтѣ людей, которымъ нужна посторонняя помощь.

Во время войны съ Польшей (изъ-за Малороссіи), Ртищевъ сопровождалъ царя въ походѣ и былъ начальникомъ его походной квар-

тиры. Находясь въ тылу арміи, Ртищевъ видѣлъ всѣ ужасы, какіе война послѣ себя оставляетъ. По дорогѣ онъ кучами подбираетъ въ свой экипажъ больныхъ и раненыхъ, такъ что иной разъ ему самому не оставалось мѣста. Страдая ногами, онъ съ великимъ трудомъ садился на коня и, самъ кряхтя отъ боли, плелся верхомъ за своимъ походнымъ лазаретомъ. Въ первомъ ближайшемъ городѣ Ртищевъ нанималъ домъ, гдѣ и пристраивалъ охающую и стонущую братію, приставлялъ къ больнымъ врачей, надзирателей и кормителей, истощая на это свои послѣднія средства. Впрочемъ, въ этомъ дѣлѣ у Ртищева была тайная пособница. Въ своемъ молчаливомъ карманѣ Ртищевъ везъ на войну большую сумму денегъ, тихонько сунутую ему царицей. Передъ походомъ они уговорились принимать въ задуманный ими лазаретъ не только своихъ, но и враговъ, нуждающихся въ помощи и уходѣ.—Надобно до земли поклониться памяти этихъ людей, которые своими дѣлами безмолвно учатъ насъ исполнять слова Христовы;—*«любите враговъ вашихъ, добро творите ненавидящимъ васъ»*.

Много страдалъ тогда русскій народъ и въ мирное время отъ частыхъ набѣговъ татаръ крымскихъ: эти разбойники десятками тысячъ забирали плѣнныхъ и продавали ихъ въ рабство мусульманамъ. Правительство выкупало несчастныхъ на казенный счетъ, для чего установленъ былъ особый налогъ—*полоняничныя деньги*. Этотъ выкупъ назывался *общей милостыней*, въ которой всѣ участвовали,—отъ царя до послѣдняго простолюдина. Но казенныхъ денегъ все-таки не хватало. И вотъ Ртищевъ вошелъ въ соглашеніе съ однимъ добрымъ купцомъ-грекомъ, который, ведя огромную торговлю на востокѣ, на свой счетъ выкупалъ много христіанъ плѣнныхъ. Этому доброму человѣку Ртищевъ передалъ большой капиталъ, грекъ прибавилъ къ этому свой вкладъ, и на эти деньги много было выкуплено русскихъ плѣнныхъ у татаръ и турокъ. Ртищевъ не забывалъ и плѣнниковъ-иноземцевъ, которыхъ война покидала въ Россіи: онъ облегчалъ ихъ тяжелое положеніе и своимъ заступничествомъ, и милостыней.

Нуждающихся и обремененныхъ всегда и вездѣ много. На немощенныхъ московскихъ улицахъ, среди грязи, несчастіе, праздность и порокъ сидѣли, ползали и лежали рядомъ: нищіе и калѣки вопили къ прохожимъ о подаяніи, пьяные на землѣ въ грязи валялись. Рти-

щевъ составилъ команду разсыльныхъ, которые подбирали этихъ несчастныхъ и свозили ихъ въ особый домъ, устроенный Ртищевымъ на свой счетъ. Здѣсь больныхъ лѣчили, а пьяныхъ вытрезвляли и потомъ, снабдивъ необходимымъ, отпускали. Для престарѣлыхъ, слѣпыхъ и калѣкъ, страдавшихъ неизлѣчимыми недугами, Ртищевъ купилъ другой домъ, тратя на содержаніе этихъ двухъ домовъ свои послѣдніе доходы. Такъ Ртищевъ образовалъ два вида благотворительныхъ заведеній: пріютъ для нуждающихся во временной помощи и постоянное убѣжище—богадѣльню для дѣтей, которыхъ человѣколюбіе должно было взять на свои руки до ихъ смерти.

Ртищевъ прислушивался къ людской нуждѣ, гдѣ бы она ни была, хотя бы и очень далеко за предѣлами Москвы. Случился въ Вологодскомъ краю голодъ. Ртищевъ, растративъ деньги на свои московскія заведенія, продалъ все свое лишнее платье, всю лишнюю домашнюю утварь и послалъ вырученныя деньги вологодскому владыкѣ, который, прибавивъ еще и отъ себя, прокормилъ въ голодный годъ много бѣднаго народа.

Ртищевъ умѣлъ сострадать и о нуждѣ цѣлыхъ обществъ, какъ сострадаютъ горю отдѣльныхъ лицъ. Подъ Арзамасомъ у Ртищева была земля, за которую давали ему 17 тысячъ рублей на наши деньги. Но онъ зналъ, что земля эта до-зарѣзу нужна арзамасцамъ и предложилъ городу купить ее, хотя бы за пониженную цѣну. Но городское общество было такъ бѣдно, что не могло заплатить сколько-нибудь приличной суммы. Ртищевъ даромъ отдалъ городу эту землю.

Трогательно до глубины души отношеніе Ртищева и къ своимъ крѣпостнымъ крестьянамъ. Поддерживая щедрыми ссудами инвентарь крестьянскій, Ртищевъ больше всего боялся разстроить ихъ хозяйство непосильными оброками и барщинными работами. Онъ хмурилъ брови всякій разъ, когда въ отчетахъ управляющихъ замѣчалъ приращеніе своихъ доходовъ. Всегда нуждаясь въ деньгахъ, Ртищевъ принужденъ былъ какъ-то продать одно изъ своихъ имѣній. Сторговавшись съ покупщикомъ, онъ самъ добровольно уменьшилъ условленную цѣну, но при этомъ подвелъ новаго владѣльца къ образу и заставилъ его побожиться, что тотъ не увеличитъ оброка крестьянамъ.

Ртищевъ позаботился, чтобъ его крестьянамъ хорошо жилось и послѣ его смерти.—«Вотъ какъ устройте мою душу»,—говорилъ

передъ смертью Ртищевъ зятю и дочери, которымъ онъ отказалъ всѣ свои вотчины: — «въ память по мнѣ будьте добры къ моимъ мужикамъ, владѣйте ими льготно, не требуйте отъ нихъ работъ и оброковъ свыше силы-возможности, потому что они намъ братья: это моя послѣдняя и самая большая къ вамъ просьба.» — А всѣхъ своихъ дворовыхъ Ртищевъ велѣлъ отпустить на волю.

Всѣ любили и уважали добраго и умнаго человѣка; но больше всего его помнили среди нищей братіи, за которую онъ положилъ свою душу. Вотъ какой разсказъ сохранился о его смерти. Передъ самою смертью Ртищевъ позвалъ къ себѣ въ спальню нищихъ, изъ своихъ рукъ роздалъ имъ послѣднюю милостыню,—потомъ прилегъ и забылся. Вдругъ его угасшіе глаза засвѣтились, точно озаренные какимъ-то видѣніемъ, лицо оживилось, и онъ весело улыбнулся: съ такимъ радостнымъ видомъ онъ и замеръ.—Всю жизнь сострадать, благотворить и умереть съ веселой улыбкой—вполнѣ заслуженный конецъ такой жизни!

Всю свою жизнь работали на пользу ближняго Ульяна и Ртищевъ, и каждый по-своему дѣлалъ доброе дѣло. Сострадательная къ горю и нищетѣ Ульяна благотворила дома, въ тѣсномъ кругу семейномъ, подавала милостыню изъ руки въ руку. Просвѣщенный умъ и сострадательное чувство подсказали Ртищеву, что нужно помогать и тѣмъ несчастнымъ, кого не видишь и не знаешь. Случайную милостыню Ртищевъ хотѣлъ превратить въ постоянную общественную благотворительность для помощи всѣмъ труждающимся и обремененнымъ.

Но, идя различными путями, оба милостивца стремились къ одной цѣли: долгомъ всей своей жизни они почитали неустанную и непрерывную борьбу съ людской нуждой и горемъ. Эти и имъ подобные милостивцы, какъ свѣтильники во тьмѣ ночной, и намъ освѣщаютъ и показываютъ путь, какъ надо жить по ихъ завѣту.

А завѣтъ этихъ добрыхъ людей таковъ: жить, значитъ—любить ближняго, т.-е. помогать ему жить; больше ничего не значитъ жить, и больше не для чего жить.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Оглавленіе первой части.

